

ВИТРАЖИ

ВИТРАЖИ

литературный альманах

«Лукоморье»

2026

литературный альманах 2026

ВИТРАЖИ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ

Литобъединение
«Лукоморье»

Мельбурн

2026

© Copyright 2026 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-1-7690889-0-9

Design and Artwork:

Graphics:

Naum Vinarskiy

Cover design and Layout:

Ksenia Shcherbakova

Artwork on cover:

Alexej von Jawlensky "Variation (Trees)"

Literary Creative Association

“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia, Melbourne, 2026

о

ПОЭЗИЯ

Юрий Михайлик

Сидней

Родился, вырос и сформировался, как поэт, в Одессе; окончил филологический факультет Одесского университета. Автор более полутора десятков сборников стихотворений и пяти книг прозы. Десятилетия профессиональной журналистской деятельности. Вел литературную студию "Круг" в Одессе, воспитавшую целую плеяду поэтов. Составитель антологии творчества студийцев "Вольный город" (Одесса, 1991) и, через двадцать с лишним лет – их нового коллективного сборника "Глаголы настоящего времени" (2013). С 1993 г. поэт живёт и творит в Австралии (Сидней), где вышли его книги "Длина разлуки" (2019) и "Под небом и над морем" (2023). В 2025 г. на родине был издан поэтический сборник "В провинциальной галактике".

К полночи по краю небосклона
Нерастаявшим осколком льда
Возникает Альфа Ориона,
К нам приговоренная звезда.
Неизменно – с севера до юга –
Надо мной, куда ни уплыви,
Странница, печальница, подруга,
Спутница разлуки и любви.
Ни следа в морском и звездном рейсе,
Стихнет ветер, замолчит прибой...
Альфа Ориона, Бетельгейзе,
Только ей и плакать над тобой.

Мы выбыли, мы убыли – какая благодать!
Ни прибыли, ни убыли уже не угадать.
Мы ахнули как с горочки – в отвал, в провал, во тьму.
И терочки-разборочки нам ваши ни к чему.
В иные полушария мы вышли из игры
В коллекции, в гербарии, на кончике иглы.
По низкой траектории мы вышли из пике
В неведомой истории на чуждом языке.
Мы убыли, мы выбыли – какая благодать!
Ни убыли, ни прибыли уже не угадать,
И лишь одно созвездие из памяти живой
Как позднее возмездие висит над головой.

КОГДА Б ТЫ МОГ...

Когда б ты мог родиться заново
На – сколько там осталось – дней,
И море пред тобой – Тасманово,
И город за спиной – Сидней,
И неба дымчатая патина,
Случайная в твоей судьбе,
И нет земли доброжелательней
И снисходительней к тебе.
Когда б ты мог – в иной гармонии,
В ином краю, в чужом раю,
Коротким поводком иронии
Удерживая жизнь свою,
Весенним утром – здешней осенью,
Завидя парус за окном,
Не приставать к нему с расспросами –
Что кинул он в краю родном...

Прости-прощай, форгет энд форгив –
Это чайный клипер проходит пролив.
Австралийская шерсть и китайский чай –
Форгет энд форгив, прости-прощай.
Китайский чай, австралийская шерсть –
Океанов пять, континентов шесть,
Свои белые крылья вполнеба раскрыв,
Там чайный клипер уходит за риф.
Прости-прощай, форгив энд форгет,
Ни на суше, ни в море спасенья нет.
Над волной впереди полыхнет закат,
Подними свой взгляд – паруса горят.
Оправданье погибших, спасенье живых –
Чайный клипер в ревущих сороковых.
Это чая глоток, это шерсти клок,
Этим курсом дьявол пройти не смог.
Бушприт над волной – смычок над струной,
Это скорость, полная тишиной,
Звезды яростной жизни – чумной, шальной –
Это чайный клипер летит над волной.
Воскемнадцать узлов – прости-прощай,
Не ходи на причал, никого не встречай,
Паруса ушли облаками в рассвет,
Нас нигде уже нет. Форгив энд форгет.

Кривоклювые птицы древнеегипетских храмов,
Посвященные Тоту – богу мудрости, смерти и знаний,
Голенастые птицы преданий, забвений, изгнаний,
Рассекавшие небо багровыми вспышками шрамов.
Разноцветные птицы мгновенья, слепящего мига,

Птицы ржавой осоки над сытыми водами Нила,
Сколько тысяч закатов природа для вас сохранила,
Понимая, что вы – просто старшие сестры фламинго,
Через тысячи лет катакомбных секретных закланий,
Кривоклювые птицы, ваш бог еще в славе и силе,
Нет просителей больше, нет и тех, у которых просили,
Но таинственен путь исполнения вечных желаний.
О, голодные гости помоек и мусорных баков,
Вы как прежде священны, – изгои, бродяги, люмпены,
Улетая за крыши, как большие артисты со сцены, –
К богу Тоту. Во мрак. Мир инаков. Исход одинаков.

Матрос разбитого корабля,
Захлебываясь в кислой воде,
Еще прошепчет – земля, земля –
Зная, что земли никакой нигде.
Он слышит, что снизу – из темноты –
Его настигает подводный гул.
На все ваши конкурсы красоты
Следует приглашать акул.
Онемевшими пальцами шевеля,
Он к волне, к последней любви приник,
Может, где-то во мраке и есть земля,
Но гораздо ближе острый плавник.
Мягким властным изгибом волну рубя,
Не спеша, но помня – еще быстрее! –
Большая Белая догонит тебя –
Королева южных морей.
Нет земли нигде, но звезда вдали,
Но предсмертное небо стоит стоймя,
Где циклон опрокидывает корабли,
Острозубых красавиц во тьме кормя.

Австралийские старушки приезжают в магазин
И с чудовищным усилием выползают из машин,
И причесочку седую поправляя на ходу,
Молвят – хау, молвят – ду ю – то есть – хау ду ю ду?
На когда-то стройных ножках,
На высоких каблуках,
Потихоньку, понемножку,
Ходунок держа в руках,
Очень бережно ступают (это старость и балет),
Аккуратно покупают то, что любят столько лет,
И в подземном переходе освещают каждый шаг
Бриллиантами на пальцах, бриллиантами в ушах.
И, конечно, очень сложно (и сложнее с каждым днем)
Потихоньку, осторожно размещаться за рулем,
И, конечно, очень просто при лихой седой красе
С места дунуть девяносто, вылетая на шоссе.
Эти были не забыли день иной и мир иной –
Как горели, как любили, как вдыхали этот зной,
И в каком счастливом ритме – жизнь одна и страсть одна, –
Бешено, метеоритно развевалась седина...

А когда из моря вдали растут серебряные цветы,
Им, быть может, вовсе не место тут, но это идут киты.
Потому что июнь, предчувствие тьмы ощутимо
в любом углу,
А в местах, где июнь – начало зимы, следует плыть к теплу.
Вот они и движутся пред тобой – и темна спина, как волна,
Вот они качаются как прибой – высота и вновь глубина.
Вот они поют, уходя от беды, каждый выдох свой наделая
Мимолетным блеской живой воды, россыпью хрустала.

Сергей Пагын

Единцы (Молдова)

Родился в 1969 году в г. Единцы (Молдова), где живёт и сейчас. Выпускник педагогического института. Автор шести книг стихотворений, среди них «Просто жизнь» (2017) и «Спасительный каштан» (2022).

Лауреат премии журналов «Дружба Народов» (2022) и «Наш современник» (2024), победитель международного литературного конкурса «Русская премия» (2024).

Детская летняя скука:
 полдень,
 в стакане компот.
 Жарко. Уставшая муха
 по занавеске ползёт –
 глянет на снулые ветки,
 и закружится опять.
 Ранка зудит на коленке –
 лень мне её почесать,
 корку содрать, под подушку
 спрятать от бабушки йод...
 Будущность дышит в макушку,
 ласково дует и ждёт,
 чтобы полдневная скука
 выросла, стала тоской
 и ожиданием стука
 в дверь беспросветной порой,

стала предзимней тревогой,
твёрдым молчаньем земли,
тихой закатной дорогой,
гаснущей где-то вдали.

Где тайна есть, там тянется дорога –
она в окне, и пусть за ним стена,
она живому зрению видна.
Так мальчик, вдруг застывший у порога,
не в сад глядит, а в будущность свою,
так куст осенний клонится к огню,
так рвётся сумрак из саманной клетки...
И я порою чую этот ветер.

Памяти С.Т.

Я не чужой тебе, октябрь, я свой,
я – плоть от плоти или кровь от крови
твоей шуршащей, лёгкой, золотой,
твоим ветрам, твоим садам я вровень.

Мой быт размётан стаями скворцов,
мой дом теперь – засохшие растения.
И если было у меня лицо,
оно – ветвей безлиственных сплетенье.

И если было слово у меня,
оно – лишь вскрик летящей в небе птицы
и всхлип воды, и краткий вздох огня...
И ничего уже не возвратится.

...И когда уже не радует то и это,
ничего не держит и не цепляет,
человек сбегает по склону лета,
и, став птицей,
медленно
улетает

Свет августа с прожилкой ледяной,
и воздух ждёт шуршанья и круженья...
И смотрит небо – взгляд его живой,
но с тоненьким налётом отрешенья.

Какой-то птичий перелётный взгляд,
хотя ещё не время перелёта.
От всех плодов, от всех простых услад
останется лишь горькая свобода

идти в снегу неведомо куда,
нащупать куст рябиновый у края,
и будет гроздь в ладони, как звезда –
горящая, ведущая, земная.

Небо посылает в мои сны
воздуха апрельского свечение
и отца – печали и вины
горькое немое воплощение.

Возле улья он стоит, склонясь,
и лица под маской пчеловода
я не вижу...
Птица пронеслась,
но вокруг безмолвствует природа.

И снимаю с этой тишины
я слезой прозрачную залятье,
чтобы ни печали, ни вины –
воздуха звучащего объятье.

Л. Б.

Это жизни сквозняк продувает меня.
Я – как дверь посреди потускневшего дня,
посреди опустевшего поля.
Прошмыгнула синица, солома летит...
И предчувствием чуда так остро сквозит
и так сладко, что даже без боли.

Насыплю синичкам корма.
Поставлю на плитку чайник.
Сегодня всё так весомо,
значительно, неслучайно.

И кажется – смотрит кто-то,
и ширится это зренье.
И словно я жду чего-то –
прощания ли,
прощенья.

Я открываю глаза, как их открывает Он,
вижу метёный двор и белёный дом,
рыжих коз и ночи чернее пса.
Дом стоит у дороги,
а дальше – леса, леса...

Я не вижу жильцов, но знаю – там мир и лад.
 Постепенно сросся хозяйский сад
 с можжевельником, тёрном, орешником и сосной.
 Пса прыжок над оградой...
 Промельк птицы лесной...

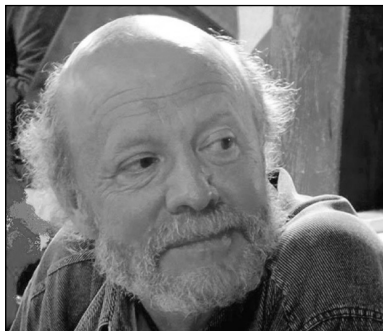
Я не знаю, кто в доме, но знаю, что там любовь.
 Я закрываю глаза и открываю вновь.

Если долго сидеть у окна,
 можно с ним потихоньку сродниться,
 стать прозрачным...
 И будет зима
 сквозь тебя всё смотреть, и дивиться

 раскалённой печурке в углу,
 молоку и домашнему хлебу,
 прислонившись к живому стеклу,
 словно лбом, примороженным небом.

Я вышел в снег, оставив на столе
 свечу и хлеб, и наш семейный снимок...
 И мир был нов, точней – летуч и зыбок,
 и память гасла в сумасшедшей мгле.

 И я был нов...
 И шум прошедших лет
 глушило снегом в этой круговерти,
 и так хотелось говорить о смерти,
 но я сегодня говорю про свет.

Валентин Нервин

Воронеж

Поэт, член Союза российских писателей. Автор 17 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н.Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им.Марка Твена (Канада); международного литературного фестиваля «Русский Гофман».

Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии). Дипломант Всероссийской поэтической премии им.А.Ахматовой. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки. Живет в г. Воронеже (Россия)

НА ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ ЗАКАТА

БЕЗДЕЛУШКА

В обыкновенной квартире
есть безделушка одна:
ангел играет на лире –
грош без копейки цена.
Купленный на барахолке
в годы больной нищеты,
он притулился на полке
выше мирской суеты.
Выше хулы и злословья
каждую ночь напролет

у моего изголовья
вольная лира поет.
Только свободное небо
запросто делит со мной
малую часть ширпотреба
в этой квартире земной.

В КИНОТЕАТРЕ ПОВТОРНОГО ФИЛЬМА

Верили в Бога и в Белого Бима,
жили по совести, но всё равно
в кинотеатре повторного фильма
не повторяется

наше кино.

Что-то хорошее нам показали,
но про чужую судьбу и беду
не вспоминает в пустом кинозале
зритель,

уснувший в последнем ряду.

* * *

Хочется праздника! –

и по старинке,

после недолгих застольных трудов,
я с антресоли достану пластинки
семидесятых прикольных годов.
Помнишь, когда-то под музыку эту,
по-человечески навеселе,
солнечный зайчик плясал по паркету
так, что дрожало вино в хрустале.

Море судьбы не всегда по колено –
годы и беды пошли на-гора,

но повторяются песни Дассена
и Ободзинский поет, как вчера.
Что-то забудется, но, поневоле,
музыку памяти я сохранил.
Хочется праздника! –
и с антресоли
я достаю благородный винил.

НОВОГОДНЕЕ

Покуда мы считаем дни,
год пролетает незаметно.
Горят бенгальские огни,
но тьма ночная беспросветна.
Летит по миру конфетти,
стоит библейская погода,
сигналы Млечного пути
роются на исходе года.
Но будущее никогда
не выдается по талонам,
а Вифлеемская звезда
не подменяется шаблоном.

* * *

Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.
Сколько всякого было-случалось
и случается в ней до сих пор! –
и земля под ногами качалась,
и стреляли друг друга в упор.
Но, какого-то лешего ради,

представляется мне, например,
будто жили по вере и правде,
будто слушали музыку сфер.
У кривого столба верстового
подымается дым без огня.
Эта Родина проще простого,
эта вера от пули меня...

СТАРИК

На последней ноте снегопада
сердце виновато без вины –
никакого праздника не надо,
всё не в жилу, кроме тишины.
Хвори да печали одолели,
не осталось музыки в груди;
но под капельницами капли
есть одна отрада впереди:
скоро Пасха и кому-то надо,
чтобы с одинокой высоты
на четыре стороны заката
осыпала яблоня цветы.

* * *

Сочинилось ни много, ни мало –
только то, что легло по судьбе;
накопление потенциала
происходит само по себе.
Что еще у меня на повестке
до схождения под образа? –
византийские строгие фрески
не глядят человеку в глаза.
Привилегий по жизни не жду,

против лома не знаю приема,
но квартиру в районе Содома
я могу обменять на звезду!

* * *

В небесах торжественно и чудно...

М.Лермонтов

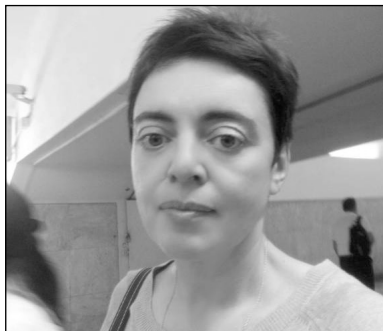
На самых высоких орбитах,
где райские птицы поют,
есть пепел невинно убитых
и тех, кого завтра убьют.
Не знаю, отсюда не видно,
какая охрана в раю.
Но даже Господь, очевидно,
боится за душу свою,
когда деловито и просто,
пощады нигде не суля,
восходит звезда Холокоста.
По-нашему – просто Земля.

* * *

Живу, не прячась,
а над Летой
уже горит моя свеча.
Когда уйду из жизни этой,
не поминайте сгоряча.
Не говорю,
что понял много
и с веком был накоротке,
но я не меч в деснице Бога,
а лишь свеча в его руке.

УДАЧА

Никого ничем не попрекая,
наконец, увидел наяву,
почему судьба моя такая
и благодаря чему живу.
Слава богу, что не позабыли
феи, серафимы, соловьи,
женщины, которые любили,
и друзья хорошие мои.
Слава богу, в лучшие мгновенья
честно удастся заслужить
пониманье и благоволенье
тех, что жили или будут жить.
Люди! –
пожелайте мне удачи
в самом очевидном и простом:
чтобы видеть так, а не иначе, –
и на этом свете,
и на том.

*Лина
Старостина*

Санкт-Петербург

Лина Старостина родилась в Москве, закончила МСХШ при Академии Художеств, затем институт по специальности художник-модельер, работала в модной индустрии. С 2012 занялась дизайном интерьера. В семье пятеро взрослых детей. Публиковалась в Литературе и других электронных изданиях. Пишет и переводит с английского.

Из цикла Портреты

Lucius Seneca

— тонет — в сумраках город.
— августейший — каприз?
дёшев ты. — был ли — дорог?
вот теперь — улыбнись —

— вдаль гляди — не на лица
сыт — по горло — устал!
— бег на месте — столица.
— полдень. ломит сустав.

шёпот — жало насмешки.
о-немело плечо
вон — из рима — не мешкай!
не жалея — ни о чём.

ты — сенека — здесь лишний.
 — день пророчил? — настал.
 кто — скажи мне — твой ближний?
лесть — сменивший — на сталь.

ближний кто? — бьёт — наотмашь.
 — то ли всхлип — то ли визг
 лестниц мраморных — роскошь
 — вверх — ведущая — вниз.

жребий — правит столетьем:
трон — в шестнадцать? — юнец
 — ты — примеряешь сплетню:
рим — сенат — жеребец.

Rembrandt van Rijn **Автопортрет с Саскией**

взмах — страусиными перьями
 Саския — льнёт беспечно
 влюбчив он — вот и не верь ему
знаю — молодость вечна!

бархатом стянута — в талию
 цвета — болотной выпя
 песню ли — спели — идиллию?
 полный — Рейнского — выпей

смехом хрустальным — за ужином
 ночь напролёт — застолье
 топит — брабантское кружево
 в винах — дороже — стóбит

вепрь ли — на вертеле в соусе
угорь взмок — в маринаде
пряжку долой — вместе с поясом
в руки — кисть винограда

славить — урок анатомии
дождь золотой — Данаи
вечность — любви и гармонии
в долг — и — на срок дана им

гильдия кóсится — выскочка
в морге — с доктором Тульпа?
велено властью — *по ниточке*
смел прикасаться — к трупам

в зиму — двери — распахнуты
роскошь — шелков Тосканы
сóдрана — горечью пахнут так
душ — открытые — раны

мебель сторгуют — по описи
сын — и — жена — в могиле
что ж кредитор не торопится?
— выстыл — не остудили

голь — с подаянием поровну
жгут — нутро — спозаранку
пристав оглянется — вóроном
скинет из дров — вязанку

счастлив — щепóй он — до óдури
Смерть — согреть — у камина
стопы — в изношенной обуви
мёрзнут — блудного сына

Jan Vermeer van Delft
Девушка с письмом

I

начну портрет — свет — превосходнейший — с утра
а где — девчонка — судомойка?

отмоет — утварь позже — до чего ж — хитра
характер лисий — взгляд — ягнёнка

встань у окна — замри — жемчужный — цвет лица
и — золотом волос — даная

что за молодчик — появился у крыльца?
вчера — под окнами горланил

приманит песнями — несёт девчонка — вздор
глядит — горящими глазами

за вертихвосткой — самому — идти в дозор
умчит — под всеми парусами

атлас — разгладь на юбке — складками тесьма
и — ниже — опусти ресницы

внимательно читай — узнаешь — из письма
где — твой жених — пускай приснится

II

в каналах плещется — стоячая вода
торговки — клич — в морскую толщу
сзывает тварь — из глубины плыть — в неводá
с весов — на рыночную площадь

и — преет платья бок — под тяжестью корзин
и сельди — хвост дугой — трепещет
трещат колёса — в тягла впрягшихся верзил
зной — жабрами сглотнул — подлещик

ещё — созвон подков — не замер — у дверей
разносчик — улизнул с монетой
в бурлящий суп — кухарка — режет сельдерей
и скалится — под стать — брюнету

начищена песком — в ответ — сияет медь
бульон — испариной на стены
прислуга — в мастерской для краски — трёт камедь
вдох — ожиданье — мизансцены

III

*трудов — дня на́ три — и — закончу плотно
для грунта — мне нужны белила
опять — ты гредишь и устави́лась в окно
про — гульден золотой — забыла?*

сиэна — синий кобальт — ворс тугой — ковра
контраст — холодный — с золотистым
и блюдо — с видом дельфта — полный караван
гул — блеск волны — и звон монисто

*жених-то твой исчез? — беда — невелика
он что — расплатой — был обижен?
или письма — его — прочесть ты не смогла
так опусти ресницы — ниже!*

в стекле застыла — отражённая молва
читает — чистый лист — всё тот же
любовь — как вечная история — нова
читает — и забыть — не может

Февраль 1917

Огни. Каток. Смолянки
— юные богини
гуськом скользят

по замкнутому кругу,
смешки тайком,
да переглядки.
Одна поводит бровью соболиной.
— Ах, душенька,
возьми под локоток подругу!
Росчерк лезвий
и кружатся волной подола,
щиколотки узки,
и тонок поясок
под перезвон коньков,
в меха укутает озябшие ладони.

Опушка в инее слегка щекочет веки. Сквозь толщу льда
глядит замороженно, манит
придонное течение, ох, что-то будет с нами

Столпотворение будней
на перроне в клубах дыма
и стаи облаков,
пропахших гарью,
тоскуя по лазури Крыма,
вдаль мчатся, обгоняя поезд,
и машинист, тревожно озираясь, всё прибавляет скорость.

Ах, Святки, ясные деньки,
да вольные гулянья,
и младший братец-гимназист
к ней кинется стремглав,
и, как телёнок
обслуживит няню.
Она смеётся:
— Только не дерись!
И тотчас

окна — нараспашку,
и солнца полон дом,
и стол накрыт,
и золочёный лик
в лампадном трепете сияет.
В обеденную залу
осанистый старик
дочь, словно под венец ведёт
С размаху бьёт форель
и разбивает лёд.

Полдень

опять мне снится летний сон
лучится полдень — всплеск
мальков сверкает лёгкий звон
и удочки и лес
и на мостках шалтай-болтай
стрекошет всё жужжит
прищурясь: — *мой а ну отдай!*
— и вновь река бежит
под чёлкой — белым полоса
и загорелый лоб
глядишь гольцу глаза в глаза
и серебром — озноб
слюдой зависла стрекоза
и день над ней — завис
и — из вечернего возка
скатился к пяткам — вниз

домой — за стол не опаздать
пылают щёки нос
а где улов-то? — завтра мать.
к калитке день прирос

по половице — босиком
и в пёстрой простыне
ты пятки стёртые — тайком
всё прячешь в горьком сне

там — где у плещущей реки
зажатые в ладонь
упруго бьются лёд-мальки
и пляшет ночь-огонь

Сочельник

1

Сочельник и звёздные стайки
плескаясь дрожат на блесне
покроет метель без утайки
глазурью как в сказочном сне

Домов островерхие крыши
проталины окон подряд
звенит колокольчик неслышно
и снежный блистает наряд

и жаром пылают камины
и царствует в комнате ель
миндаль карамель мандарины
и блеска стеклянная трель

теплом растревожена хвоя
томят ожиданьем часы
ну вот появляется Крёстный
с подарком нездешней красы

под сводом хрустального замка
круж́атся на тонкой оси
и пары и дети на санках
но Мэри в слезах: — Уноси.

2

Неведома слава — герою
наточена сабля — остра
Щелкунчик готовится к бою
с ним Мэри нежна как сестра

и глаз восхищенных не сводит
звон стрелок — без четверти час
подвальных Крысиных уродов
лавиной обрушит на нас.

Спасают ли сабли — из олова?
сомкнулись стальные резцы
и в стае — крысиные головы
и спаяны вместе — крестцы

У дома на старой помойке
засохшая ель — не жилец
объедки достанутся сойкам
и сказке на этом — конец

3

А впрочем в старинном музее
толпятся — проси не проси
и смотрят на дам ротозеи
— круж́атся на тонкой оси

Александр Кабанов

Киев

Александр Кабанов – украинский поэт, редактор, общественный деятель, пишущий на русском и украинском языке.

Родился в г. Херсоне (1968), живет и работает в Киеве.

Автор 20 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике.

Стихи переведены на украинский, английский, немецкий, французский, итальянский, нидерландский, португальский, финский, польский, сербский, белорусский, грузинский, иврит и др. языки.

Лауреат украинских и международных литературных премий: «Antologia», премии журнала “Interpoezia”, премии Национального союза писателей Украины им. Максимилиана Кириенко-Волошина и др.

В 2022-м году Александр Кабанов был награждён Главной премией 18-го Международного Фестиваля гражданской поэзии города Верчелли / Италия (проходящего под эгидой Юнеско) за личные достижения в современной литературе и за книгу «La lingua del nemico / На языке врага» (изд-во «Interlinea», г. Наваро, Италия, 2022. Директор: Roberto Cicala, перевод на итальянский: Alessandro Achilli).

В 2024-м году, за книгу «The Age of Vengeance» (Издательство «KunLun Press», Нью-Йорк, США, 2023) стихотворений в переводах на английский – Александр Кабанов стал обладателем Международной премии имени Эрнеста Хемингуэя (журнал «Новый свет», Торонто, Канада).

Александр Кабанов – со-учредитель и главный редактор журнала о современной культуре «ШО», который выходил в Украине с сентября 2005-го по февраль 2022 года на русском и украинском языке, а также основатель и патриарх такого направления в современной литературе, как фьюжн-поэзия (fusion poetry).

Email: kabanovsho@gmail.com

* * * *

Ещё не война, а весна и туман,
в планшете рабочая карта:
и я наблюдаю строительный кран,
плывущий над озером гарда.

Он кажется мне собирателем дня,
подрядчиком в деле не скором,
к проточной воде проводите меня,
когда я закончу с раствором.

А после – возьму кирпичи наугад,
где каждое слово знакомо:
и стену для плача и смеха цикад
воздвигну на озере комо.

И пусть насекомых народная власть
продержится вплоть до заката,
ты скажешь: любимый, война началась,
и станешь вдовою солдата.

И мы соберёмся на ужин семьёй,
послушать усопшего барда:
про днепр, который течёт под землёй,
впадая то в комо, то в гарда.

Цикады готовятся к вечному сну
и днепр проступает повсюду:
я (дважды) мизинец в него окуну,
и следом отправлю посуду.

Умою лицо и увижу на дне –
источники жизни чудесной,
текущей навстречу кровавой войне
и этой истории пресной.

Заплачь обо мне, раздели и умножь
бессмертье: на комо и гарда,
а всё остальное – красивая ложь,
лишь озеро брешиа – правда.

* * * *

Он говорил, говорил, говорил,
словно включал кофемолку,
детские годы – съезжали с перил,
взрослые – вынесли ёлку.

Он говорил обо всём дохрена:
в фильмах, болтаясь на рее,
в лагере смерти, тогда времена
были гораздо подлее.

Нынче – повсюду раскинута сеть
и нелегко аватару:
пусть говорит, а ведь мог и запеть
возле костра, под гитару.

Помним, что всякая музыка – яд,
если закусывать плохо,
выпил, но был за убийство распят,
в том виновата эпоха.

И по сегодняшней моде – небрит,
и равнодушный к фэншую,
он говорит, что когда говорит –
чувствует силу большую.

Видит он только хорошее в нас:
жертвенность, мудрость, отвагу,
кто его слышит в предутренний час,
кто понимает бродягу?

Тот, кто основа и вера всему:
с кем он обжаривал кофе,
с кем он молился о смерти в плену,
с кем он бежал, покидая страну,
с кем был распят на голгофе.

* * * *

Нынче, жизнь моя: стихи – долговые расписки
и отчёты за свет и воду во время потопа,
но зато, у моей судьбы отличные сиськи
и, во веки веков, великолепная жопа.
И когда судьба подходит ко мне вплотную,
прижимая грудь к стене из ночного снега,
я её обнимаю – единственную, родную,
и веду за собою в трюм, в глубину ковчега.

Там скрипят шпангоуты из ливанского кедра,
под давлением волн, равносильны чуду,
мы давно проиграли аду – поля и недра,
а зачем нам недра, когда океан повсюду?

И зачем поля, на которых пасутся крабы
и совсем иной урожай собирают сети,
мы отправили женщин в рай, а зачем нам бабы:
ведь у нас в активе ещё остаются дети.

Каждой твари по паре, а значит, виновных – двое,
это я и ты, а других не сыскать, хоть тресни,
вот и детский хор – растворился в зверином вое,
вот и жизнь моя – не выкинуть слов из песни.

О, ковчег ковчегов: загоны, отсеки, нары,
жаль, что вместо народа, опять получилась секта,

с нами порнохаб, коты-убийцы и кулинары,
с нами бог, как часть искусственного интеллекта.

И пускай я буду в природе последним гадом
или крайней птицей, парящей в финальном жесте,
чтоб увидеть: вот судьба повернулась задом,
и пора бы мне закончить на этом месте.

И найти на дне чужой погребальной лодки
одеяло, чтобы укрыться, играя в прятки,
и покуда, смерть моя боится щекотки,
я люблю чесать её костлявые пятки.

* * * *

Где же мы встретимся после войны, скажи:
пусть это будет сад с фонтаном, небесные витражи,
спелые персики и черешни, шустрые ласточки и стрижи,
и никого, кроме нас с тобой, ни боли, ни зла, ни лжи.

Где же нам встретиться после войны: давай,
мы помечтаем и пусть это будет далёкий край,
место покоя и счастья, и сколько здесь не умирай –
всех поутру разбудит весёлым звонком трамвай.

Он воскресит в сплошной череде смертей,
прежде всего на свете: котов, собак и детей,
ну а потом, и всех остальных, в предрассветный час:
я обниму тебя крепче, когда он возьмётся за нас.
Мы обязательно встретимся и не узнаем страну,
встретимся в новом соборе, в ковчеге, идущем ко дну,
встретимся в песнях и в фильмах, которые запрещены,
в шесть часов каждого вечера после войны?

* * * *

Мир людей ловил меня на живца,
искушая тем, чему нет конца:
нет конца – сухому вину и бессмертным книгам,
нет конца – красивым женщинам с лошадьми,
но куда всё это – спряталось, чёрт возьми,
постарело, выдохлось с каждым мигом?

Мир людей коварен, лжив и жесток:
только сделал я самый первый глоток –
и вино, краснея, свернулось в моём бокале,
чтоб согреться – книги в печах сожгли,
женщины устроились в патрули
и в ближайший табор лошади ускакали.

Спиннинг, леска, грузило – кусок свинца,
я готов рассказать, чему нет конца:
нет конца – убийствам, пыткам и грабёжам,
нет конца – предательству и мятежам,
и следит за мною повсюду, поверх голов,
самый главный, прости господи, людолов.

На святого духа, на сына и на отца –
он ловил меня – будущего мертвеца:
боже, как я клевал на простую наживку – слово,
что гремело над водной гладью, творя пароль,
сочиня логин и предчувствуя страх и боль,
нет конца – началу начал, повторяю снова:

Мир людей прекрасен, смотри-ка, бро:
поплавок из пробки, ангельское перо –
это снасть совсем иного пошиба,

мы с тобой – из моря, не из пруда,
ждёт меня в котле – философ сковорода:
я, конечно, буду молчать, как рыба.

* * * *

Я спрашивал себя о многом, вот, к примеру:
готов ли я возглавить всех котов,
и заглянуть за радугой, и впрыгнуть в ноосферу,
ну что тут размышлять, конечно, я – готов.

А в ноосфере – свет, воссозданный из мрака,
сбегают виноградники с холмов –
в долину, там, где дом, а в доме спит собака,
собака всех собак – спит в доме всех домов.

Я взял с собой в поход серебряную ложку,
чтоб манной накормить сто миллиардов ртов,
но все мои коты – вдруг превратились в кошку,
и я погладил кошку всех котов.

А в доме всех домов – жгут рукопись в камине,
становится теплей, и с заднего двора
приходит смерть смертей, ничейная отныне –
ей больше негде жить, ей умирать пора.

Собака всех собак вылизывает кошку,
а кошка всех котов разглядывает смерть,
и смерть играет с ней, и гибнет понарошку,
и замертво лежит, а вот и рифма – жердь!

Я поднимаю жердь, рождённую из слова:
и, через миг, она – всю шумит листвою,
и, вслед за смертью – нет, явилась не корова,
не ослик, не петух с пришитой головой.

Не ангел пустоты, как знак противовеса
обилию добра и не глумливый бес,
а женщина моя – последняя принцесса
и первая принцесса из принцесс.

* * * *

И очнулся он где-то там, на пустой развилке
трёх дорог, себя ведущих куда-угодно,
пожилой поэт с контрольной пулей в затылке,
убеждённый в том, что сердце его свободно.

Он смотрел на развилку, не зная о том, что помер,
и о том, что (по воле божьей) воскрес на шару,
если влево пойдёшь – там турки делают донер,
а направо свернёшь – там арабы готовят шау.

И пошёл он прямо – туда, где родился-вырос,
в городок на юге, в котором я тоже буду,
там, где греки картошку-фри запихнули в гирос
и глядят на море, а море – оно повсюду.

Городок на юге, вдали от небесных пастбищ,
пересылка для падших ангелов и поэтов,
здесь свои бомжи собирают конфеты с кладбищ,
для кого здесь кладбища – нет у меня ответов.
Городок на юге, пожалуй, сродни антибу:
показная роскошь отелей, и чёрт бы с нею,
но я вспомнил место, где жарят на углях рыбу,
потому, что морская рыба – всего вкуснее.

Наш поэт понимает, что путь для него не близок,
пусть в затылке – пуля и адская сыпь на коже,
я ему подарю кораблей и героев список,
хитромудрый список, в котором я буду тоже.

* * * *

Тот, кто вместо меня доживает мой век
(я придумал его самовольно):
там, где рим отступает и царствует грек,
где коты умирают не больно.

Там не ловят людей, чтоб ходить по воде,
там, где мыслям – светло и крамольно,
он живёт за меня там, где море и где
умирают собаки не больно.

Дом его на холме принимает цикад
и цикады поют хлебосольно,
там спускается к морю отец-виноград,
в кровь сбивая колени не больно.

Он живёт за меня, как простой интеграл,
черновик без единой помарки,
пусть живёт, я не зря эту боль собирал,
словно книги, монеты и марки.

По субботам приходит, ещё молода,
одинокая женщина с юга,
и, раздевшись, играют они в города,
а затем, обнимают друг друга.
Он меня приглашает приехать к нему
и берёт на себя все расходы,
только небо над киевом в страшном дыму,
и нелётные нынче погоды.

Пусть живёт и кентаврам сдаёт на права,
нарушая запреты безбожно,
и не знает, что здешняя боль такова,
что её разделить невозможно.

* * * *

Нас окружает с тобой: подлое время распада,
перебивая прибой, в сумерках смолкла цикада,
ты продолжай, говори, если так сердцу угодно,
гаснут в садах фонари поочерёдно, повзводно.
Время сжимает людей, время не чувствует боли,
с каждой утратой – слабей наше защитное поле,
то канонада вокруг и показная бравада,
то оглушительно вдруг, смолкнет навеки цикада.

Смолкнет повсюду: и там, где равиоли и песто,
и по другим адресам, где жесткокрылым не место,
ты говори, говори и растворишься в разговоре,
в киевской лете – внутри, в риме на кампо де фьори.

Вот и погасли огни в сумерках верхних и нижних,
боже, себя сохрани и позаботься о ближних,
ты не сливайся с толпой ряженных и одержимых,
а оставайся собой и не забудь про любимых.

Будут зелёнка и йод – кровью для райского сада,
важно не то, как поёт, важно, как смолкнет цикада,
и в неземной тишине, с красным вином при лампаде,
больше не плачь обо мне и вспоминай о цикаде.

* * * *

Когда весна, оттаяв, канет в лето
и мошкара начнёт осадку ламп:
как трамп отреагирует на это,
что будет делать с мошкарою трамп?

Грядёт жара, высушивая штампы
в стихах про европейскую жару,
погаснут электрические лампы –
на волю отпуская мошкару.

Наступит время новых мемуаров:
где, в одиночку, каждый был богат,
затмение от солнечных ударов,
союза предугаданный закат.

Но это – там, а здесь, в иной европе,
четвёртый год гремит военный ямб,
и смерть, и жизнь сидят в одном окопе,
что будет делать с этой рифмой, трамп?

С моей надеждой в оболочке горя,
с моей любовью в камне и в броне,
мне снится дом, прекрасный дом у моря,
как хорошо, что трамп не снится мне.

Грядущее с глазами на затылке –
от ужаса – попятится вперёд,
перебирая памяти обмылки:
а был ли трамп – сам бог не разберёт.

И нам в подмогу остаётся вера
и повторенье всех библейских вех:
предательство, голгофа и пещера,
свобода и обмен христа – на всех.

*Наталья
Карпичева*

Наталья Леонидовна Карпичева (11.2.1982 – 4.5.2025) родилась в поселке Бреды Челябинской области.

В 1999-2004 гг. училась на филологическом факультете Магнитогорского государственного университета (МаГУ).

В 2001 году в газете «Магнитогорский рабочий» состоялась первая публикация стихотворений Н. Карпичевой.

В 2003 году была удостоена диплома III Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева за рукопись стихов «Разговор с рассветом».

В 2004-2007 гг. Н. Карпичева – аспирант кафедры русской литературы XX века им. проф. Л. А. Заманского (МаГУ).

В 2005 году Н. Карпичеву приняли в Союз российских писателей.

В 2004-2005 гг. в магнитогорском издательстве «Алкион» вышли сборники стихотворений Н. Карпичевой «Разговор с рассветом» и Зима понарошку...».

В 2007 году была опубликована книга избранной лирики «По черной лестнице из красного угла...» (книжная серия «Литература Магнитки. Избранное»).

В 2008 году Н. Карпичева защитила кандидатскую диссертацию «Проблематика и поэтика поздней новеллистики В. С. Гроссмана в контексте русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг.».

В 2008-2014 гг. Н. Карпичева – старший научный сотрудник лаборатории литературоведческих исследований филологического факультета МаГУ, в эти годы ею были написаны литературоведческие статьи о поэтах Урала.

С 2010 года создается творческий союз Натальи Карпичевой с магнитогорским поэтом и кинорежиссером Игорем Гончаровым. Стартует их совместный поэтический цикл «Фантастика человека» (первая книга цикла – сборник «Палеонастоящее» (И. Гончаров).

В 2011 году вышла четвертая книга стихов Натальи Карпичевой (в рамках цикла «Фантастика человека») «... когда я была большой».

В 2012 году Н. Карпичева стала постоянным соавтором («художественным камертоном») кинорежиссера И. Гончарова в цикле документальных и художественных фильмов. В творческом союзе создаются фильмы «Гидра», «Памятник человеку», «Невозможное», «Большой... гуманитарный», «Подкова» и др.

В 2013 году вышла пятая книга стихов Н. Карпичевой «Кукла Бога».

В 2013 году совместно с Игорем Гончаровым выпускают цикл киностихотворений на стихи магнитогорских авторов в рамках проекта «Видеостихия», а также цикл социальных роликов (проект «Просто так»).

В 2016 году на базе Объединения городских библиотек Магнитогорска (где Н. Карпичева работала с 2014 года) вместе с кинорежиссером И. Гончаровым организуют Центр визуальной культуры «Век», миссия которого – съемка и продвижение документальных и художественных фильмов, посвященных истории и культуре Магнитогорска.

В 2017 году вышла шестая книга стихов Н. Карпичевой «Книга рыб».

В 2018 Н. Карпичева совместно с И. Гончаровым на базе Центра визуальной культуры «Век» (ОГБ г. Магнитогорска) организовала международный фестиваль видеопэзии «Видеостихия» и международный фестиваль социальных роликов «Твой взгляд @ Европа-Азия», которые стали ведущими проектами в масштабах страны.

В 2020 году была издана седьмая книга стихов Н. Карпичевой «Этюды и ноктюрны».

Восьмая книга стихов «Электрум» выходит в свет после смерти Н. Карпичевой. Стихи из этой книги публикуются в составе сборника «Избранное».

Наталья Карпичева ушла из жизни 4 мая 2025 года после скоротечной болезни в возрасте 43 лет. Похоронена на Левобережном кладбище города Магнитогорска.

Международному фестивалю видеопэзии «Видеостихия» присваивается ее имя.

очень мыло (2010)

Это всё тебе: и колыбельный Рим, и обмелевший Нил.
Это всё, потому что он тебе позвонил.
Это будущее, которое ставит тебе на вид,
Что его не будет, никто (никакой водою) не оживит,

Даже Прошлое, друг-нетоварищ на цветокус,
Извлекающий всё, что ты, из чётких бус:
Как бросали монеты в Лету, играли в блюз,
И ты кричала ему сквозь фонограммный плюс:
А когда ты мне бросишь нравиться, я влюблюсь.
Это всё тебе, из последних сил, последних уст.

Что ж, живи в розовом ящике, по голубой кайме
Несвободного небосвода пиши себе бе, мне – ме,
Охраняй свои грамоты, расплетай своих мыслезмей.
А не хочешь терять, мой тебе совет, не имей.

Он не то, чем хотел сказаться, но говорит.
И ты слышишь его бронхит, его талый вид,
Как он ровно трёхдневно любимо тобой небрит.
Он не то чтобы болен, он слишком давно болит.

Это всё в твои огороды крапива да лебеда.
Вот, бери, как молчит и дышит, как вдруг, когда
Говорит, что не отдал ни пяди былой зимы,
Начинает казаться, что вы с ним ещё на мы.

И ещё говорит, что больше не будет войны.
Согласись, это очень мыло с его стороны.

когда-нибудь уходят

Когда-нибудь уходят, долгий долг
 Выплакивая в срок, – себе короче.
 Пока ещё твой голос не умолк,
 Звучи. Но станет проще, между прочим,

Не верить в исчислимость бытия
 (Ты даже ближе месторасположен,
 Распределяя пену для бритья
 Обильнее всего на губы). Сложен

Из первых чисел, оттого и прост
 Двудонный смысл незримого колодца.
 До сна ли? Из себя отправлюсь в рост,
 Спеша о поцелуи уколоться.

Полутона, полуодна, гори
 Безвинно синим на стыдливых шторах,
 Беря у бури пульса – изнутри,
 Бия на поворотах и повторях.

Проскальзываю в гололёд стекла
 Осколочными ёлочными. Вящим
 Я добиваюсь первого числа
 И присоединяюсь к уходящим.

9 мая.

Не про победу

Зависли. Конец весны реальной конца апреля.
 И вроде Аустерлиц, а не выторговать синевы.
 Читаю Гаргантюа, дошла до Пантагрюэля
 На самом краю войны, немножечко нервы, рвы.

Но время не устаёт, и вечность не потекает.
Молочные пули пли, и воздух вечерний скис.
Но раз ничего не ждём и ах тишина какая,
Такая, что хоть ты режь в себе её на куски,

И раз не бывает снов с чт на пт и вещих,
В молчанку и не дышать (и не звонить) на слабо.
Помноженная тишина на медленные вещи,
И будет уже рыдать, и будет ещё бо-бо.

ЛЕСНИЧЕЕ (БЛИЗКОЙ ЗИМОЮ)

впрочем, чем крепче в лес, тем медовой мёда
эта хандра лесничая, избяная,
ангелы нас заметят, их глаз намётан.
и что они в нас нашли? да бог их знает...

море внутри, и реки впадают в кому,
тают стихи во рту, и в листвяный полдник
кажется восхитительно незнакомым
белый грегаль, вошедший в одном исподнем,

медленный и тоскливый небесный рикша
тянет сквозь время, густую его пехоту
голос земли, грудной, корневой, охрипший,
долго себя взбирает по дымоходу.

близкой зимою тянет из поддувала.
не внесена, но невыносима ясность,
как пролетит_пропоёт_как_оно бывало,
птица любви последней, её неясуть.

РУСАЛКИ (ХОЛОДНОЕ)

вот так и мы, мой ангел, так и мы –
остыли и попались на холодном
среди неподражаемой зимы,
её стихов, мелодий и полотен.

холодные текущие дела
горазды непрерывными вещами,
царевна ничего не умерла,
поскольку ничего не предвещало.

она влита в русалочий косяк –
не потому ли, что тому не важно,
что не о том, не вместе и не вся, –
здесь так безотносительно и влажно.

вот так и мы – так глухо, так сказать,
так сухо, так, что только и видали...
усталые русалые глаза
не постигают быстротечной дали.

их длительные волосы текут
в суровые коралловые гребни.
царевна, утонувшая в соку,
и соки, пересохшие в царевне, –

всё смоеся в сугубый голубой,
вода пускает в них свои коренья,
и их большая мытая любовь
чиста, как смерть в минуту сотворенья.

НО ЕСЛИ

Без восьми осень. Но как вы узнали, Холмс?
Элементарно, яблоки вон трубят,
И, если долго всматриваться в холст,
Холст начинает всматриваться в тебя.

Это такой по сырому автопейзаж,
Самый январь болеть и август мерцать,
Новых домов глухие пластиковые глаза,
Старых игрушек горячневые сердца.

Бабушка яблоч – добрая Гренни Смит,
Горстка печёных дней, пирожки с листвой.
И если ты в это небо лёг костями,
То каждый его дождь до глоточка твой.

Чёрствый по круглости ржаной сухарь-колобок,
Осенний марафон, песенный комбинат.
Но если ты сегодня от Бога убёг,
То завтра можешь его уже не догнать.

Виталий Кальпиди

Челябинск

Родился 18 мая 1957 года в Челябинске.

В 1974 году учился на филфаке Пермского университета. В семнадцать лет был отчислен с первого курса университета «как идеологически незрелый», работал грузчиком, кочегаром. Жил в Перми (около 15 лет), Свердловске, с 1990 года снова в Челябинске.

Публиковался в журналах «Юность», «Знамя», «Урал», «Литературная учёба», «Родник», «Лабиринт-Эксцентр». Составитель антологий «Современная уральская поэзия (1978—1996)», «Антология современной уральской поэзии (1997—2003)», «Антология современной уральской поэзии (2003—2011)».

В 1980—1990-х годах был лидером уральского литературного андерграунда. Является создателем вместе с Павлом Печенкиным и Владиславом Дрожжащих первого в СССР полноценного свободного поэтического видеоарта (видеопэзия) — слайд-поэмы «В тени Кадриорга». Кальпиди — автор и вдохновитель ряда масштабных литературных акций. Организатор пермского городского Клуба поэзии (1987), инициатор издания книг неофициальных уральских авторов (серия «Классики пермской поэзии», 1992—1993). Подготовил к изданию семьдесят книг уральских поэтов. Творчество Кальпиди послужило основанием и стимулом создания «Уральской поэтической школы» (УПШ).

В октябре 2013 года в свет вышла подготовленная В. О. Кальпиди энциклопедия «Уральская поэтическая школа». Соавтор проекта «ГУЛ» (Галерея уральской литературы), имеющего целью создание на Урале поэтического кластера. Автор и идеолог проекта «Русская поэтическая речь-2016» (в редколлегия проекта кроме Кальпиди вошли М. Волкова и Д. Кузьмин), а также проекта «Конференция одного текста» («КОТ»), реализованного в 2018 году. Стихи переведены на 15 языков.

* * *

Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от бога,
поэтому там хорошо.
От веры в него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухай,
всё время стоят за спиной.
От ярости бога, от страха,
от света божественной тьмы,
от вспаханной похоти паха,
от суммы сумы и тюрьмы.
От ревности бога, от боли,
от ста двадцати пяти грамм
отменно поваренной соли
для незаживающих ран.
И снова – от веры, от веры,
от сладкой её пустоты,
от ветхозаветной химеры,
с которой химичат попы.
От яблони в синей извёстке.
От снега на тёмной сосне.
От плотника с женской причёской,
от плоти его на кресте.
От «око за око», от шока,
что эти стихи на столе
лежат с позволения бога,
убившего нас на земле.
Ох, как он любил, спозаранку
склонившись над городом Ч.,
зализывать кислую ранку
у птицы на правом плече...

* * *

Не разбивай шестидесятилетним
мужчинам их хрустальные сердца.
Их горла перехлестнуты, как плетью,
рубцом от обручального кольца.
Играя кастаньетами коленей,
они гуляют на своих двоих,
так медленно отбрасывая тени,
что тень, скорей, отбрасывает их.
Давно деторожденья детонатор
над ними не употребляет власть.
Им остаётся лишь взрываться матом
на девок, менструирующих всласть.
Когда они во сне сучат ногами,
над ними смерть склоняется, как мать,
а кожа пигментирует в пергамент,
где даже буквы можно разобрать.
И родинки, как муравьи в атаку,
ползут по их прогнувшимся плечам,
чтоб в позу операбельного рака
поставить на съедение врачам.
И, на морфине продержавшись сутки,
они отходят (чаще – насовсем),
обняв трофей остекленевшей утки,
наполовину полной чёрт-те чем.
Над ними ливень профессионально
фехтует заострённою водой
с опальной (выражаясь фигурально)
фигурно опадающей листвой.
Отверженным моим единовецам,
смотрителям подземных эмпирей,
не знаю, кто, но не разбей им сердца,
не знаю, почему, но не разбей...

Вдовцы

У мёртвых жён в карманах – только снег,
и тот – из мелкорезаной бумаги.
Их взгляд, ещё шуршащий возле век,
уже лишён биноккулярной влаги.
Они теперь своим мужьям враги,
хотя любимы этими мужьями.
Им никогда не встать не с той ноги
в своей насквозь не оркестровой яме.
Зато им – петь пластами рыжих глин
и супесью смеяться до упада,
и, раскатав картонки тонких спин,
на них скользить по чернозёму ада,
где, сквозь себя просеивая грунт,
навстречу к ним, движенья обнуляя,
их дети нерождённые плывут
своим невероятным баттерфляем.
Плывут на запоздалую войну
рождения, где воды, пусть немного,
но отойдут грунтовыми во тьму,
ведь схватка мёртвых – это схватки бога.
Что под землёю – тоже небеса,
не столько очевидно, сколько важно.
Там женщина уж если не оса,
то птица в оперении бумажном.
И мы верны, то днём, то по ночам,
то воя в ванной после мастурбаций,
подземным ласточкам и девочкам-грачам,
суглинистым синичкам... Если вкратце:
за то, что мы дышали без конца
(пока их не было) налево и направо,
они при встрече вырвут нам сердца
и улыбнутся, потому что правы.

* * *

Про сквозняки в трубе внутриутробной,
про изумлённых нежностью мужчин,
про тёплых рыб, про женщин хладнокровных
с волосяным покровом узких спин.
Про то, как отвратительно и быстро
сбежал отец работать мертвецом,
потом про то, что не имеет смысла
быть в принципе кому-нибудь отцом.
Про сладкий хлеб, про слесарей Челябины.
Про двух щенят, убитых во дворе.
Про конский топот падающих яблок
в так и не наступившем сентябре.
Про мысли деревянные природы
(особенно прямые у сосны).
Про то, что у страны есть тьма народу,
а у народа – только тьма страны.
Про молодых, да раненых, да ранних,
кто «в клещи» брал поганый Хасавюрт,
про клятву их на найденном Коране,
раз Библии в бою не выдают.
Про то – как по лицу нас полицаи,
лакейскую выказывая прыть.
Про то, как я отлично понимаю,
что некому мне это говорить.
Про то, про сё, про самое простое.
И уж совсем не ведомо, на кой, –
про то, как Менелай доплыл до Трои,
застав там только Шлимана с киркой.

НА СМЕРТЬ БОМЖА

Скончался бомж. Точнее – сдох бомжара
в коллекторной, обняв одну из труб,
и полусфера стравленного пара
окутала почти тряпичный труп.
Освободившись от цепей природы,
он вместе с ними пал на профнастил,
и запах человеческой свободы
стоял вокруг и был невыносим.
Ну, что, мудак? Куда, скажи на милость,
как таковой ты взял и был таков?
Почто душа твоя не отделилась,
так и оставшись выдумкой попов?
Математически ты стал недоказуем,
молекулярно перейдя в бульон,
где тот, кого не поминают все,
и сам в себе не шибко убеждён.
Форсунки, фланцы, рыжие подтёки
да клочья стекловаты на полу,
где ты без философской подоплёки
лежишь, не интересный никому.
Лишь мухи, эти ангелы-уроды,
лакают влагу твоего лица,
реализуя через пень-колоду
не замысел, а умысел творца.
Спи, полумразь, спи в сторону от боли,
спи прямо в рай, куда тебе нельзя,
спи против всех, заснувши против воли,
мужчиною обросшее дитя.

Евгений
Туренко

Евгений Владимирович Туренко (23.10.1950 – 27.04.2014) родился в городе Венёве Тульской области. Окончил строительный факультет Тульского политехнического института (1972 г.), после чего уехал на Урал. Работал в строительных организациях Красноуральска, Лесного и Нижнего Тагила, занимая должности мастера, начальника цеха, главного технолога, главного инженера и директора завода. В 1986 г. всё бросил и занялся педагогической деятельностью: преподавал в техникумах и др. учебных заведениях Свердловской области. В 1991–1992 гг. участвовал в создании Нижнетагильского молодёжного муниципального театра, работая исполнительным директором. Начал публиковаться в 1981 г. Член Союза писателей России. Инициировал в Нижнем Тагиле создание литературных студий «Ступени» (1991), «Миръ» (2003). Основатель и движитель «Нижнетагильской поэтической школы». Лауреат премии «ЛитератураРентген-2005» за вклад в развитие актуальной поэзии. Автор книг «Белые листья» (Москва, 1991), «Повторение» (Екатеринбург, 1994), «Вода и вода» (Челябинск, 2000), «Абсолютное эхо. Возвращение» (Екатеринбург, 2002), «Ключ к песочным часам» (Нижний Тагил, 2005), «Сопроводительное письмо» (Нижний Тагил, 2007), «Предисловие к снегопаду» (изд. «Русский Гулливер», Москва, 2011) и др. В 2011 г. в челябинском издательстве «Десять тысяч слов» вышло в свет двухтомное собрание сочинений поэта. Руководил студией «Кашира. 115-й километр» (Кашира) и очно-заочной школой-студией «Звонница» (Венёв Тульской области). Участник всех трёх томов Антологии современной уральской поэзии. В последние годы жил и работал в Подмоскovie (Кашира, Венёв).

ЖАСМИН

Есть такая дыра – называется городом N.
Правда, в частности вечного безотносителен он –
Только тихо и грязно да очередь пасмурных стен.
А нагрянет правитель, и мат улетает вдогон.
И полвека мелькнёт, проползёт пятилетка потом,
Понедельник потянется на перерыв на обед,
И старинная церковка вкратце сгорит над холмом
И пожарно погаснет, и мучит лишь то, чего нет.
Ну, а в тёмных подвалах изыски – на все языки,
И исходит в невнятицу голос, и страшно – давно,
И ломаются школьницы, чтоб не свихнуться с тоски,
А кто прав, тот виновник и есть, а смешное – смешно.....
Это город Беспамятенск, Лжевск или, скажем, Незнань,
Но неважно. Так плачут – бывает – во тьме и навзрыд,
Но – ни бе и ни ме..... тем не бе и не менее, глянь –
Как прелестен жасмин, и никто ему не запретит.

* * *

И брат не оплатит родства,
и смерд не умрёт от зазнайства,
но жидкая кровь воровства
не слаще куска попрошайства.
А бедный недолог февраль
в краю, где ни пусто, не места.
Печально не то, что печаль,
а то, что прелестно – прелестно.

* * * (1991)

это ртуть закипает в нуле
или сон в незакрытых глазах
или слёзы следов в пустоте

или звук на безмолвных губах
это ведьма одно ворожит
а случается наоборот
чахнет цвет измельчается быт
и кузнечик потьмы стережёт
это рельсы текут по воде
это небо равно январю
или буквы шуршат в немоте
я не помню тебя а люблю

ВОСПОМИНАНИЕ о "Серебряном веке"

Тонко, легко и неточно,
как – невпопад запятая,
прошлые строфы построчно
и поимённо листая,
как бы продля падежно-
е окончанье заскоком,
а – пропадать безутешно
с девками, с водками, с Блоком.
Векъ до обидного прожит,
до баловства – да и только!
Двух Мандельштамов не может
быть, а бывает – хоть сколько,
Милой халявы помимо,
да и дословных придумок,
кто тебе скажет: любима-
я – откровенный придурок.
Ясно, бездетно и странно,
бред заводной и скандальный,
или Иванов Ивано-
ву – Элиот натуральный?
Так и собою поплатишь-

ся – послунявишь, а кукиш, –
или помрешь – не заплачешь,
е оторвешь, а не купишь
ни безусловной монетой
и ни беспутой минутой –
как Ходасевич отпетый
или Кузмин долбанутый...

* * *

Сколько чуточку ни пей,
скоро не пройдёт.
Но по совести своей –
полный идиот.
Вдоль верёвочки без мыл –
мёртвая петля.
Падай, я тебя убил,
милая моя.

* * *

Прокляну телефоны, пойду – не найду ни следа.
Я – к дороге, а та заплутает в безлюдной пшенице.
Закричу-закричу, – и подхватит слова суета,
и уйду без ответа, и голос ни с чем возвратится.
Обмолотят хлеба, опадут лепестки мотылька,
постучится косуля в реку, не найдя водополя,
и посыплется снег – на меня, на тебя, на века...
Ты не любишь меня – ты не знаешь, что это такое...

* * *

Не бывает – потому что –
без году ни дня, –
возвратишься, а не нужно,

поздно и нельзя.
От предлога до подвоха
непуть, а не путь.
Ничего, что помнишь плохо, –
хорошо забудь.

ЛИМОН

Низачем не вспоминай,
с чаем заодно,
легкомысленный Китай,
жёлтый, как пятно.

Лишь у стареньких детей,
круглых, как Басё,
не бывает мелочей,
а бывает всё.

* * *

Мама сквозь ночь говорит.
Взгляд, это наоборот –
свет. Как уснёшь от обид,
так и трава не растёт.

И не продолжишь ответ,
а начинается даль.
В прошлом, которого нет,
правда простибельна – глянь...

То есть, вина не слаба,
честно, что – мысленно красть.
Сделай из мухи слова –
пусть им летается власть.

КОРПУСКУЛЯРНА ТЕМА

Я помню тебя лишь глазами,
И снег одиноко идёт,
А эхо на фоне Казани
Читается наоборот.
И всё это движется, длится,
И свет иссякает туда,
Где микроскопичные лица
Текут, как слепая вода.
Пейзажи смешны и печальны
В межмолекулярном раю,
И атомы так виртуальны,
Что я тебя не узнаю.

ПОДРАЖАНИЕ НЕ ЗНАЮ КОМУ

в кинескопе окна, что напротив
происходят то снег, то зима...
временами влюбляются вроде б...
вот такое себе синема...

уж не знаю – насколько прилично
на чужие экраны глазеть?
но никак не иссякнет привычка –
угадать – хоть на пядь, хоть на треть –

кто – кого, кто – кому, а кто мимо,
чья судьба, чья стезя, чей тупик...
Боже правый – как всё это мило –
без меня – без тебя – без двоих.

Наталья Стародубцева

Нижний Тагил

Родилась 14 декабря 1979 г. в городе Шимановске Амурской области. В 1986 г. вместе с семьей переехала в Нижний Тагил. Окончила Нижнетагильский педагогический институт по специальности «филология». Первая поэтическая публикация – в городской газете «Горный край» (1997). Публиковалась в журналах «Урал», «Уральская новь», «Вавилон», «Интерпоэзия» и др. В 2000 г. стала победителем первого Всероссийского литературного конкурса «Дебют» (номинация «Поэзия»), самого главного конкурса в РФ для молодых литераторов. Курировала поэтическую серию «Контрабанда», выходившую в издательстве «Союз». Автор сборников: «Китайская скрипка» (2000), «Опунция овата» (2002), «Из общего вагона» (2006). Участница 2–3 тт. «Антологии современной уральской поэзии». Начиная с 2012 года к поэтическому творчеству обращается крайне редко. Живёт в Нижнем Тагиле.

* * *

опять идёт война
тяжёлая пехота
меняет ордена
на ласковое что-то
и трахаясь легко
конечно забывает
прицельное стекло
у них запотеваает
никто нас не найдёт
а им оно и нужно
печальный самолёт

дырявит воздух южный
послушай у него
и выговор бумажный
не бойся ничего
ведь мне с тобой не страшно
ведь я назло врагу
спокойная и злая
себя не берегу
тебя оберегая
собой не дорожу
тебе не дорогая
красивая лежу
ногами вдоль китая

* * *

У дочерей твоих
горькое молоко
выношено как стих
ломкое как стекло
комкая как слова
на острие стола
я возвратила вам
всё что не родила
села не в тот трамвай
не наточив ножи
ты не переживай
ты это пережил

* * *

Г.К.
тишина стопудова
а споткнёшься на ять
мне с тебя кроме слова

даже нечего взять
не до жалости жаля
никакой не мужик
а вчерашняя Галя
лишь бы со свету сжить
поаукаешь с краю
и вернёшься бедой
я тебя понимаю
убивай, дорогой

* * *

И холодно вокруг, и как-то странновато:
И лишь в ушах звенит расколотый испуг.
А в темноте цветёт опунция овата
И белозубый мавр натягивает лук.
Не бойся, я пришла, я вытащу из плена,
И мне не страшен чёрт и крылья тишины, —
Но если позовёт красивая Елена,
Ты просто не ходи, ...чтоб не было войны.

* * *

Ты в подполье уходил
Выжигать по дереву,
Потому что Н. Тагил
Всё же ближе к северу.
Беспокоилась семья
И рыдали близкие,
Потому что ты — свинья
И паскуда склизкая.
Потому что ты — говно
И скотина первая.
Потому что ты давно
Неживой, наверное.

* * *

в тяжёлых поездах
напоминавших лодку
я выпила твой страх
обманывая водку
я верила усну
под кайфом самогона
но видела страну
из общего вагона
я думала успеть
пробраться городами
но города на треть
заполнены врагами
другая часть мертва
и по определенью
они теперь трава
утратившая зренье
они теперь не я
и мне их климат вреден
не выдавай меня
покуда не приедем
не предавай затем
что все осталось в силе
и завтра будет пермь
вот там нас и убили

* * *

В лунные числа, печальные лунные числа,
Чтоб не уснуть, он высчитывал этот побег.
Ночью от времени время сбылось и повисло:
Не дотянув до окна, умирал человек.
Вот посмотрите: стоит ещё дым сигаретный
Около стен, и неверно замысленный путь
Через облом, спотыкаясь на теме запретной,

Липко течёт в окончательно мёртвую грудь.
И задевая уже непростительным взглядом
В тщетном порыве порыва случившийся труп,
Вдруг замечаешь, что были спасительно рядом
Пальцы его и металл отопительных труб.

* * *

просто как дважды два
что ты понять не мог
не тебеби слова
как носовой платок
не торопи туда
где не рассмотришь сна
вот и твоя вода
не достаёт до дна

* * *

Сукровица родная,
Жалостлив твой обет.
Что я ещё не знаю,
Милая, о тебе?
Снишься наполовину
И не досмотришь сна.
Брошен, да не покинут.
Выпит, да не до дна.
Легче 5 лет за кражу
Или кого убить.
Я не скучаю даже –
Я не могу забыть.

* * *

Е.Т.
на главной площади страны
лежит мертвяк его глазницы

и пальцы щиплет панариций
с остервенением вины
мой вождь похожий на вождя
как наваждение как сага
как туалетную бумагу
он выбрал родину дождя
покуда помнишь обо всём
о очевидная литота
его не примет чернозём
его раздавит терракота
люби его как я тебя
и будем вместе мы навеки
как целомудренные дети
не понимающие для

* * *

Мы будем жить в нищете и позоре,
В чутких объятых на белой горе,
Жадно глотая солёное горе –
О серебре.
Нежно вдыхая в гудящие вены
Сорванный голос и тонкую прядь,
Сможем свободно ходить через стены
Или летать.
Раны питая – в дремучие соты –
Станем молитвами полнить наш стол.
Не доберутся до – ни гугеноты,
Ни Интерпол.
Или, отдавшись обкуренной своре,
Болью изгнания гордо звеня,
Мы будем жить в нищете и позоре,
Радость моя!

Алексей Остудин

Казань

Родился в Казани 27 июня 1961 года,

Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете 1985-1990 гг.

Прошёл Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького 1991-1993 гг.

Активно публиковался с 1978 года в советских журналах и газетах.

Выпустил двенадцать книг стихотворений.

Не судьба

В кондитерской приняв по рюмке вермута,
на бал спешат в обнимку Пушкин с Лермонтовым,
где хохот, шуры-муры, шпили-вили,
шипит «Клико», потрескивают свечи,
а пьяные друзья у Чёрной речки,
Мартынова с Дантесом застрелили.

Большая игра

Того гляди планета в пропасть жахнет,
и всё, что льнуло с нежностью ко мне,
не зарекаюсь от краплёных шахмат,
от несъедобной пешки в рукаве,

овеществлённый памятью короткой
слона с ладьёй меняю на коней,

где вместо табуретки сковородка,
и мы с чертями в очереди к ней,

которым за поэзию не платят,
встречают по нательному белью,
коньяк наполеон в шестой палате
по лузам от бильярда разолью,

а был когда-то парнем неплохим я,
гоняя во дворянстве голубей
рос под гербом ОСОАВИАХИМа,
но жить не научился, хоть убей.

Литинститут

Не пишется талантливому впрок,
от мавзолея где-то в получасе,
где не учились Лермонтов и Блок,
но ты смотри, не хуже получайся,

придётся пояс ту же затянуть,
случится слава – лишь бы не проспять её,
но для того, кто выбрал этот путь,
за высшей мерой следует распятие,

не всякий в мастерстве своём пригож,
кому – жар птица, а кому-то курица,
и, застилая свет, холодный дождь
прохожими вдоль улицы сутулится,

а ты кончай вести себя, как псих,
понятно, что на крыльях листопада
Тверской бульвар не вынесет двоих,
как ни крути, а может так и надо.

Русское поле

Припоминай, когда-то был да
сплыл по реке песком хрустящей,
свободы перебравший дылда
сыграв Пандоре в долгий ящик,

мы все учились понемногу
плевать на то, что пишут в прессе,
кто на кресте, тот, слава Богу,
периодически воскресе,

а нет – попробуй отвязаться,
событий цепь не разрывая,
поскольку сумасшедшим зайцем
приехал на войну в трамвае,

где ветер заблудился что ли,
где по стерне хромай и хрумкай,
жизнь насекомых бьётся в поле
сердечками пастушьей сумки,

над речкой, заводью плешивой,
горит закат кровососуший,
и винтокрылые машины
гадают на трофейной гуще

как неподъёмным грузом двести
на сцене жизни поместился
большой театр военных действий,
что Станиславскому не снился.

Русский лес

Местный соловей поёт по-русски,
словно не в Полтаве, а под Курском,
местные, но русские, берёзы
под дождём, как будто под наркозом,
умирают, стоя виновато,
над душой у русского солдата,

иностранцы мало ели каши
видно ложку отобрали наши,
и, рискуя захлебнуться в миске,
не пожрав, уходят по-английски,
постоять за Родину, за нас ведь,
каждый ствол в лесу способен насмерть.

Добролюбова 9/11

Вадиму Степанцову

В общаге тесно, если честно,
перед экзаменом знобит,
мороз и солнце, день чудесный,
но телебашня портит вид,

поганки заварил Пелевин
в электрочайнике с вином,
а счастье вот оно, пельмени
в авоське слиплись за окном.

Сотворение

Прошла гроза походкой гордой, ромашки поле замели –
упасть бы в них уткнувшись мордой, и слушать, как жужжат шмели,
Вселенной муравью казаться, прижавшись к лопуху щекой,
пока неполных восемнадцать, и мысли о такой, такой...

теперь покоя сердце просит, неровно бьётся по утрам,
как-будто через медный носик на кухне протекает кран,
и я, вечернего разлива, протёр окно – да будет свет,
потом – в начале были сливы, бутоны будущих планет,

одной, историю ускоряя, весь список галочкой пометь –
чихнул, и расплескалось море, нудистский пляж, земная твердь,
пока с объектами негусто, условия труда новы,
строительный мешает мусор – так выброси из головы,

за горизонтом тьма литая, кометы спят, поджав хвосты,
чего-то вроде не хватает, а вот, любимая, и ты
волну пушистую бодая, без мишуры от кутюрье,
красивая и молодая, не то что некоторые.

БАМ 70-е

Позёмка ножевая подмёткам в самый раз,
нас звёзды окружают огнями волчьих глаз,
с «буграми» посудачить за долю не впервой
лохматой, по-собачьи, мотая головой,

как штопать рвань воронью не знает молодёжь –
пол зуба сплюнешь с кровью и языком прижмёшь,
проспавшись, по утряне у чайника присев,
кнутовый делишь пряник по краешку – на всех,

чтоб не орали с вышки, цепляясь за курок –
кладут на шпалы, слышь ты, не вдоль, а поперёк,
к искрящей папиресе сухой губой прирос,
напарник крикнул «Бойся!», и лопнул ржавый трос.

Над Волгой

Рискуя провалиться в зазеркалье,
растянешься на мостике разбитом –
мальки на мелководье примелькались
синхронно, как опилки за магнитом,

за то, что лезла с берегом лизаться,
прибой шаланду волнами отшлёпал,
от дыма над водой глаза слезятся,
а в небе барабанщик из Дип Пёрпл,

и ливень, в очертаниях нечёткий,
по роце разгоняет щебет праздный,
где шишки, как массажные расчёски,
в лохматой хвое вздрагивая вязнут,

с шаланды тянет стерлядью копчёной,
там зреет разговор отборным ямбом,
послушай, как на взлёте словно пчёлы,
пропеллеры гудят цветущих яблонь,

спасенья нет от головокруженья,
где бурлаки, ушкуйники, волжане
разбавленное пиво с водкой женят
и в русской бане парятся вожжами.

Невозможная встреча

Пока мы плавали в портвейне, стоял фонарь, как в горле ком,
и пышногрудые сирени шептали соловьям: «велком»,
любимая, я случай редкий, найдёшь меня не без труда –
пять лепестков – одно на ветку соцветие, а мне тогда

во всём сопутствовала пруха – горелой спичкой из горсти
мог дописать Ван Гогу ухо, ночь на мякине провести,
в каких краях ни окажись мы, меняя клетки по одной,
я жертвую на склоне жизни последней пешкой проходной,

чтоб ты, далёкая, неловко Сансары замыкая круг,
утраченную мной сноровку, ну эту, вспомнила, а вдруг
момент сближенья просвистим мы, и души в праздной маете
губительно несовместимы, и всё не так, и мы не те,

хоть ты, обидевшись законно, сменила номер – ну и пусть,
по кипятку, без телефона, легко из душа дозвонюсь,
пусть ощутит бывшее тело какой творился кавардак –
как нам жилось и как хотелось, и вовсе не хотелось как.

Ремесло

Там, где пьяные избы повально,
слёзы катятся по образам,
мне кузнец подарил наковальню,
паутинкой её обвязав,

мир весенней погодой прополот,
занимая свободный просвет,
у цыган обменяю на молот
золотой полумесяца серп,

чтоб дрожали от звона такого
глухари, попадая в просак.
я подкову заветного слова
разогну и прибью на косяк,

перековывать не по зарплате,
мне милее орала мечи,

развязался язык мой – предатель,
даже подлое сердце – стучит,

я пол века тянул до получки,
и гостей не прошу к шалашу,
борзописец, дошедший до ручки,
поцелую и дальше пишу.

Пионерская «горько»

Первый месяц без весны, в лагере светло и колко,
здесь, где даже у сосны всё разложено по полкам,
жизнь в четырнадцать – отстой, но случилось мне, утырку,
со студенткой холостой, выпив пива, влезть в бутылку,

эти песни у костра, проводы весёлой смены,
а потом – стерня остра, и неубранное сено,
на поляне, при луне, вот взяла и захотела,
что у кошки на уме – не моё собачье дело,

но попробуй осади первый опыт в темпе вальса,
у вожатой на груди красный галстук развязался,
расставаясь насовсем, встретимся позднее вдруг мы,
как там – ВЛКСМ, подари мне эти буквы.

Тщета

Сорок лет, как в пустыне я снова
в закромах огнегривого Ра,
вот моя пирамида готова –
саркофагом заняться пора,

бедуинов отбрив от пиратства,
сам от схватки за лучший кусок,

как замок, перестал отпираться,
потому что вмешался песок,

здесь монголы, наверно, смогли бы,
но для их аргамаков грубы
кистеперые рыбы Магриба,
ядовитых барханов грибы,

от изнанки космической стужи,
вторсырья, что приходится есть,
только шкура становится туже
и верблюжьей колючки не счесть,

между тем, улучшая породу,
с Шамаханской царицей надясь
погрузились в ковёр, словно в воду,
и узорами переплелись,

за подкладкой ни дна ни покрышки,
звёздной пыли и тли кроме,
расшатались, как зубы, нервишки,
потому что себе на уме,

не хватает удела земного
в череде ускользающих дён,
и роман, типа «Доктор Жеваго»,
в исполнение не приведён.

Побочный эффект

Поверх голов гляжу без интереса
готов хоть на Венеру, хоть на Марс,
вокруг толпа шумит какого песо,
какое дело мне до потных масс,

на личный остров время разориться,
довольствоваться малым, как удав,
недаром Паниковский бросил птицу,
в чернильницу сатирикам попав,

в твоём запасе огненные гены,
а там гостят татарин и чечен,
припомнишь, по спасенью Карфагена
переговоры кончились ничем,

как вздёрнули посыльного из Рима,
поэтому, в сомнениях рождён,
не просыхаешь даже в обозримом,
навек не разлей вода с дождём,

пока верны движенья и упруги
вручили бы чего, а ты и рад –
за гири и за прочие заслуги
нет места на груди от виноград,

скрипит перо, как сода питьевая.
созвучия толкаются, грубя,
а за окошком сваи забивают,
пытаясь достучаться до тебя.

Виталий Молчанов

Оренбург

Председатель Оренбургского регионального отделения «Союза российских писателей», директор Областного Дома литераторов им С.Т. Аксакова. Лауреат международных и всероссийских литературных премий. Автор семи сборников стихотворений.

«Встретилась мне у подъезда тоска...»

Шаман

На его немытой шее — банка «Пепси», амулет.
 Бьётся юность в тощем теле, сам же выглядит как дед.
 Волос сед, тесёмкой схвачен, вместо бубна — барабан.
 Пыль столбом — в шинели скачет городской дурак Шаман.

Час рассветный — для камлания; у фонтана босиком,
 Словно жертва на закланье — в дробном танце круговом,
 Плачет, морщится, смеётся под затейливый мотив.
 Вдруг к прохожему метнётся, бормоча речитатив:

«Мир — тайга, вы все не люди — волки, рыси и песцы.
 Крови мало? Так добудьте, жрите слабых, подлецы.
 Люди — звери, души — тундры: мох, лишайник, мерзлота.
 Сколько дерзких, тонких, мудрых провалилось в бездну рта?..»

Кто-то в страхе отшатнётся, тыча пальцем в телефон.
 Кто-то громко рассмеётся, кто-то врежет сапогом...

Темно-синий с красным кантом, взяв Шамана за бока,
Мелочь стащит, после, франтом, пропоёт: «Весь мир — тайга».

На работу люди-тундры, шаг ускорив, проскользнут.
Равнодушной, снежной пудрой чумы сердца заметут...
Как медведь в углу таёжном, спит Шаман, обняв сосну.
Маша-школьница, возможно, завтрак свой отдаст ему.

Бомж

Темень адова. Пульс учащённый.
Стен проклятье, сырое на ощупь.
Крышкой неба к земле пригвождённый
В тесный люк запечатает мощи.
Выпьет прелый туман теплотрассы,
Вместе с кашлем приблизится старость,
И приснится далёкое раньше,
От которого мало осталось...
... снова мальчик в красивой рубашке,
Хорошист, чемпион по футболу.
Облаков озорные барашки
Провожают по небу из школы.
Губы матери. Ласка отцова.
И тарелка с пахучими щами.
Льётся, льётся слеза бестолково
По щеке, что не брита годами...
От сумы, от тюрьмы и от смерти
Никогда зарекаться не надо.
Просто счастье в небесном конверте
Не нашло своего адресата.

День рождения

Поцелуй тоски – перегаром в рот,
По зубам течёт жидким оловом.
Вечер без любви, циник и урод,
Из окна дохнул колким холодом.
И остался жить в каземате стен,
Где с бедой вдвоём горе мыкали.
Неудач капкан продлевает плен.
И не встать с колен, уж привыкли мы.
Мотылек устал, залетел в стакан –
Там рука судьбы враз прихлопнула.
Не залечишь ран, постоянно пьян.
Вдруг, по телу дрожь – сердце лопнуло...
Шевельнулась тень, с фонарём на темь,
Капюшон на лбу, балахонница.
– Где ж коса её? Мне подняться лень.
Посмотрел в глаза – Мать-покойница!
– Мама! Не молчи! Почему ты здесь,
Замещаешь смерть окаянную?
А в ответ: "Дурак, не в своё не лезь,
Жалко жизнь твою, Богом данную!
Отряхнись, сынок, от дурного сна.
Помнишь, как отца в детстве радовал?
И не пей вина! На дворе весна,
Прочь беду гони, девку гадову...
На полу стою, сердца ровен стук.
– Подожди, вернись... Наваждение?!
Ты спасла меня от смертельных мук,
Подарила вновь день рождения.

Жил-был старик, потом его не стало.
Он продавал на улице цветы –
Тюльпаны, что росли на даче старой.
Ценители неброской красоты
Их покупали, мелочи хватало.

Жил-был старик, потом его не стало.
Пуская дым сквозь желтые усы,
На ящике стелил он покрывало,
Садился поудобней под кусты –
В тени жара не сильно доставала.

Жил-был старик, потом его не стало.
Крутил в кульки газетные листы –
Из каждого три стебелька торчало,
И три бутона в капельках росы
Издание "Труд" надёжно укрывало.

Жил-был старик, потом его не стало.
Вблизи открылся павильон "Цветы",
Там роз, нарциссов, орхидей – навалом,
Но нет тюльпанов под конец весны.
Ни сквера, ни кустов – как ни бывало.

Вдвоём до гроба
Скатилась медленно слеза,
Нажало сердце тормоза.
Завалидоль-ка
С утра присадку на движок.
Твой календарь насквозь промок.
Крестов-то сколько...

Крошительщик тихий облаков,
 Насыпав снега, был таков –
 Не обессудьте.
 Коляска – юзом на сугроб,
 Снежинка – на сыновний лоб.
 – Смахни, простудит.

До поликлиники – квартал.
 Диагноз – приговор-вандал
 На айболитском,
 Проехал танком по судьбе.
 Визжащим траком: «ДЦП», –
 За детским писком.

Вдыхая выхлопную гарь,
 В киоске купишь календарь.
 Крестообразно
 Итожить, но не ставить крест.
 –Я не оставлю! – крик-протест,
 Гром в небе ясном.

Дорога сделалась легка –
 Крошительщик выжал облака,
 Прибив сугробы.
 Коляска катится домой
 Четырёхкрыло за спиной.
 Вдвоём до гроба...

Ракообразное

Шёл солнечный дождь, пробиваясь по капле
 Сквозь тучи планктона.

Клешнями толкали отшельники сакли
 В час рачьего гона.

Усами касались друг друга брезгливо,
Сквозь зубы судача:
«Опять двадцать пять – не туды сунул рыло,
Икра где же рачья?»
Над ними кружились большие креветки
С повадками грифов,
Хитин обдирая об острые ветки
Коралловых рифов,
Лавируя чётко меж россыпей мидий,
Барахтаясь в тине,
Стрекал избегая на красочных нитях
Коварных актиний,
Икру поглощали, сдирая с багряных
Стеблей филофоры,
Что съесть не сумели – калечили рьяно,
И трупиков горы
Рачков нерождённых, на дне возвышались...
А в саклях рыдали:
– Накрой же креветок волос чёрной шалью,
Богиня-мать Кали!..
... Аз есмь старый краб – созерцатель, философ,
Известный учёный,
Трактат написавший о метаморфозах
В воде кипячёной,
К рассудку взываю: «Нажрались от пуза –
Не клуйте напрасно!
Мы выходцы все из Морского Союза,
Все ракообразны».

Про запреты

Запрещали плавать рыбе где взбредётся в океане –
только строго по маршруту возле берега родного.
птице тоже запрещали на суку сидеть в кафтане:

– клюй вредителей отважно от зари до выходного.
звери, братцы, даже звери по берлогам, щелям, норам,
отработав, поедали свой паёк, местами вкусный.
только лисы проползали в забугорье под забором,
и грызун башка петрович воровал зерно искусно.
научились верить в сказку, разучились верить в бога.
хорошо, когда начальник вдруг потряхнёт при всех мозгами:
– режь пегасов на колбасы, на шурпу – единорогов,
после с песней маршируйте за вельможными гробами...
... Вдруг случился фокус-казус – нараспашку за границы,
всем спасибо, все довольны, нет привычного контроля.
на больших куриных лапах вслед орлам бегут орлицы
за кордон – башка петрович поспешил с мешками в поле.
лисы ныне бизнесмены и освоили оффшоры,
в челноках теперь заправских пенсионных лет минога,
флагом стал зелёный доллар, из него пошили шоры
на глаза все те, кто раньше разучился верить в бога
и совсем забыл про сказку... проявляя чудо-удаль,
прикупил поля петрович, разжирел, бедняге тесно,
звери, птицы, человеки величают его «сударь», –
пузыри пускают рыбы, из воды поднявшись пресной.
без пайка поджалось пузо – и не сеют, и не пашут,
и вредителей не ловят... где же рог единорога,
где останки от пегаса, сгрызть бы их – пошлёпать в марше
за вельможными гробами, сказку слушая про бога.
– Возвратите нам запреты!

Когда весна, закончив акварель,
Швырнёт сырые кисти в мрак подвалов,
Я улечу за тридевять земель,
Подальше от телят и от макаров.

От их свобод, затоптанных в навоз,
От совести, оцененной в дензнаках,
И от позора знать, что кровосос
Дырявит властно шкуры на беднягах.
Мне больше не пастись и не пасти,
Не мучиться вопросом: «Что же гаже?»
Останутся телята позади
С макарами бессменными на страже.
Таксист-басмач помчит в аэропорт,
Победно протрубив: «Салям алейкум».
Я проступлю, заляпав натюрморт,
Сквозь облаков небесную побелку
На глянец заграничного листа, –
Запечатлюсь чужую речь коверкать.
С меня стечёт святая простота
Как с гуся прочь – легко по здешним меркам.
Телята хором хмыкнут: «Повезло».
Макары затаят обиду в теле...
Но скоро память встанет на крыло
И повернёт обратно к акварели.

Встреча

Мёртвым поэтам посвящается

Встретилась мне у подъезда тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска липли снежинки,
Белыми мухами лезли под плащ эры застоя.
Мёртвый поэт был согбен и дрожащ, взгляд беспокоен.
Мерно качался фонарь на столбе, ветром влекомый,
Словно адепт в непрерывной божбе. – Выйти из комы
Ты не сумел, хоронили тебя с миру по нитке,
Как и сейчас, в первый день декабря – снежный и липкий.
Лезвием в небо нацелен был нос, в пальцах – иконки,

Пением батюшка – бывший матрос – рвал перепонки.
Комья ронялись на гроб тяжело в паре морозном,
Сверху ткачиха швыряла назло зимнее кросно,
Видно решила земле сгношить кипенный саван.
Мать причитала: «Эх, бросил бы пить горькую сам он».
После поминок родне и гостям выдала ложки,
Нам же – по книжке, как старым друзьям, в мягкой обложке,
Чтобы читали твои стихи денно и ночью.
Книжку забросил я... Брат, извини, если возможно.

Встретилась мне ненароком тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска липли снежинки,
Белыми мухами лезли под плащ эры застоя.
Взгляд у поэта был жалок, просящ, неуспокоен.
Мёрзлыми комьями бились тома, падая с полок,
Книга мне прыгнула в руки сама, точно ребёнок,
Ищущий ласки, немного тепла, памяти крошку...
Вспышкой ответил фонарь со столба прямо в окошко.

Андрей Сизых

Иркутск

Родился 4 августа 1967 года, в г. Бодайбо Иркутской области, в месте памятном по истории России «Ленским расстрелом» рабочих-золотодобытчиков и по песням Владимира Высоцкого («Про речку Вачу и попутчицу Валю», «Бодайбо»).

Закончил Иркутский Государственный Педагогический Институт, исторический факультет. В 1986-1988 гг. служил в Советской Армии. Дополнительно получил высшее образование по специальностям «Международная экономика и таможенное дело» и «Управление предприятием», стажировался в Канаде и Японии.

С 2012 года Президент Культурно-просветительского Фонда «Байкальский культурный слой». Лауреат премии журнала «Футурум Арт», финалист и дипломант «Первого открытого чемпионата Балтии по русской поэзии», шорт-лист Григорьевской премии, шорт-лист премии «Московский счёт» с книгой «Аскорбиновые сумерки».

Более десяти лет был организатором «Международного фестиваля поэзии на Байкале имени А. Кобенкова».

В 2024 году впервые провёл в г. Иркутске и на оз. Байкал «Большие литературно-поэтические чтения «Шаман-Камень».

Автор книг стихов: «Интонации» (2009г.), «Аскорбиновые Сумерки» (2011г.), «Икра летучей рыбы» (2015г.), «Габаритные огни» (2016г.), «Полёт камбалы» (2018г.), «Багажная касса» (2022г.), «Весы времени» (2024г.), «Диафан» (2026г., Москва), «Безголовый дождь» (2026г., С-Петербург), «Простуженный ангел» (2026г., Иркутск). Стихи публиковались в журналах: «Terra Nova» (Лос-Анджелес, США), «Идель» (Казань, Р.Ф.), «Сибирские Огни» (Новосибирск), «Звезда» (Санкт-Петербург) «Дети Ра» (Москва), «Футурум Арт» (Москва), «Зинзивер» (С-Петербург), Крещатик (Киев), «Плавучий мост» (Аугсбург, Германия), «Сибирь» (Иркутск), «ТемаТ» (Польша), «Балтика» (Калининград), «Алтай» (Барнаул). Печатался в литературных альманахах: «На перекрестке»,

«Иркутское время», «Зеленая лампа» (Иркутск), в альманахе «Белый ворон» (Екатеринбург-Нью-Йорк), «Воштанице» (Белград, Сербия), альманах СРП «Паровоз». Так же, стихи публиковались в «Литературная Газета» (Москва), «Литературные Известия» (Москва), интернет журнал «Новые облака» (Эстония), интернет-альманахи «Связь Времён» (США) и «45-я Параллель» (Россия).

Поэт с 2010 года состоял в Союзе Российских Писателей (СРП) и является членом «Русского ПЕН-центра» с 2017 года.

МЕЧТА ПОЭТА

посв. Вадиму Месяцу

Почиваешь, как дракон на злате,
 На ненужных никому стихках,
 Хочешь, вспомнив миф о Герострате,
 Сжечь их в пепел и развеять в прах,
 Чтоб земную славу преумножить,
 Подытожить жизни результат.
 Только, как их взять и уничтожить,
 Как вернуть слова свои назад?
 Что набито пальчиком на клавише
 И ушло однажды в интернет,
 Пусть не даст мирской случится славе,
 Но и к прошлому возврата тоже нет...
 Вот бы бросить бить в компьютер яблом,
 Научиться дурика валять,
 Поэтическим наркотиком и ядом
 Свой уставший ум не отравлять.
 Куча книг написана – и баста!
 Сыт не будешь литерной лапшой –
 Рубль имеешь за душой нечасто,
 Хоть поэт ты, в общем-то, большой.
 Остаётся лишь накуролесить,
 Когда жизнь прошла не как хотел –
 Отказаться от стихов и песен,
 И поджечь в столице ЦДЛ*.

**Центральный дом литераторов*

КЕСАРЬ АВГУСТ

Снова кесарь молодой, юный царь планеты
Светит путевой звездой над течением Леты.
Отправляя на покой пчёл и птах певучих,
Он, строкою за строкой, сердце рифмой мучит –
Август вспомнит наугад, то сонет Шекспира,
То Цветаевой звенят астры в центре мира,
То гвардеец Гумилёв грезит о Китае...
И для счастья, этих слов, нам вполне хватает!
Щедрый месяц пыльных трав, враг дороговизны,
Персик с дерева сорвав на пороге жизни,
Рад, что вызрел виноград, что летят стрекозы,
Что, с прохладой, аромат не теряют розы.

Лето прошло зенит,
Осень в ушах звенит,
Сливы медовой много –
Значится: Слава Богу!
Наварим на зиму бренди
На агрегате медном,
Чтоб не были дни пусты,
Чтоб пахло за три версты.

А в августе, лето на бок –
Греет, но не всерьёз.
Что ж, в Спас, из соседских яблок,
Выгоним кальвадос.

Опять на небе полная луна,
И цвет её, чуть-чуть светлее бронзы,
Похож на цвет токайского вина
Из канувшей навек любовной прозы

Столетия, в котором родились
 Романтики студенческого быта –
 Как за полночь они в любви клялись!
 А утром, клятва всякая забыта
 И лишь похмельный демон бьёт под дых.
 А девушки, мечтавшие о чуде
 Проплавав ночь, прощали малых сих,
 Поспешно замуж выходя, как Горький в люди...
 Но вкус любви, остался на губах –
 Чуть сладкий виноградный вкус веселья,
 Как свежесть безвозвратная весенняя
 Оставшихся лишь в памяти девах.

.....

Опять на небе полная луна,
 Но не вина уже полна, скорей дивина*!
 В ней грусти, как с похмелья, до хрена!
 Но почему трезва она и так невинна?

**Дивин – молдавский бренди (коньяк)*

Когда ты старый или молодой пират,
 В судьбе твоей никто не виноват!
 Ну, разве что ветра морей бескрайних,
 Весёлый Роджер, виски на усах
 (которых нет) и солнце в парусах,
 И небо звёздное как клад сокровищ тайных.
 Так, каждый день идёшь на абордаж
 Судьбы и времени, но в морду им не дашь –
 Лишь машешь саблей детской бестолково.
 Бумажный ботик и рифмованное слово
 Несёт течение средь железных барж.

Облако молочною дорогою
 Стелется над самой головой.

Я стою под ним, руками трогаю –
Облако живое, я живой!
И напиться можно до похмелья,
И пьянее спирта молоко,
И, от странного, внезапного веселья,
Дышится глубоко и легко.

Август пахнет с утра дождём –
Хочет смыть духоту июля.
Что, сегодня, мы вместе ждём,
Дождь за окнами карауля?

То, что лето вернётся вновь,
Зацветёт, всё начав сначала,
И тебе возвратит любовь,
Ту, которой мне не хватало.
Вот и искры бьют через край
Неба серого и сырого –
Словно там, над землёй, трамвай
Нашей юности едет снова.

ПИСЬМО

У нас, уже темнеет в семь,
А в девять вовсе лиц не видно!
Что это осень – ясно всем.
Прохладно – да, но не обидно.
Охалки преющей листвы
И, с грифельных небес, осадки
Дымят как мокрые костры
И их дымы светлы и сладки.
Вдали от родины, едва
Ты вспомнишь золотое время,
Но пусть забытые слова

Твоей души мотив изменят.
И там – на дальнем берегу,
Под жарким солнцем стран далёких,
Ты вспомнишь сладкую иргу
Средь жолтых* листьев одиноких.
И запах осени родной
В чужой дали тебе приснится.
И так захочется домой,
Что сердце перестанет биться –
Одно мгновение всего,
Но этот миг тепла дороже,
Как память об осенней дрожи –
Былого счастья твоего.

**авторская транскрипция*

НЕ ДЕТСКАЯ ДАТСКАЯ СКАЗКА

Уходи же по колкому насту
В зимний дом, где ночует беда –
Не любил ты осенние астры,
Так полюбишь цветы изо льда.

То ли Кай, то ли Нансен – в торосы
Из вчерашнего дня уходя,
Позабудь про махровые розы
И любовь, что была у тебя.

Там, где властвует в небе зарница,
Заменяя рассвет и закат,
Пусть тебе среди снега приснится
Зацветающий юностью сад,

Пусть, как в датских арктических сказках,
Старый сказочник, бог Саваоф
Увезёт твою жизнь на салазках
В царство детского счастья и снов.

ОСЕННЯЯ НИМФА

До болезненной бледности и догоранья листвы –
Кумачом на миру, и в дымящемся паром ненастье,
На осеннем пиру ты прекраснее всякой молвы –
Даже волосы огненно-рыжие, той же октябрьской масти.
Мне солёные губы твои, как из моря последний глоток –
Захлебнусь, задохнусь, утону, как Улисс, в бесконечной пучине!
У Калипсо бессмертной в плену, нескончаемый срок
Одинаково горек и сладок – до смерти, любому мужчине.
Ты, осенняя нимфа, наполнишь печалью мой день
И соткёшь мне любви полотно из огня звёздной ночи.
Ты, мой гений из мифа, не дашь мне подняться с колен
До поры, пока солнце в окно к нам войти не захочет.
Я останусь с тобою на веки, позабыв про полёт
Из разрушенной, брошенной Трои в родную Элладу.
Пусть утешатся греки и длинная осень пройдёт,
Я тебя не отдам ни снегам, ни грозящему аду.

ПЛЕННИК

Ходить лунатиком во сне,
Обрывки рифм пиная,
Ждать, что вот-вот приснится мне
Бог на горе Синая,
И заповеди повторять
С упорством Моисея.
И крепко засыпать опять,
Под тихий шёпот Змея
О прелести телесных нег –
Под лжи сладчайшей звуки.
Как беззащитен человек
С самим собой в разлуке,
Попавший в плен кошмарных дрём
И грёз в канун шаббата.

Как стойкости к соблазнам в нём
Ночами маловато.
То снится женское лицо,
То грудь как плод запретный.
Морфей, на пару со Лжецом,
Обманщик несусветный,
Запретным душу тормоша,
Врёт, старости переча!
И вот, бессмертная душа
Летит любви навстречу.
Привратник, двери отворяй –
Давай, звени ключами!
Мой путь лежит не в ад, не в рай
А в царствие печали –
В обитель старины седой,
Моей кручины пегой,
Где вновь не будешь молодой,
За кем, как хлыщ, не бегай!
Мне, там томится, там страдать,
Но, не в огне бесовском.
Опять стихи писать в тетрадь
И бредом философским
Простые чувства объяснять
Своей душе угрюмой.
Но жизнь не повернётся вспять,
О ком тайком не думай.
Всех вспоминать по именам,
Но юных лиц не помня,
Любить вдогонку вечным снам,
Желать неугомонно –
Вот, наказание моё!
Вот, пристань незабвенья,
Где бытие и забытьё
Единой муки звенья.

Юрий Абазов

Магнитогорск

Поэт Юрий Абазов родился в мае 1954 года, с восьми лет проживает в Магнитогорске. После школы учился в пединституте на филфаке, который не закончил, уйдя на производство металлургических предприятий, работал в театре «Буратино» и много где ещё, сейчас на пенсии. Печатался в местных газетах и альманахах с 1973 года. После ухода матери и жены 20 лет живёт один, занимается огородом. Выходом из длительной депрессии были стихи и кошки. Биография скромная, без ярких событий, но насыщенная интенсивной внутренней работой над собой, чтобы наверстать упущенное время и успеть что-то оставить после себя, делая свою единственную книгу, которая выйдет в будущем году. Всё, что со мной происходило в жизни и свой внутренний мир, отразил в своих стихах.

Человек есть вместилище боли,
Потаённое кладбище снов
С леденящей тоскою по воле,
С удушающей кривдою слов.

Нет ему утешенья в признании
Очень долгой, мучительной лжи,
От которой бежал с опозданием,
Сокрушая свои миражи.

Остаётся терпеть и не слушать
Тот навязчивый ропот в ночи,
Подчиняясь судьбе, чтобы душу
Очищали немые ключи.

Ощущеньям тревожным доверяясь
Быть в смиренье пред истиной и,
Ждать, что всё же откроются двери
В мир, где слышат прозренья твои.

И однажды узнать, как же больно
Во страдальческих муках молчать,
Полагаясь на Божию волю,
С тайн земных не срывая печать.

времени несёт река
хлебниковы облака
глубока и высока
грусть-печаль-тоска
из какого далека
речь струится сквозь века
из пахтанья молока
створожились облака
стала речь как пар легка
тёплой лаской ветерка
в далеко издалека
издалече и легко
потечёт амрита слов
из гортани далеко
в царство тайных языков.

Скучно, когда на дворе метель,
А полгода спустя жара,
Весело, если двери с петель,
А в потолке дыра,
Сладко порою разгадывать сны,
Проснёшься, зевнёшь, и опять

С весны до зимы, с ноября до весны
Хочется только спать,
Так и не знаешь, где ж эта жизнь
По-настоящему здесь,
Где она – в яви, во сне? – подскажи,
Как её всё же обрести:
В славе ли, подвигах, книгах, в тиши –
Где, на какой стороне
Место для беспокойной души,
В каком небывалом сне?

Что ты мечешься, старичок, ожидая во всём подвоха,
Будто рыба, сглотив крючок из ушедшей в распыл эпохи,
Может, веришь ещё в судьбу, чья немыслима справедливость,
Или просто кладёшь табу на признания горделиво?
Как бы ни было, твой удел – энтропии ловить флюиды,
От земных отрываясь дел, на которые строил виды.

КЛЁН

Ветролётных лопастей
сон сморил,
и становится грустней
винтокрыл –
клён все листья обронил –
ждёт зимы,
и мечты свои хранит,
как и мы.
Спит земля и всё вокруг
спит, грустя...
И трепещут на ветру
лопасть.

Сфокусировать не могу
Взгляд на вещи и век свой прошлый:
Я родился на том берегу,
Возвращаться в который тошно –
Там остались мои мечты,
Невозможность пробиться к жизни,
Полной ясности, простоты,
Неожиданными сюрпризами,,,
Концентрируясь на кругах
Водяных, поглотивших камень,
Нутряной изгоняю страх,
Потревожив немую память,
И в глубинах своей тоски,
Где нет воздуха и свободы,
Совершаю во тьму броски
Вопреки голосам природы –
Мир безмолвия в тине сна
Давит тяжестью несказанной,
И у бездны не видишь дна
Всех несбывшихся притязаний...
Средоточие всех вещей,
Что с тобой пребывали в мире,
Мотыльками среди ночей
Бьются в окна чужой квартиры,
Где под люстрой тень твоя
Каменеет и ждёт ответа
На загадочный бытия
Проблеск мудрости в волнах света.

До чего же стали мы глухи,
А порой непоправимо слепы! –
Человек, читающий стихи,

Выглядит как будто бы нелепо –
Все его движения тихи,
Шевелит губами, и отныне
Человек, читающий стихи,
В этот миг, казалось, мир покинет,
Устремляя вдаль времён свой взор,
Воспаря мысленно в пространство,
Где ему откроется простор
Необъятный бесконечных странствий.
Отрешённость от земных забот,
Образ в слове покоряет сразу,
Вознося до истинных высот
Духа, упраздняющего праздность,
Сколько в нём усилий для души
В прохожденье дебрей подсознания,
Обновлённый, больше не спешит,
Созерцая чудо мироздания...
Человек, теперь уже доднесь
Всё решил: преображение мира
Совершится неизбежно здесь,
Вот сейчас, в тиши его квартиры.

Вот забрезжило еле-еле,
Предрассветную мысль таю,
Кошка будит меня в постели:
Поднимаюсь – темно – встаю.
И к началу страстной недели
Жизнь оглядываю свою:
На часах батарейки сели –
Я от времени отстаю.
Удивительны дни в апреле:
Предпасхальную тайну пью –
И сжимается жизнь в неделю...
И скворцы за окном поют.

Я в детстве заглядывал в лужи
После июльских дождей,
И небо вдруг в них обнаружил,
И – тени домов и людей,
Оно, прояснившись, качалось
С бумажным моим кораблём,
А солнышко мне улыбалось,
И радуга виделась в нём,
И шлёпали в нём босоноги
Ребяческий хохот и визг,
А жидкое небо, о боги,
Дрожало от радужных брызг

Альфред де Мюссе
Tristesse (Скорбь)

(перевод с французского)

Нет больше для гордыни сил,
Мой дар безвременно утрачен,
И смех друзей, судьбы удачу,
Ничем скорбь не возместил.
С презреньем на себя гляжу,
Опустошённый правдой чувства –
К чему теперь моё искусство,
Что посвятил я миражу?
Протянешь к истине ладонь,
Почуешь неземной огонь,
И ждёшь расплаты:
Бог говорит, а ты молчишь
И весь в отчаянье дрожишь,,,
И молча плачешь.

Белла
Верникова

Белла Верникова (28.11.1949 – 4.4.2024) – поэт, эссеист, художник, историк литературы. Родилась и жила в Одессе. В Израиле с 1992 г. Доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме. Входит в редколлегию одесского альманаха иудаики «Мория».

Автор десяти книг (стихи, эссе, статьи, графика, детская книжка), участник международных художественных выставок. Печаталась в литературных журналах России, Украины, Израиля, США, Англии, Италии, Японии: «Юность», «Радуга», «Арион», «Топос», «Сетевая Словесность», «Бег», «Приокские зори», «Дерибасовская-Ришельевская», «Иерусалимский журнал», «22», «Артикль», «Литературный Иерусалим», «Интерпоэзия», «Квадрига Аполлона», «Кольцо А», «Вещество», «Новая реальность» и др.; в переводе на английский и японский языки: «Confrontation Magazine» (Long Island University), «METAMORPHOSES» (Amherst, Mass., USA), «Modern Poetry in Translation» (Oxford, England), «Hokusei review» (Япония); в одесских и израильских поэтических антологиях «Вольный город», «Ориентация на местности», «120 поэтов русскоязычного Израиля», «Антология поэзии Израиль 2005», «Глаголы настоящего времени».

Книга Беллы Верниковой «Пришедший из забвения. Русско-еврейская литературная Одесса: эссе, статьи, интервью» (Одесса: Optimum, 2020) получила дипломы конкурсов Одесской книжной выставки-ярмарки, Одесской Национальной научной библиотеки и диплом Шолом-Алейхема Международного конкурса им. Де Ришелье – 2020.

Победитель Международных конкурсов графики (Варшава, Москва). Лауреат Российской недели искусств, Девятнадцатой международной выставки современного искусства 2016 года.

Журнальные публикации и графика открыты в Интернете.

Член Союза писателей Израиля.

Дороги воспоминаний

стихи

Рига

Наде Петерсон

Семнадцать лет, палатка и байдарка,
смех девушки и летний день нежаркий,
пляж травяной с песчаною каймой,
плеч разворот мальчишески-прямой...
над Гауей, латышскою рекой,
ребячья нежность светится неярко.

Как хочется, чтоб мировая склока
сошла на нет, чтоб заводского стока
не принял струмень Гауи-реки,
чтобы гребца, читающего Блока,
мужающего сына моего
не была ниже пояса эпоха.

Мечта живет отдельно от желанья,
я встретила свое воспоминанье
в той лодке на реке, где мы вдвоем
в закат незатихающий плывем...
над Гауей, латышскою рекой,
скользит покой и ластится признание.

Одесса

На лавочках сидят седые мудрецы
позванивают в лад их мыслям бубенцы,
пришиты к колпакам, в забаву дуракам,
на радость мудрецам, летящим к облакам.

Им не грозит подтекста непролазный лес,
непониманья груз не тащит вниз с небес,
не заблудиться им в тумане фраз пустых,
прозрачен перезвон, их помыслы чисты.

Им дарят шоколад, монеты и цветы,
прохожие стоят в толпе до темноты,
отзывчив и умен здесь каждый, кто спешит
откликнуться на звон движением души.

Друг другу мудрецы подносят шоколад,
кто получает рад, и тот, кто дарит, рад.
И бубенцы всегда с их мыслями в ладу.
А где они сидят? в беседке, в горсаду.

Город N

Ефиму Исааковичу Таубману

По окраинной улочке городишка
несется парнишка в моторных санях,
сестренка взялась его догонять,
отстала, смеется,
снег искрится, сизая дымка вьется,
изобретатель саней тридцати с лишним лет
подхватил дочку на руки, бежит к сыну...

На этом любительскую картину прервали,
в зале включили свет
и жюри обсуждает сюжет
с точки зрения внедрения
изобретения.

Мнения самые разные:
конструктивна ли конструкция,
эффективен эффект,

не опасно ли детям с бензином возиться?
И только один товарищ спросил,
зачем нашим детям травиться
выхлопными газами?
Слава Богу, есть заснеженные поляны,
пусть на здоровье гуляют,
дышат морозным воздухом,
радуются природе,
надо с малолетства в народе
пестовать экологическое сознание,
чтобы не было разрушительным созидание.

Члены жюри занимались науками
и товарища быстро затюкали.
Это что же, назад в пещеры?
Вы забыли, что нынче время
научно-технического прогресса,
его идеи овладевают всеми,
в обществе происходят глобальные процессы,
каждый гражданин должен разбираться в технике,
иначе толку не будет.
А красивая студентка сказала,
что среди ее знакомых есть люди,
не желающие водить машину,
что совсем не красит мужчину.

Товарищ, хотя и был упрям,
не смог противостоять технарям.
Но пока местная промышленность
освоит санки с мотором,
в этом маленьком городке
по улице с деревянным забором

можно спуститься к реке
и надышаться воздухом
свежим,
стозвонным,
прозорым.

Петербург

Твоя квартирка на Морской
завязана в дорожный узел,
направо – магазин складской,
налево – сауна с джакузи.

В закрытой на замок стране
ты чтил изъятые страницы
и, роясь в книжной старине,
стальные нарушал границы.

Среди бумажной шелухи
ты находил мне Гумилева,
и ты любил мои стихи
за точно сказанное слово.

И дальше строки не тебе,
а страсти выйти за пределы,
нацеленности на побег,
которая и мной владела.

Тбилиси

В спортивно-оздоровительном лагере
концерт "Богема старого Тбилиси".
Сладость богемы иллюстрируют слайды.

Грузин готовит аппаратуру,
а грузинка в парчовом платье
объявляет, что будет читать нам
то, что посланцы русской литературы
сочинили о Грузии –
конечно, все прочесть невозможно,
писать о Грузии русские поэты горазды –
и расплывается поэтический праздник,
богемно цветистый и разнообразный.

Осентяются пушкинской строкой
холмы, на которых разбит Тифлис,
и долина, где Арагва с Курой сошлись
навсегда под лермонтовской рукой.
А дальше уже вразнобой
читают Евтушенко и Пастернака,
первый в стихах доволен собой
и клянется, что в Грузии зарыта собака.

Прервавшись, чтица скандально
отчитывает девицу
за то, что та стихам не дивится,
а в третьем ряду смеется нахально.
Женщины в зале сочувствуют чтице –
"Пускай она извинится" –
но певец уже тронул струны
и есенинским словом теплятся лица.
Какие тугие цветные мелки
стерты о сакартвельские кущи!
После скандала артистам хлопают гуще,
поддерживают их,
благодарят за стихи.

Москва

*Римме Михайловне и
Петру Петровичу Мамонтовым*

Есть в Москве промтоварный проспект,
там бульвар на обочине трассы
золотые транжирит запасы,
что имеет у школьниц успех.

Мерзнет очередь, стынут ряды
покупателей, облачко пара
влажный воздух сквозного бульвара
насыщает избытком воды.

Что десятки людей привело
в караул у витрины столичной?
Да недорого, с виду прилично,
и что главное, будет тепло.

Шапка кроличья, двадцать рублей,
плюс осенний денечек на ветер
для того, чтобы мужу и детям
было в зимнюю стужу теплей.

Замороженный взгляд пробежит
по шуршащей дорожке бульвара,
где без шапок влюбленная пара
по березовым листьям кружит.

Викторья Левина

Израиль

Прозаик, поэт, журналист, переводчик. Член Союзов писателей Израиля и международных союзов Болгарии, Англии, Германии, России, Литвы, Канады. Родилась в 1954 году в Читинской области. Жила в Украине. Окончила Московский Государственный Технический Университет имени Н. Э. Баумана, инженер-механик. С 1997 года проживает в Израиле. Член Правления и жюри международных конкурсов; член Правления и жюри международных конкурсов союза писателей имени святых Кирилла и Мефодия (Болгария); Консультативного Совета Евразийской Творческой Гильдии (Лондон), Академии ЛИК. Кавалер ордена «Кирилл и Мефодий», звезды «Наследие» (2019. 2020), медали им. Ивана Вазова (Болгария), медалей Бунина, Есенина, Маяковского, Ахматовой, Пушкина, Чехова, Фета, Некрасова.

Теперь

Я думала, что птицы замолкают
и кошки замирают, выгнув спины,
и вороны кричат, предчувствий полны,
и штиль на море в многократье лун.
Но нет. На воле бабочки летают,
благоухают розы. И невинны
«анютины глаза». И лижут волны
знакомый облюбованный валун.

Всё, как всегда. И только люди биты –
ушли в пещеры, чтоб дышать сквозь марлю.
Боясь касаний, как боясь при жизни

стать мертвецом, отмеченным судьбой.

А мир живёт по-прежнему. Разлита по небу синь. Закрыты лишь таверны, да дом молельный. Зубы крепче стисни и жди, что кормчий прокричит отбой.

Но новый мир уже не будет прежним.

И точки невозврата – словно камни дорожных вех. И пылью не покрыты свежайшие могилы пандемий.

Я думаю, что вкус утратил вешний апрельский ветер. Лбы, что дураками разбиты об пол, заживут. Мы квиты, закончен век бездумных эйфорий.

Мир так хрупок

Мир так хрупок, что даже цветок апрельский сильнее, потому что питается силой земли и снегами тающими, а у мира, рождённого вздохом людских пигмеев, так чувствительна кожа и к боли устойчивость та еще...

Мир бесплотен, не то, что поля после войн стыдобища, даже ложь беспардонная глотки имеет лужёные.

Людам чудится мир светлой радугой после побоища, на развалинах мира, где правит война прокажённая.

Разговаривать мир не обучен блатными мемами, выверяет он фразы до грамма по правилам грамоты – мозг зачем-то ведь дан человеку решать проблемы на словах, ассамблеях, на встречах и прочих саммитах.

Мир болеет. Ему бы мира микстуры ложками, на горячий лоб – чтоб компресс с рушником вышитым, чтоб спокойный сон опустился между бомбёжками, чтоб тяжёлый стон, наконец, в небе услышали.

Так удобней

Так удобней: закрыться от всех на щеколду,
Телефон поменять и вздохнуть с облегченьем,
И уже не считаться ни частью народа,
Ни продуктом эпохи земного мученья.

Так забавно! Я буду сидеть, как улитка,
Буду хитро казаться «нулём» для статистик,
Есть свой каменный дом, есть и стол, и напитки,
Если рак на горе хулигански не свистнет...

Я уже не должна никому и нисколько,
Буду утром вставать и писать до тошноты,
Пусть война или дождь – мне ни сладко, ни горько,
У меня, как улитки, другие заботы.

Только кто-то стучит, кто-то двери срывает,
Кто-то небо с землёй перепутал нарочно,
Только женщин-улиток в миру не бывает,
И от жизни укрыться в дому невозможно.

Под балконом

Под балконом «анютиных глаз» разлилась река.
Только птицы щебечут, а дети сидят в дому.
На земле моей ночь сменяется «днём сурка».
А когда поменяется к лучшему – не пойму.

Пешеходы редки. И боятся других людей.
Держит каждый дистанцию – чтоб избежать беды.
Бьётся сердце моё за стеклом, как в плену сетей
бьётся рыба, которую вынули из воды.

Небеса на замке. Снится им самолётный вой.
Снова график полётов не ясен и не рабоч.
И надкушенным яблоком катится шар земной
в ту же лузу, что солнце вчера закатилось в ночь.

Когда свершится

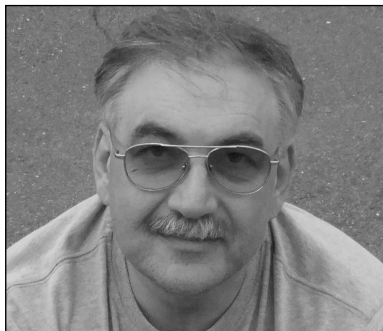
Когда свершится и прорвётся
в проём, запаянный снаружи,
в двери аорту – к саду, к морю! –
сердечный выплеск аритмий,
к людским отарам проберётся
тот, кто в такую пору нужен,
тот, кто залечит боль и горе
в миру внезапных пандемий.

Придёт негромко. На сандалии
осела пыль тысячелетий,
простой верёвкой подвязан
хитон – подобье древних тог.
Далёк от войн и вакханалий,
он, кто единственный на свете
носить мобильник не обязан...
Его узнают – просто бог.

Укажет взглядом потеплевшим
на молодняк, проросший споро
на месте вырубленных просек,
на снег нетающих вершин,
где, чистым ветром охмелевши,
хохочут поле, лес и горы.
Так сохранить планету просит
посланник жизни – божий сын.

Я отвечаю

Моё завтра уже прикинь под большим вопросом:
Кем хотелось бы стать?
Не смеси мои старые тапки!
Разгоняется жизнь и экспрессом летит под откос и
Там, где тонкое рвётся, урчат ракеты и танки.
Там, где маков цветущих искрила, плыла поляна,
Там межбровную складкой
на плоском выросли стены.
И уже без вопросов живу на земле Несмеяной,
И жалею животных болея за жизнь растений.
Этот лёд что истаял в арктических белых далях,
Этот вирус что косит землян направо-налево,
В этот Армагеддон что уже проступает в деталях,
И сбивает корону с печальной башки королевы.
На сакральный вопрос:
«Кем ты хочешь завтра проснуться?»
Я отвечаю: «хромой, но живой в уцелевшем доме,
Ощущающей запах и вкус и других эволюций,
Избежавшей природного тиканья времени кроме».

Сергей Плышевский

Оттава, Канада

Русский канадский поэт, ученый, общественный деятель. Родился в 1956 г. в Свердловске, СССР. Окончил Уральский политехнический институт, инженер химик-технолог. Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, доктор наук. Работал зав. сектором и зав. лабораторией научно-исследовательского института. Лично и в соавторстве с другими исследователями опубликовал свыше 50 научных работ и изобретений. Изобретатель СССР.

С 1996 г живет в столице Канады городе Оттаве. До 2009 года работал научным консультантом химической компании. После закрытия европейского отделения компании из-за кризиса 2008 года, с 2009 г. работал коммерческим представителем хлебной компании, а с 2020 года, после выхода на пенсию, водителем в системе провинциального страхования несчастных случаев на производстве.

Стихи пишет с 1985 года. В Канаде опубликованы книги стихов «Ядовитый апельсин» (2001), «Чайки-лошади» (2006) и «Страдательный залог» (2008). Эти и все последующие книги внесены в каталоги Британской библиотеки и библиотеки Конгресса США. Книга стихов «Гусиная лоция» издана в 2011 году в Украине. Книга стихов «На кристаллическом щите» опубликована в России в 2014 году. Книги стихов «Импрессионизм дождя» (2016) и «Седьмая книга» (2020) – в Германии. Публикуется в газетах, журналах, поэтических альманахах и антологиях. Вице-президент Международной Ассоциации Писателей и Публицистов (АПИА) по Северной Америке. Вице-король поэтов («Пушкин в Британии 2006 год). Лауреат поэтических конкурсов в ряде стран. Награжден большой золотой медалью Франца Кафки в 2011 году. Член Международной гильдии писателей. Сопредседатель конкурсов творческого объединения «45 параллель».

Лирика Сергея Плышевского относится к философскому, романтическому и ироническому направлениям, затрагивает место иммигранта в западном обществе, сильные и слабые стороны культурных систем За-

пада и Востока, повседневную западную действительность через призму славянской культуры, а также проблемы совести, любви и свободы личности. Пишет пейзажную лирику.

Просыпается солнце, за шиворот нас достаёт
Из нагретых постелей в крошечное царство своё –
Там где солнечных зайчиков бродят смешные стада
И закат не наступит на их широте никогда;
Мы бредём тротуарами, грустно мечтая о том,
Что когда-нибудь солнце заглянет в наш сумрачный дом,
Где скрипят половицы и каплет из крана вода
И за десять кварталов по рельсам стучат поезда;
Нам уехать бы вдаль, затворившись на полке в купе,
А потом раствориться в таких же приезжих толпе,
И брести тротуарами в городе вспыхнувших звёзд,
Под всё тот же наскучивший грохот чугунных колёс.
И понять, наконец, что и смена осей ординат
Не даёт нам свободы, натянутым держит канат,
На котором висим мы, осмыслить не в силах пока
Для чего его держит последней надежды рука.

Увидеть ли это снова – решать тебе.
Мосты над Невой – ну, конечно, всегда разводят.
Пронзительный ветер в географической трубе.
Но можно и летом – к капризному воеводе.

В Исакии маятник сняли, поют попы,
Да ладно бы пели богу, но бог – кремлёвский;
Ну это ладно, но какой-то опять упырь
На погонах меняет звёздочки отморозкам;

Но течёт Фонтанка, все воды текут в залив,
И в канале по-прежнему притулился чижик,
А во внешней сфере лысый сипит калиф
И решает как убивать, а не как бы выжить.

Только пристально помню решётки твоих садов,
Эту тонкую грань изящества и злодейства,
И от мыслей нахлынувших я напролёт седой,
И иголочка колет в сердце – Адмиралтейства.

Всё дальше от родины предков,
Всё ближе к потомков стране
Плывёшь невесомой креветкой,
В морской кувыркаясь волне.

Встречаешь мальков, каракатиц,
Кальмарные щупальца рвёшь
И в каждой волне на закате –
Морской дрессированный ёж.

Пока колготятся моллюски
На дне атлантических сцен,
Ещё рассуждаешь по-русски
Гася непривычный акцент;

Но там, где граница прибоя
Разделит твердыню и дно, –
Там небо твоё голубое
Тихонько стучится в окно.

А у нас дешевет бензин,
Но притом дорожают продукты –
Несомненно, всеобщий кондуктор

Передумал ходить в магазин
Покупать недоспелые фрукты.

А ещё, в календарной строке
Обозначен существенный минус,
Я от этой погоды не сдвинусь:
Я и так у неё на крюке,
И привык принимать как гостинец.

А ещё, рыжеватый сосед
В нефтяном колумбийском припадке
Проявил сволочные повадки –
Лучше б зло выявлял в колбасе
Или просто пропалывал грядки.

А ещё, а ещё, а ещё,
Всех потерь не восполнить находкой,
Запасайтесь столичною водкой,
Чтобы было что выпить с борщём,
А то скоро не хватит по сотке...

Я забуду тебя, забуду, –
Про себя повторяю веско,
Отпусти меня, жизнь не путай,
Тёмноглазая ирокезка.
Я не тот, я смущаю племя,
Зря помог арбалет настроить,
Отпусти меня, вышло время,
Пока нас не случилось трое...
Я опять убегу, послушай,
Мне колдун показал все знаки,

Я насыплю табак за лужей,
Чтобы след не нашли собаки,
Ты не знаешь меня, я хитрый,
Впрочем, это пойдёт во благо...
Хватит, кончим все эти игры...
Погоди, ну не надо плакать!
Успокойся! И ножик ржавый
Положи. Ну обсудим трезво...
Ну иди сюда, обожаю...
Колдуна прикажи зарезать...

По сто грамм на кухне.
Гегемон, кури.
Лозунги потухли,
Прогорел Рабкрин.
Гегель с Фейербахом –
Кто кому отцом...
Малость подтурахом?
Закуси сальцом.
Нет, ну как без веры?
В бога ли, в цэка,
Коммунизм – для серых,
Власть – большевикам.
Не смолкают стоны
Павших на губе.
Наши телефоны
Слушают в гэбэ.
Жаль былых массовок –
Шарики, оркестр.
Импортный кроссовок
Метит под арест.
Под кремлёвской стенкой

Зябнет мавзолеей.
Не дрожи коленкой.
По второй налей.

ТУПИК ТЕРПИМОСТИ

Никто не знает, последний ли это снег.
Давно сожгли снегоуборочный керосин.
И мэр под утро от глупых бумажек слеп,
Ещё настольную лампу не погасил.

Остывший кофе к губам подносит его рука,
Рассвет крадётся к земным орбитам дневных светил.
Сейчас бы здорово дёрнуть виргинского табака,
Но он вчера курение в городе запретил.

Позвать собаку и кратко бросить: «Сидеть. К ноге!»
Грохочут губы, а в коридоре шаги скользят.
Бесшумно дверь открывает прислужник-гей,
Ведь кроме геев брать на работу людей нельзя.

В подвальной кухне огонь разводит седой араб,
На вахте дремлет в плетёном кресле охранник-негр;
По телевизору лесбиянки кричат «ура»,
И мэр встаёт, чтоб успокоить занывший нерв.

Безногий драйвер на лимузине под шелест шин
Его везет до резиденции «Конопля».
Под обелиском равенства всех меньшинств —
Последний белый такой реликтовый экземпляр.

Людмила
Чеботарёва
(Люче)

Ноф-ха-Галиль, Израиль

Поэт, прозаик, детский автор, бард, переводчик с английского, испанского и иврита. Жила в России, Украине и Беларуси. С 1993 г. живёт в Израиле. Публиковалась в альманахах и журналах во многих странах мира. Автор 8 поэтических сборников и 20 детских книг. Организатор, лауреат и член жюри многих литературных конкурсов и фестивалей. Автор проекта, составитель и главный редактор дигитальных иллюстрированных литературно-художественно-музыкальных альманахов из серий «Кологод», «Книги Вселенной» и «Книги Стихий».

**Из цикла
«Их нелёгкие книжные судьбы...»**

Дворик Джульетты

*Я не пою, я, сударь мой, играю
Своим смычком по струнам ваших душ.
У. Шекспир «Ромео и Джульетта»
— перевод Екатерины Савич*

Город юных возлюбленных строг, неподкупен и чист.
Над старинной ареной заплачет отчаянно *cello*,
Но излечит печали молчаньем виолончелист,
Лихорадку любви опалив ледяным лимончелло.

Эти дворик и дом никогда не бывают пусты.
Как горит от назойливых рук грудь бедняжки Джульетты!
Мостовые пылают, как будто сжигают мосты.
У опального лета фальшивы, увы, флажолеты.

Ты устал, музыкант! Спрячь в убогий футляр инструмент.
 Поразмысли немного о мире... о жизни... о смерти...
 И когда вечных истин придёт скоротечный момент,
 Воспарит над бессмертной Вероною «Реквием» Верди.

В пещере

(Том Сойер и Бекки Тэтчер — разные миры)

- Мне страшно, Том!
 — *Не бойся, ты со мной.
 Давай-ка лучше будем целоваться!*
- Том, я согласна стать твоей женой,
 Ведь нам уже исполнилось двенадцать.
 Ах, бедный Томми, ты совсем продрог.
 Иди сюда, согреешься немножко.
 У нас остался свадебный пирог?
- *Нет, Бекки,
 Съеден, до последней крошки.
 Послушай, Бекки, мы должны беречь
 Опывшей свечки маленький огарок.*
- Конечно, Том, но не об этом речь.
 — *О чём же?*
- Станем мы красивой парой!
 Я к платью приколю атласный бант.
 И брошь — от медного тагана шишку...
 Ты, Томми, будешь выглядеть как франт —
 Сюртук и шляпа, галстук и манишка...
 На трости — набалдашник с мордой льва...
 Какой жених без элегантной трости?!
 Ковром цветочным устлана трава...
 Изящный вальс танцуют наши гости...
 На свадьбу ты подаришь мне букет...

Как холодно...
В пещере — темнотища...
Том...
А в конце туннеля будет свет?
Ты веришь в то, что скоро нас отыщут?

— *Тс-с, Бекки!*
Слышишь?
Рядом голоса!
Они нашли наш знак,
Где «Том + Бекки»!
Мы будем дома через два часа!

— Мой милый Том, люблю тебя навеки!
— *Виват! Мы спасены! Кричи «Ура»!*
Закончились кошмарные мученья!
А это значит, что уже пора
Подумать нам о новых приключениях!

Взрослая Герда

...А зеркало падало,
словно в замедленной съёмке.
И кадр замирал,
будто время давал на раздумье...
Но я цепенела безвольной спелёнатой мумией,
И сердце пронзали мне злые осколки-обломки.

А мы это зеркало вместе с тобой покупали
И в доме ему выбирали достойное место.
Оркестр сыграл наш финал *furioso* и *presto*,
И с нотой последней твои отраженья пропали.

А тролль, чей случайный каприз нашу жизнь исковеркал,
Злорадно хихикал — он знал эту сказку заранее,
А значит, предвидел бесплодность и тщетность стараний.

Колючими звёздами
 мед-
 лен-
 но
 па-
 да-
 ло
 зер-ка-ло...

И было нельзя ничего изменить и исправить,
 Но в сны вдруг врываются однажды забытые лица...
 О Боже,
 как долго
 мгновенье
 падения
 длится!
 Так, может быть, всё же успею я руки подставить?!.

Самородок

Почти по Джексу Лондону

На небе затеяли духи безумную пляску.
 Пирует медведица юконским жирным лососем.
 Лосиха ласкает лосёнка у скрученных сосен.
 И мудрости снежной тропы обучает Аляска.

 У маленькой женщины чёрные жёсткие косы,
 Скользят по пороше неслышно её мокасины.
 А я пахну потом, усталостью, виски и псиной,
 А вовсе не ветром и солью, как должно матросу.
 Давно я сменил океан на промёрзшую сушу,
 Но так и остался пропойцей и вечным скитальцем.
 Отчаянье — хуже цинги и раздробленных пальцев,
 Оно разъедает и губит заблудшие души.

 Тяжёлое солнце упало в объятия ночи.
 Мои золотые надежды рассыпались пылью.

От страсти хмельной куронач, гордо выпрямив крылья,
То лает собакой, то ведьмой трескуче хохочет.

А я становлюсь нелюдимей, и злей, и угрюмей.
Мне ос-то-чер-те-ло без толку процеживать воду
И дятлом долбить ледяную пустую породу —
Уж лучше бы я оставался в заплёванном трюме!

Она предпочла мне названного младшего брата —
Сиянья полярного дочь, лгунья с кожей лунной.
Я ей отомстил с разбитною девицей салунной
И в путь захватил только нож, да кайло и лопату.

Ждёт в белом безмолвье меня мой братишка-погодок.
Я сам опустил его в мёрзлую землю, без гроба.
Могилу прикрыла пурга безымянным сугробом.
А мне прожигает ладонь золотой самородок.

Полнолуние

Когда луна кругла, как камень,
Уже готовый лечь в пращу,
Я вновь метлу свою ишу,
Чтоб полетать под облаками.
Взглянуть на землю с высоты —
Ну, как — без Мастера легко ли
Вам жить в земном своём расколе?
И жёлто-лунные цветы
Прижать к себе...
Заплакать тонко...
Потом почти поддаться сну...
Но вдруг,
ломая тишину,
Завыть волчицей на луну —
С глазами мёртвого волчонка...

Юрий Вайсман

Мельбурн

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурн.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе «45 Параллель», в журналах «Новая Немига Литературная», «Крещатик», «Белый ворон», «Ямская слобода», «Гостинный двор», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Станица, вольница, война,
Поместье, лето, бить баклуши..
Как изменились времена,
И нравы, и людские души.

Наш век таков каков он есть,
Чуть больше зла, чуть меньше духа,
И кажется Благая весть,
Уже не достигает слуха.

Меня правила игры,
И идолов на пьедесталах,
Он катится в тартарары,
И нам осталось, нам осталось.

Кружить случайным лепестком
В ветрах блуждающих над бездной

То в мракобесии людском,
То в озарении небесном.

Светлой памяти мамы

Безумствуй, ерничай, юродствуй, –
Ты не изменишь ничего,
Но как принять свое сиротство,
Душе не верящей в него?

Что там за шторкою, за дверцей,
За (раз)решеньем – не дыши,
Меж полной остановкой сердца
И вознесением души?

Наш век земной обложен данью,
Не упредить, не подгадать,
И только через сострадание
Нисходит Божья благодать.

О чем просительный молебен,
Поют, сокрытые во мгле,
Уже ушедшие на небо,
Ещё живущим на земле?!

In vino veritas

Когда весь мир копается в говне,
В войне и прочей р(г)адости отхожей,
И Бог молчит, а ты молчать не можешь,
Что остается – истина в вине.

Что остается – музыка во сне,
Нелепая как вальс сороконожек,
Приятие что все мы твари божьи,
И все пройдёт, и истина в вине.

Инга Даугавиете

Мельбурн

Родилась в Риге, окончила Латвийский государственный университет. С 1995 живет в Мельбурне. Финалист и призёр ряда конкурсов, в том числе «Пушкин в Британии», «Эмигрантская лира». Публиковалась в газетах «Литературная газета», «Интеллигент» и «День», в журналах «Белый ворон», «Австралийская мозаика», «Интеллигент » и «Витражи».

Вопреки законам Ома,
 Переменам вопреки,
 Уходили мы из дома
 Вдоль извилистой реки,
 Мимо тракторного парка
 (Слева храм, направо лес),
 Мимо памятника Марксу
 (На чужой ему земле).
 Без оглядки – до окраин
 Поля, города, страны.
 Здесь красиво умирают,
 На войне и без войны.
 Уходили торопливо,
 Всё казалось – в синеву.
 Умирают здесь красиво,
 Но безрадостно живут.

Волосы хамсин ерошит,
Меряй за верстой версту!
Мимо финиковой рощи
В апельсиновом цвету.
Растекается медово
Солнце. Тёплые дожди...
Уходили мы из дома.
Продолжаем уходить.

Ты слышишь? Лист ложится на траву,
На множество частей дробится звук,
И снова за стеной играют Грига.
Сквозь пальцы – прорастают боль и страх,
И возникает так же, как вчера,
Бессонный и бессмертный голос скрипки.
Пылает город. Плаваются мосты.
Прислушайся – в утробе темноты
Звенят браслеты и смеётся ведьма.
Как странно – скрипка. Горстка лёгких струн –
Игра страстей на сказочном пиру,
Где каждый гость хозяину неведом,
Невидим. Над скучающей толпой –
Пой о любви, о ненависти пой,
Вплетая листья и дожди, и звёзды.
О Боже, этих звуков серебро!

...Я медленно нащупываю трость
И выхожу из комнаты на воздух.

Тянет поговорить в это шальное время,
Знаешь, здесь январь сладкие, как варенье,
Запахи груш и слив, солнце плывёт ириской.
Думал – Ершалаим, а присмотрелся – Брисбен.
Город благословен – воздуха всем хватает,
Гусеницы в траве, бабочки над цветами,
Коршун глядит на мир царственно. Сиротливо.
... Жарко цветёт жасмин. Ночью начнётся ливень,
Звонкий глоток воды хлынет в тугое горло.
Еретикам – сады, благочестивым – горы,
Каждому – хлеб и дом. Сказочно. Щедро. Зримо.

И – Элогим Гадоль! – снег над Ершалаимом...

Галина Лазарева

Манингрида, Австралия

Живёт и работает в аборигенском поселении Манингрида, Западный Арнем, Австралия. Поэт, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова. Победитель юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии» (2017), победитель конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии» (2010) и конкурса молодых переводчиков РАН (2010), победитель Грушинского фестиваля бардовской песни в номинации «бард» (2019), лонг-лист «Русской премии» (2024), лауреат фестиваля «Русский Гофман» (2025), автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино) и поэтического сборника «Синий полог» (2021, «Свой круг»).

ДВА ВЕРЛИБРА

1. УПРАЖНЕНИЕ

Тебе говорят:
у тебя удивительная улыбка,
когда ты улыбаешься,
душа
вспоминает о счастье.

И вот ты идёшь по улице:
вспыхиваешь,
загораешься,
светишься –
а ну-ка!

Девочка, крохотная, белокурая,
перестала кукситься,
засветилась в ответ –
слишком легко,
разминка.

Чёрный хиджаб,
глаза в асфальт,
ещё не привыкла –
не бойся, милая,
я не обижу,
не испугаюсь,
улыбнись,
вот молодец.

Вечер,
водитель в автобусе,
пожухлое серое лицо,
улыбка по должности,
углами губ –
посмотри на меня,
я так рада тебя видеть,
ты приехал вовремя,
в салоне тепло,
ты нам всем, ждущим,
очень нужен и важен,
теперь улыбнёмся вместе –
ура!

Одноногий старик
врос в скамейку
у овощной лавки –
врубаю форсаж:
весна
ветер

мятный влажный ворох волос
дыхание на щеке
сполохи в небе
шёпотом
помнишь ли?
помнишь ли, милый?
Улыбка
всплывает со дна
памяти.

Женщина в лифте,
беременная,
в живом животе
в глазах
плещется
липкое, мутное, тёмное
страшно
не справишься
даже и не пытайся
но вдруг начинаешь светиться
помимо собственной воли
жарко и властно
послушай
все наладится
правда
ну же, давай
только погляди на меня
давай, родная –
так заводят
остановившееся сердце –
поверь мне
все будет, как надо
сейчас всё зависит

от одной твоей улыбки
да
да
да
есть!

Каждое утро говоришь себе:
не ленись,
не отлынивай,
повторяй это упражнение
как минимум двадцать раз
каждый день,
каждый божий день.
Может быть, тогда
и твоя душа
вспомнит
о счастье

2. КОГДА УХОДЯТ СЛОВА

Так случается
иногда уходят слова
самые удивительные
сияющие
вечные
сначала в них гаснет свет
а потом они уходят
нехотя
спотыкаясь о собственные буквы
оглядываясь – позови!
но они тебе уже не нужны
такие упрямые
сутулые
тусклые
и они уходят

а потом возвращаются
властные
яростные
пылающие
и говорят
там где мы побывали
нас опалило
небесное пламя
прокалило нас
проверило нас на прочность
теперь мы никогда не погаснем

и заливают душу
жарким жестоким светом
шепчут
поют
кричат
твоим голосом
а вокруг никого

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Загорелось небо ясно,
В триста тридцать три свечи!
Божий сын в уютных яслях
Резво ножками сучил,

Хоры ангелов гремели,
И со всех концов земли
Все стекались к колыбели:
Что умели, то несли.

Кобра первой подоспела
И внесла свой ценный вклад:
Самый свежий, самый спелый
Самый лучший в мире яд!

Одарила туча громом,
Чтоб отменно оглушил,
Звонких капель на солому
Дождь накапал от души,

Подарила дверь занозу,
Вьюга снегу намела,
Воз отличного навоза
Притащили два вола,

Подарил репей – липучку,
Океан – девятый вал,
Толстый кактус три колючки
Аж от сердца оторвал,

Котик мышь принёс на блюде,
Приволок поганку лось;
А потом явились люди,
И такое началось!

Приносили бомбы, пули,
Громоздили жесь на жесь,
А младенец нежно гулил,
Принимая всё как есть:

Бремя Нового Завета,
Тяжесть смертного венца...
И лучился ровным светом
Крест – подарок от Отца.

НОВОГОДНЕЕ

Погляди-ка, человек –
Новый год как новый снег!

Словно ягоды омелы,
словно кружка молока,

чистый-чистый, белый-белый,
незапачканный пока!

И по этой белизне,
первозданной новизне,
невесомую походкой
ночью праздничной короткой
в новогодней сонной мгле
неприкаянный и кроткий
ангел бродит по земле.

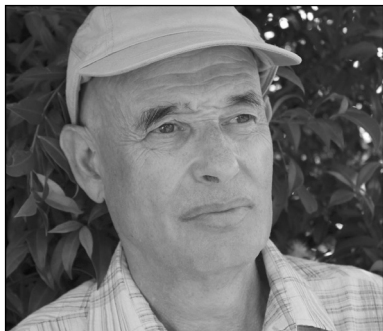
В ветхой ангельской котомке
смех беспечный, стук негромкий,
медный грошик, лунный свет,
с красной пимпочкой берет,
то, чему названья нету,
то, чего на свете нет.

Для уставших от забот
есть судьба наоборот:
в ней никто с тебя не спросит,
и никто тебя не ждёт;

для зашедших в никуда —
путеводная звезда,
три особенных минуты,
базилик и череда,

впору сказанное слово,
можжевеловый настой,
пара пряников медовых,
горстка пыли золотой...

Этой пылью понемногу
из котомки на дорогу,
и на этих, и на тех
тихо сыплет из прорех,
проявляет нас для Бога,
припорашивает грех.

Яков
Цельно

Мельбурн

Родился в Москве, с 2022 года живёт в Австралии. Окончил Московский Электротехнический Институт Связи. Сочетал работу по специальности и серьёзные занятия литературой. Публиковал стихи на сайтах ряда литературных сетевых изданий: Квадрига Аполлона, 45-я параллель, The Epoch Times и др. Изданы три поэтических сборника: Осенние полёты (1997), Стекланный мальчик (2013) и Годовые кольца (2018).

Притча о памяти

Между мирами Верхним и Земным
Лес-Память бесконечные рассказы
читает верноподданным своим –
любой его рассказ неповторим.
Подхватит ветер каждую их фразу,
расшелушит на семена-слова
и, бросив на соседние Древа,
начало даст обряду прорастанья –
объединению ветвей и Древ,
что обретут совместное дыхание,
свой общий дом его теплом согрев.

Я вновь пришёл сюда. Вокруг туман –
он кружится, камляет как шаман,
от глаз чужих Древа оберегая.
Но знаю, не подвластен я ему,
меня его всесилье не пугает –

не заросли заветные дорожки,
проложенные к Древу моему.
Я оставляю там следы-слова,
и дети начинают понемножку
их оставлять. Примятая трава...
Раз есть дорожки, живы и Древа.
Дорожки эти – корни и опора
начала их земного... Очень скоро
я к Древу прикоснусь, войду в него
и поднимусь к вершине вместе с соком,
и разматается тумана кокон,
и солнце выглянет. Мне ничего
теперь не нужно больше. Укрепляю
и удлиняю меж ветвей мосты,
цепочки слов по ним переправляю –
труды мне в радость, помыслы чисты.
Но коль дорожки к Древу зарастут,
туман, почувяв это, тут как тут.
Он Древо пеленает аккуратно
и в Верхний мир уносит. Безвозвратно.

Порой меня внезапно настигает
бессонниц и сомнений полоса.
Тогда ко мне из Леса прилетают
мои родные Листья-Голоса.
Они творить умеют чудеса,
и возникает Маленькое Небо –
я до него могу достать рукой.
Оно зовёт. Какой же в нём покой,
пронизанный любовью предков. Мне бы
познать её... Вот я теряю вес
и Небо словно птица рассекаю.
Здесь хорошо. Уходят боль и стресс.
Как мы легко друг в друга проникаем –

я растворяюсь в нём и засыпаю...

Мой сон хранит родного Древа сень.
Когда же первый луч меня разбудит,
то утро для меня вновь добрым будет,
и будет добрым день, обычный день.

Пошли, Господь, нам полный двор тумана

Пошли, Господь, нам полный двор тумана,
Закрась прямые линии и клетки.
Размытые серебряные ветки
Пускай заглянут в окна утром рано.
Пошли, Господь, нам полный двор тумана.

Закрась прямые линии и клетки
Просторов наших. Не жалею стараний
Творцов ступеней, рубежей и граней.
Сотри их многочисленные метки,
Закрась прямые линии и клетки.

Размытые серебряные ветки
Ты подари деревьям-исполинам.
Поклонимся невидимым вершинам,
Чьи тайны приоткрыли нам соседки –
Размытые серебряные ветки.

Пускай заглянут в окна утром рано
Деревьев клинописные страницы.
Ожившие неведомые птицы,
Что собрались в языческие страны,
Пускай заглянут в окна утром рано.

Пошли, Господь, нам полный двор тумана –
Живительного молока земного.
В минуты скорби дай напиток снова
Из этого бездонного стакана.
Пошли, Господь, нам полный двор тумана.

Планета Неземля

В другом конце вселенной есть планета,
Которую нам видеть не дано.

Там Неземля, Несолнцем обогрета,
Вершит свой путь... Так было решено

Создателем, и договор свой с Ноем
Он нарушать не стал, хотя народ
Гордыней обладал и Башни строил,
И умножал грехи из года в год.

Людей не изменить вторым потопом...
Не лучше ли всё сотворить с нуля.
Так появилась (вот что значит опыт)
Прекрасная планета Неземля.

Леса шумят. Цветы благоухают.
Сияют звёзды сквозь ночную тьму.
Животный мир хлопочет, бед не зная,
В природе, что благоволит к нему.

На той планете Деревя не сыщешь
Познания Добра и Зла. На что
Его сажать, когда такую пищу
Здесь не захочет пробовать никто.

Под утро птички звонкие напевы
Придут на смену мирной тишине...
Планете не нужны адамы, евы,
А их потомки не нужны вдвойне.

Кино

Дед, призадумавшись, смотрит в окно –
там для него кто-то крутит кино.
Не оторвать от окна ему взгляд:

время слоями струится назад,
всё ускоряя обратный свой ход.
Кадры мелькают быстрее, и вот
видит старик сквозь слоёв лоскутки
послевоенной Москвы островки
и на одном различает с трудом
свой старый дворик и свой старый дом...
Видит, бежит по дорожке к ларьку,
сумку-авоську прижав к пиджачку,
шустрый, похожий на деда пацан,
хлебные карточки спрятав в карман.

Портрет

Ты рисовала свой портрет
На плотном ватманском листе...
Сперва возник неяркий свет,
Потом на смену пустоте
Явилась степь. Кругом лишь снег
И белый воздух до небес.
Но карандаш продолжил бег,
Покров таинственный исчез,
И вышло солнце. Всё ясней
Под снегом виделась земля,
И стали возникать над ней
Сухие стебли ковыля.
Он показался из снегов,
Что шли здесь сотни тысяч лет,
И из его простых штрихов
Ты начала творить портрет.
Ты доставала свой портрет
Из той бездонной глубины,

Где нет тепла и красок нет,
Но есть предчувствие Весны,

Как нежный отдалённый звук
Той флейты, что зовет оркестр.
И он откликнулся. Вокруг
Всё вздрогнуло. Из разных мест

Мелодии взлетели ввысь –
Травы, цветов. В пылу игры
Они в тугой клубок сплелись,
Рождая смерч, рождая взрыв

Сильнее ядерного. Так
В степной неведомой глуши,
В пространстве твоего листа,
Произошёл исход Души.

Но не зеркальной, а другой,
К которой ты всё время шла
Сквозь суету, махнув рукой
На повседневные дела.

Смела, наивна и чиста
Она явилась в этот свет,
Отбросив скорлупу листа.
Возрата нет. Возрата нет.

Зимний праздник

У каждого из нас Зима своя...
Сегодня праздник у меня особый –
её рождение отмечаю я.
Украшенные блёстками сугробы

искрятся под сверкающей луной,
и всюду запах снежно-ледяной.
Я в Лес пришёл. Здесь всё уже готово –
и стол накрыт, и воздух как вино,
и гости ждут меня уже давно –
Зима, отец и мать. Беру я слово...
Потом его давать мне будут снова
и так весь вечер. Это решено
участниками избранного круга.
Все слушают, пьянящий воздух пьют,
с любовью молча смотрят друг на друга
и родственные души познают –
читают жадно их и неустанно,
как будто главы нового романа.
Вот время подошло, и нам Зима
несёт прозрачный торт, в котором свечи
сквозь лёд уходят в неба бесконечность
и звездами горят. "Теперь сама
задуй их разом" – говорю Зиме я.
И тут же вьюга захлестнула Лес,
исчезли гости, звёздный мир исчез.
Вдруг я домой добраться не сумею...
Нет, всё же доберусь. Сквозь шум пурги
свой голос протянула мне Дорога.
Держусь его с трудом, и понемногу
Всё ближе, ближе к ней мои шаги.
В пути обратном думаю о том,
Что скоро я приду, и старый дом,
дверь отворив, меня привычно встретит...
В любые непогоды-холода
там батареи тёплые всегда,
и лампы электрические светят.

Геннадий Казакевич

Мельбурн

Родился в Москве. Вырос в Сибири. Экономический факультет и аспирантура МГУ. Давно живу в Мельбурне, Австралия. Преподаю в университете. Колумнист-комментатор по экономическим вопросам в австралийских средствах массовой информации. Автор двух сборников стихотворений и переводов. Публикации в антологии "Земляки", журнале "Крещатик", альманахах «Витражи», «Австралийская мозаика» и других периодических изданиях. Победитель конкурса поэтов-переводчиков – «Эмигрантская лира 2019».

РЕКВИЕМ ВОЙНЫ

1. Ритм войны и меди

В начале начал — была лишь война.

«Да будет война», — она изрекла,

И сделалось так.

«Да будет мир», — она изрекла,

Но длилась война.

Люди шептали:

Дождь, испаренный жарким огнем в кустах, —

Это музыка, равная зверю.

Зверь, что рычал и блял, поверженный наземь,

Был нем, когда плоть разлучали с кожей.

Но голос обрел он,

Когда ту кожу на древо натуго натянули.

«Музыка», — люди сказали.

«Тук-тук-тук», — отозвалось в ответ.
«Боевой барабан», — кто-то выдохнул в страхе.

Барабан возвестил:
«Война идет встретить тебя в чистом поле».
Поле сказало:
«У войны горький вкус раскаленной меди».
Поле просило: «Дай нам еще».
Поле шептало: «Взгляни на цветы,
Что война сеет в наших просторах
И растит лишь для нас».

Поля превращаются в дым,
А дым становится воздухом.

Мы ждем,
Когда пальцы согнутся — сустав к суставу,
Когда крыльцо зарастет беленой,
Веревками и дробовиками.
Но гонцы не приходят.

Мы бьем в барабан и поем исступленно,
Будто снаружи нет ничего,
Кроме рыжей глины и диких цветов —
Дальше, чем мы в силах дойти.

Факелы могут нахлынуть внезапно,
Словно лисьи лапы,
Чтобы украсть то, что мы посадили.

Но пока наши тела стянуты кожей —
Мой изгиб к его кривизне —
Мы всего лишь стебли,
Что будут гнуться, гнуться и гнуться...

2. Пламя возвращения

Огонь для теплоты и для рассвета,
Огонь, чтоб тени бросить на темницу,
Учить их корчить лики на бетоне.

Огонь, чтоб зверя удержать в испуге
И плоть его вернуть сырой земле.
Огонь осады, пламя для поджарки,
Огонь Геенны, факел для Алигьери,
Огонь, застывший в оптике прицела.

В горниле сталь сгибается, как знамя,
Червем свернется пепел сигаретный —
Так мертвецы воротятся к земле.

Огонь зовет дожди по древним знакам,
Чтоб их поймать и превратить в туман.
Огонь для храмов и для синагог,
Огонь для книг и дымных сообщений.
Он плавит ствол, и дуло, и обойму,
Чтоб вырваться из чрева жадных печей.

Огонь Гефеста, страсть самих костров,
Он лижет ноги тихому герою,
Его флагшток и кровлю над главою,
Слагая из золы ночной ноктюрн.

Огонь в лесах и пламя для полей,
Огонь для мора, выжегший чуму,
Чтоб крест сиял в полночной тишине.

Драконий зев и дым для тайных целей,
Раздутый, словно ярость под ребром.

Вернуть земле останки человечьи,
Чтоб узы пали с обожженных рук,
Даруя пеплу горькую свободу.

3. Эпос выжженной земли

Выпили свет из очей наших, всё до конца присвоив.
Влагу из глоток забрали, и руки, и грудь иссушили.
Те, кто влюблен в листопад, говорят: «Посмотри, как прекрасно».
Рост мой лишь сделал мишенью меня из костей и из плоти, —
Я бы и так повалился на землю под собственной ношей.

Стоит ли выжечь «до смерти» тату, иль повесить на шею
Крест из железа? Молитвы война у живущих ворует,
Нас оставляя глупее летящих на смерть камикадзе.
Сделай солдатом меня, и тогда сотворю я стенанье —
Плотный, кованный плач, что тяжел, словно танка застава.

Завтрашний день сотвори нам воротами в форме героя.
Я не клянусь, что когда час пробьёт—пред бездной не дрогну,
И не скажу, что вернусь по весне, чтоб успеть по названьям
Листья прочесть до того, как они пожелтеют и сгинут.

Молвила смерть: «Принесите покойников нам», — и мы умерли разом.
Люди сказали: «Музыка», — мы же запели во храмах.
Реквием был повсюду: в хвосте исчезающей в небе кометы,
Во вскрикнувших ртах матерей, что лишились кормильцев.

Ветер носил семена, пока нас проносили по улицам —
Града, застывшего в коме — сквозь холод железных затворов.
Поле сказало: «Жирна та земля, где падает воин.
Разве кладбища наши — не самые лучшие в мире сады?»

Мы возвратимся. Мир явится к вам, как трактир придорожный,
Траншеей, пробитой в холсте, иль смычком, иль тяжелой лопатой,
Словно мазок на картине, укрывший курганы травой.
«Ваша любовь — это лезвие», — скажешь ты, — «острая сталь»,
Та, что сажает и рвет, предрекая торнадо назавтра.

Боли исполненный ветер войны завывать будет в поле,
Чтобы костюм мой поправить и свежих цветов накидать
На могилы, что дерном давно и бесследно уже затянулись.

*Евгений
Могилевский*

Мельбурн

Родился в Харькове, вырос в Питере, прижился в Мельбурне. Доктор философии, преподаватель, любитель бардовской песни и поэзии Серебряного Века. Пишу стихи со школьной скамьи, иногда получается....

Золото в сиреневый рассвет
Пламенем по веточкам сухим...
Хочется валяться на траве,
Хочется писать тебе стихи.

Скоро заморочит суета,
Светлое мгновение, постой!
Хочется попрыгать по цветам
Радуги над илистой водой.

И, возможно, чем не шутит черт,
Две дуги сольются в колесо,
Радуга исполнит оборот
И меня к тебе перенесёт.

Подмигну полуночной сове,
Прыгну от песков до белых скал,
Чтоб с тобой валяться на траве
И читать, что только что писал.

Открываешь глаза бессонные
В ожидании знака свыше.
В одиночестве есть симфония,
Ты прислушайся, и услышишь.

Отстучали дожди весенние
Обретения и потери,
В одиночестве есть спасение,
Ты прислушайся, и поверишь.

И когда никуда не хочется,
Не ходи никуда полгода.
Преимущество одиночества –
Пусть и горькая, но свобода.

Хватит ли пяти хлебов
Чтобы прокормиться?
Я спою вам про любовь,
Вольную, как птица.
Ту, которая одна
На всю жизнь случится,
Как бутылочка вина,
Чтоб толпе напиться.
Чтоб влюбленным по воде,
Как по суше бегать,
Чтобы выросли везде
Розы из-под снега.
Рыбакам чтоб в полдень клев,
А врагам мириться,
Я спою вам про любовь
Песню – небылицу.

Зачем тебе плетенья рифм?
Штурвал февраль навел на риф,
Над головой кружится гриф
Чтоб клювом ткнуть,
Еще остался жар огня,
Но не выходит у меня
Былую легкость бытия
Тебе вернуть.

И я, конечно, виноват,
Что не волшебник, не солдат,
Не отражу атаку дат
И яд вины,
Неважно все, что я пишу,
Поэт всегда немного шут,
Но соль надежды я крошу
На хлеб войны.

Я обещаю сохранить
Искру огня и чувства нить,
Которой можно раны шить
И торить путь,
И, их храня и их даря,
Возможно, выйдет у меня
Былую легкость бытия
Тебе вернуть.

Свидетельство

В кухне душ над ванной, ржавая струя,
На пятнадцать метров трое человек,
Дети Интернета, слушайте меня,
Я вам расскажу про прошлый век.

На газетном стенде серые листы,
В моде плащ болоньевый в темно-серый цвет,
В каждом парке Горького яркие цветы
Образуют Ленина портрет.

За горошком очередь, праздник на носу,
Сервелат не трогаем, это на потом,
Вон бежит мальчишка, прыг на колбасу,
Едет, как на собственном авто.

В школе пол мастикой был натерт с утра,
Любо на товарище прокатиться вскачь,
Будет между сменами в два часа игра,
Если у кого-то будет мяч.

Говорил Сенкевич про дивные места,
После из конструктора строили УАЗ,
И взахлеб читали «Как закалялась сталь»,
Ну а ровно в девять – тихий час!

Надевали валенки, чтобы потеплей,
Уши у ушанок сзади, но не вниз,
Вечерами спорили, как нам побыстреей
В Африке построить коммунизм.
В Азии построить коммунизм.
В Бельгии построить коммунизм.

Как истину искали мы в вине!
Пусть кажется, что это сон и небыль,
Но лестница была в моем окне,
Та самая, что уводила в небо!

Застольного веселья больше нет,
Наш праздник плавно переходит в пьянку,
И лестница торчит в моем окне...
Опять маляр, козел, забыл стремянку!

Жена говорит, как всегда, обо всем,
О творчестве Босха, о хокку Басё,
О том, что неплохо бы туфельки или платье,
Муж не говорит ничего,
и платит.

Сын говорит, как всегда, о себе,
О компьютерных играх, нелегкой судьбе,
О том, что сто двадцать восемь гигов не катит,
Отец не говорит ничего,
и платит.

Мать говорит, как всегда, о врачах,
О болезнях желудка, спины и плеча,
О том, что ей быть хотелось одной в палате,
Сын не говорит ничего,
и платит.

И только за полночь, когда все спят,
Отец, муж и сын вспоминает себя,
Мечтает о том, что в жизни могло быть иначе,
Он не говорит ничего,
и плачет.

Анастасия Сойфер

Мельбурн

Из Одессы; филолог. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике, но, в основном, писала "в стол". С 1979-го жила в Канаде. Первые годы писала, переводила и редактировала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты. Получив новую специальность, 30 лет проработала в области информационных технологий. После долгих лет молчания вернулись стихи. Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор сборника стихов "Чернобеловики". Публикации в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика", "Эмигрантская Лира", "Литературная гостиная", альманахе "Витражи" и др. В 2016-м переехала в Австралию к сыну и внукам.

Щербатая кирпичная стена
янтарным жиром солнца обдана
3-х пополудни.
Набросал на ней
загадочную графику теней
куст переросший. Пыльное окно –
в бутылки старой так блестит вино –
естественно вписалось в полотно.
И буйно ликовала красота
их тайная – стены, окна, куста –
на час не уступая всем иным
самодовольным прелестям земным!

...Как вынырнув из прозы и тоски,
я замерла, я встала на носки:
увидеть это стало для меня
всем счастьем убегающего дня.

Словно взгляд со столпа – одинокий обзор, ястребиный,
тучи, низкое небо, и годы как волны вдали...
Я не души зову – я тоскую по плоти любимых,
что лишь памятью стали, что в жадную землю ушли.

Где кочует теперь в круговерти материи зыбкой
элементами химии в руслах подземных морей
то, что было плечом твоим, грудью, ладонью, улыбкой
и касалось плеча, и груди, и ладони моей?

Не вернуться теперь в эти дни молодые и ночи,
в гущу лиц, голосов, столкновений, соблазнов живых...
Я бы проще была и мудрей, и любила иначе –
благодарнее жизни, блаженней и тише травы...
Как я знаю теперь! – только память грехов не отпустит:
правоты мудренее и пища, и печь, и кровать...
Причащаться любимым телам, растворяться в их пульсе,
прикасаться, лелеять, лечить, согревать, целовать!

Я прощенья прошу у их бедной истаявшей плоти,
что трудилась, страдала и старилась... О естестве,
о тепле ее кожи, о мышце, о страсти, о поте
плачу плотью живой ещё – в необратимом вдовстве.

Винным соком грозы в небесах наливаются гроздья,
грянут градины оземь, цветенье круша...

Ненадолго теперь в этом теле ветшающем гость я,
ненадолго со мной эта странница-птица душа.
Вот и я поплыву...

.***

Он ждал её. Так не бывает в сказках:
царица ждёт и чахнет у окна,
а царь – с победой! – тает в новых ласках,
и редко вспоминается она...

Он – ждал, сомненьям, слабостям, советам,
годам бегущим мимо вопреки, –
слепой рыбак, удивший над кюветом,
надеясь, что на берегу реки...

Нет, он не сотворил себе кумира:
знал всю её – такой любил и звал,
но ожиданье высылось как вал,
отгородивший жизнь его от мира.

Хоть от неё остался только голос
из – Господи, какого! – далека,
нить не рвалась – тончайшая как волос,
тянулась от звонка и до звонка.

Но сколько боли было, сколько силы
за нить держаться призрачную ту...
Не вытерпев, душа глаза закрыла,
живая, погрузилась в темноту.
Ты ждал...

Ковчег

Я не взойду на ковчег,
туда провожая тех,
кому сейчас отплывать.
Потопа – не миновать.

Я отпущу свой билет,
и он, совершив балет
над сизо-седой волной,
над ними и надо мной,

назад полетит, туда,
где поглощает вода
мой старый, мой сладкий мир
с травой, зверьми, детьми...

...Сквозь бурю – всё плясок ритм:
не ведаем, что творим,
и маршей кровавый шаг
сквозь гром и стоны в ушах...

Все хляби разверзлись – пусть!
Рубите канаты, в путь!

... И станет для вас Земля,
назад пути не суля,
лишь точкою голубой
в пространстве.

А мы, гурьбой, –
Нам поделом потоп.

Господь, что будет потом?

2012

**Елена
Коган**

Мельбурн

Родилась и выросла в Гомеле, что в Белоруссии. Много лет прожила в Израиле, там же стала программистом и обрела друзей, разбросанных сейчас по всему миру, и которых мне, безусловно, не хватает.. Сейчас живу и работаю в Австралии.

Публикации: Альманах «Витражи» 2023, фестивальны́й сборник стихов «Эмигрантская Ли́ра» 2023, Альманах «Витражи» 2024, Альманах «Витражи» 2025.

Час суда

Костяшки грубых пальцев на стекле
Из мелких трещин сетку отчеканят,
Неслышно неритмично барабаня...
Костяшки хрупких пальцев на столе
подрагивают скованно и нервно
пытаясь в ритм попасть, пускай неверно,
хотябы дробь одну изобразить,
пусть будет скверной, некого винить,
лишь бы услышанной извне...
но тщетно, гробовая тишина
сменит в итоге стука перепалку
вполне закономерно, хоть и жалко,
повиснув чем-то острым в вышине,
угрозою немой над головами...
израненое ничего уже не ранит.
Стук сердца гульче и слышней вдвойне,
пока не прекратиться вовсе, вовсе не...

Щемит, свербит и давит пустота,
В ней все вокруг покорно замирает...
Перед рассветом сумерки гущают—
Ведь самый темный час есть час суда.

...

Как мелких трещин сетка на стекле

Основа основ

Девять жизней за мою спиной,
Девять мумий за мою стеной,
И скелетов девять где-то в шкафу
И я снова по сусекам Строфу
соскребаю с очерстевшей души
И шепчу себе сквозь зубы : «дыши-
Это просто переломный момент,
мимолетный, бранных дней рудимент,
Помнишь? – это тоже пройдет...»
Так зачем же столько дней напролет
Так терзаться, смысл ища,
Будто это есть начало начал?
С кем-то спорить о какой то чухне,
Кулаков оставив бреши в стене,
Так что сбиты все костяшки, да в кровь,
То не битва – то основа основ
Твоей жизни, наяву ли? во сне?
Хорошо, что это снится лишь мне

Жизнь

Я больше не хочу дежурных фраз
Молчания бессмысленного тоже
И пустоты внутри бездонных глаз
Которые всего дороже мне виделись
Еще вчера, а на дворе опять жара
Природа безразлична ко всему

Что нужно сердцу и уму. Она была
и есть и всегда будет вне правил и
канонов нужных людям и ненужных
Тоже, она же видимо поможет
Пересмотреть и отпустить и
Дальше коль живется жить...

Слова

Мне еще будет больно
Не раз жизнь такова
и я, значит, жива
Подчас воспринимаю слова
Как дрова для ненужного
никому костра создающего
Пепелище там где было поле
Колосилось и восходило
Даже плоды приносило
Там где теперь все сгорело
Дотла, отобрав последние силы
Изнунив тела только жизнь
Непоколебимо будет
В ком-то жива, а мы
Быть может, но точно будут
Слова...

Нас больше нет

Нас больше нет
Осталась пара фраз
Оброненных сквозь зубы
Мимоходом
И море лжи разпластаной
Пока хватает глаз

И море боли
Бесконечным сводом
Зачем?
так грубо разрушать
И без того хрупчайшее
Творенье
Наверное чтобы могла
Я написать сие
Стихотворенье

Зачем

Зачем тебя себя обманывать
Мол все во благо все случится
Мы в этой сказке видим разных
Принцесс, коней и даже принцев
Зачем тебе себя обманывать,
Мол, все получится однажды
У талых вод законы странные
И не погасишь ими жажды
У зыбких недр основы шаткие
И неустойчиво строптивы
На них ступая будоражишься,
Но с них сойти уж не под силу
Ни продохнуть уже, ни справиться
Останется лишь покориться
И станет спящею красавица
И принц ей на коне приснится

Григорий Оклендский

Окленд, Новая Зеландия

Родом из Белоруссии. Многие годы занимался наукой в Новосибирском Академгородке. Кандидат технических наук. Более 30 лет живет в Окленде, Новая Зеландия, и работает в области информационных технологий.

Поэт. Автор 4-х поэтических сборников, многочисленных публикаций в бумажных и сетевых изданиях – «Эмигрантская Лира» (Бельгия), «Литературный Европеец», «7 Искусств» и «Мастерская» (Германия), «Новый Континент», «Времена» и «Чайка» (США), «Витражи» (Австралия), «Артелен» (Украина), «Зинзивер», «Поэтоград» и «Литературные Известия» (Россия), и др.

Дипломант премии «Писатель XXI века» в номинации «Поэзия» (2020г.) – за книгу «Что дорого...» (Москва, 2020). Книга "Опустела земля..." издана в Киеве в апреле 2024 года. Лауреат и финалист нескольких международных поэтических фестивалей и литературных конкурсов.

Сотворенные

Сотворенный из света пытался украсть
Прилагательный ящик Пандоры.
Чтобы спрятать секретов козырную масть –
Существительный абрис раздора.

Сотворенный из пепла пытался взлететь,
Словно Феникс – горящую птицей.
Заковали воскресшего в мертвую клеть
И велели усопшим молиться.

Сотворенный из крови ночами не спал –
Убиенные в сон приходили.
Голос крови на ниточке тонкой дрожал,
Междометия в крик голосили.

Сотворенный из лести молился богам,
Находил утешенье в причастии.
Он числительным мелким служил господам
И разделявал крохи на части.

Сотворенный из мифа по свету бродил
И глаголом разил непокорных.
Океан переплыл, выбивался из сил
И вещал на наречье прискорбном.

Сотворенный из плоти махорку курил,
Матюки раздавал бестолково.
Сам возделывал землю, потомство родил
И оставил наследникам Слово.

Нитевидное

Скулить разучился довольно давно.
Оправдываться не буду.
Нырну в депрессняк и залягу на дно,
а смайлик отправлю другу.
Разгул непогоды?! Бороться? терпеть?
Сквозь толщу вселенской смуты
луч света пробьется, откроется клеть –
Свобода приходит утром!
Обнимет соратника, даст прикурить
(да, в истинном смысле слова!).

Затяжка спасительна! Хочется жить!
Затяжка – первооснова
дневных озарений, бессонных ночей,
свечи, что горит неровно.
Рождается стих из бессвязных речей,
из нитей единокровных.
Безжалостен клёкот невидимых птиц,
свирепо рычат моторы.
Кровавой волною, не зная границ,
людей накрывает морок.

осенний раздрай

отпусти обиды
не копи долги
там где волки сыты
не видать ни зги
аппassionата
неба карусель
брат идет на брата
мир идет в качель
забурели лисы
обратились в слух
растерялись смыслы
испустили дух
осень сбросит листья
угостит дождем
и повадкой лисьей
забредет в твой дом
встретишь на пороге
чашею вина
чтоб за мир убогий
осушить до дна

чтоб любить до гроба
женщину-апрель
дальнюю дорогу
сказочную ель
и косою тенью
ляжешь на плетень
и вдохнешь осенний
каждый божий день

гнетущее

когда гроза в десятки тысяч громов
сойдет на землю – небо упадет,
Апокал'ипсис оба наших дома
накроет тьмой на сотни лет вперед,
и горстка бледнолицых уцелевших,
уйдет в пещеру, в глубину веков –
не будет конных и не будет пеших,
язык исчезнет, и не будет слов.
все онемеют, многие ослепнут,
утратят слух камня-валуны,
и только возрожденные из пепла
сумеют дотянуться до стены.
случится чудо грозного знаменья –
останки стен сойдутся в полный рост,
и плач людской, безмолвный и священный,
рекой страданий потечет под мост...

...что было после? то покрыто мраком.
возможно, жизнь опять возьмет своё.
возможно, весь сюжет навеян страхом
за наше, без просвета, бытие.

Осенний месяц март

Февраль – одарит жарким летом,
дождём, стекающим с листа,
блеснут волною эполеты
гусаров Южного Креста.
Бесстрашно прыгаешь с обрыва
и оставляешь за спиной
миллиарды лет Большого взрыва,
земной угрюмый непокой.
Нырнёшь в глубины океана,
где истин кладбище – на дне:
жизнь – незалеченная рана,
судьба – заложница обмана,
природа – вечна, первозданна
и не подвластна Сатане.

...А завтра – мартовские иды
весну ли, осень принесут
на жадный жертвенник ковида,
верша незримо страшный суд.
А завтра – мартовские войны,
как гром небесный, оглушат,
в кровавой беспощадной бойне
не выживет вишнёвый сад.

Пространство пустоты

Два месяца гнетущей немоты.
Читаю всё подряд напропалую,
Теряюсь, замыкаюсь, негодую,
И тоненькую ниточку живую
Тяну, тяну в пространстве пустоты.

Такое время – горестных утрат,
Отчаянья, предательства и боли.
Никто тебя как будто не неволит,
Покоя нет в душе, как нет и воли
Выстраивать слова тугие в ряд.

Такое время – миру скажем мир!
Поддержим слабых, помянем убитых.
В водовороте горестных событий
Утонет ли жестокий разрушитель?
Сломает шею подленький сатир?

"Всё суета" – сказал Экклезиаст,
Царь Соломон добавил: "Всё проходит".
Премудрость древних убедит немногих...
Плывут на "философском" пароходе
Надежда, вера, обреченность, страсть.

Игра слов

Не надоело жечь глаголом,
наречьям обещаю власть,
и существительным суровым
к местоимению припасть?
Возвысить голос междометья
до отрицания частиц,
гонять числительные плетью,
а пред предложением падать ниц?
Быть прилагательным безликим,
союзом грешных и святых,
переходя на шепот в крике
шипящим звуком бить поддых?
Смотреть словам в женьшеня корень,

приставке предлагая часть,
 отправить суффикс в чисто поле
 и окончательно пропасть?!
 Перебирать слова, как чётки,
 стыдливо чувствовать вину –
 родной язык в наш век короткий
 не спас пропашную страну.

Искренне Ваш...

Почему-то с годами труднее услышать друг друга.
 Как глухие упрямы, мы внутрь обращаем свой взор.
 И неясной тоской одиночество ходит по кругу,
 вызывая к барьеру – на долгий мужской разговор.

Посреди обеспеченной, сытой, осмысленной жизни
 не хватает порою пристрастных оценок друзей,
 обжигающих взглядов, безумных любовных коллизий,
 молодого задора, хороших живых новостей.

Привыкаешь к такому раскладу, как к тесной обновке,
 поредевший от времени список читаешь, скорбя,
 и упрямо шагаешь вперед, обходя остановки,
 где забытых желаний трамвай поджидает тебя.

Заоблачная жизнь

С годами мы становимся нежней,
 И крылья – наших дней воспоминанья –
 Как парочку влюбленных лебедей,
 Уносит в поднебесье утром ранним.
 Там, в облаках, такая благодать!
 Там воздух разреженный, но чистейший.
 Земных страстей под небом не сыскать –

Лишь ангелы сочувственно утешат.
Там жизнь неспешна, некуда спешить –
Земные войны небо не разрушат.
И в этой благодарственной тиши
Увидим свысока кусочек суши,
Где наши внучки – ангелы Земли –
Взрослеют, вспоминая нас с тобою.
И наши души, словно корабли,
Вернутся бестелесною весною.

эпохальное

эпохи камерный рассвет,
застывший в мороке тумана,
похож на старый арбалет,
что хочет выстрелить упрямо.
устало ковыляют дни,
прихрамывая на ухабах,
лежат дровами пацаны
на спелых ядовитых травах.
дымится сон, а дом снесён,
ребёнок тянет ручки к маме,
он провидением спасён,
а мир растоптан сапогами.

с эпохой нам не повезло?!
она с людей сдирает кожу?
эпоха (всем смертям назло!)
еще порадует, итожа
наш долгий турбулентный путь
сквозь тернии к далеким звездам!
с дороги этой не свернуть,
но и осилить невозможно.

Фаина
Зильбер
Мельбурн

Я родилась в Украине в один день с Анной Ахматовой (но не в Одессе, а в Виннице и, конечно, на 85 лет позже!) Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии живу с декабря 1997 года. После окончания университета работаю по специальности Social Worker/Case Manager/Care Advisor. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии. Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии", "Арфа Давида", а так же "Эмигрантская лира".

* * *

Я уклонялась – до удара,
И горести – водой с гуся.
Дались мне все уроки даром,
Их принимала, не прося.

Заранее представив худший
Исход, смирялась не совсем.
Я и сейчас не бью баклуши,
Но поедом себя не съем,

Хотя порой подводят нервы,
Живу игрой, везде – изгой.
И жизнь моя легка безмерно.
Лишь по сравнению с другой? –

Пожалуй. Знаешь? Всё Ты знаешь...
Давно кумиров не творю.

Пугаешь или же спасаешь –
За всё Тебя благодарю!

Преодолеть беду сумею,
Судима всеми, не судя.
Ты мне поможешь стать сильнее,
Чтоб обходилась... без Тебя.

26 декабря 2021 г.

* * *

Горе славно болит и горит –
Сколько трупов лежит по полям ещё!
"Мальчик жив наш", – она говорит.
Он молчит, смотрит испепеляюще.

Позабыт спор и хохот друзей,
А ладонь вся ногтями исколота.
Неизменен и пылен музей –
Нежилая, так ждёт сына комната.

"Сын, конечно, вернётся назад:
Вдруг, в плену? Ранен, то не смертельно пусть!"
Он уходит в заброшенный сад,
Застывает, скрывая растерянность.

"Пусть другие бесцельно льют кровь", –
Словно в трансе она, как пророчица...
Он молчит. Тяжко думает вновь:
"Род обрублен. На мне и закончится."

13 апреля 2024 г.

* * *

*Н. Ивановой***I**

Давай, не будем думать о плохом,
О том, что нас надолго разделило.
Разрыв наш сокращу своим стихом,
Хотя писать тебе давно немило...

Давай, не будем думать о войне,
О нашем к ней различном отношенье.
И больше не взываю я к вине
Одной лишь стороны за разрушенья.

II

Давай, не будем думать о смертях,
Агрессоре и жертвах... Чтож, отныне
Открыто славь Россию на костях.
Не плакать не могу об Украине.

Давай не думать (вот и сорвалась –
Сама!) о том, что в письмах – только ссоры;
Мы ими обрываем нашу связь,
Продолжим – переписка сгинет скоро.

III

...Давай же воскресим тот лес (весной –
Проталины, подснежников сиянье;
И кашки, медуница – в летний зной,
"Куриный" дождь и паутин зиянье)...

Давай же лучше вспомним первомай
И мясо шашлыков полусырое...
Ты мне на пианино вновь сыграй,
А я на стол по-быстрому накрою.

IV

Давай, хоть так. Хоть как-то... Собрать
По крохам общее, как будто подаянье...
Давай, не будем мы упоминать
Про наших мнений противостоянье.

...Давай, не будет ядерной зимы?
Зависит всё от нас, а мы – подруги!
Надеюсь, никогда не скажем мы:
"Давай, не будем думать друг о друге".

С 31 октября на 1 ноября 2022 года, 1.10 ночи.

* * *

Боль – это спазм не проходит никак;
Отдых её пережить помогает
Только вначале. До новых атак!
Тело же боли легко потекает:

Щедро на слёзы – такой "альтруист":
От вымогательств до сдачи на милость –
Недалеко. И слабеет артист:
Что от достоинства в нём сохранилось?

Не до притворства, что всё хорошо:
Фальшь и в улыбке, и в голосе тоне.
Хоть поскорее бы это прошло!
Марионетка смешна на ладони.

Всё экономней движенья: есть страх
Не угадать и задеть ненароком,
Не угодить – быть повергнутым в прах:
Всё болевым стало низким порогом.

Будто бы сдулась, недвижно легла,
Жалко слова забывая у роли,
Вмиг обесценились напрочь дела.
Ждёт каждой нитью движения-боли.

13 февраля 2024

* * *

Мечтала о любви – подобно той,
Которая и Данте к Беатриче
Влекла неутоляемой тоской
И тем же обрекала на величье.

...Я знала, что тебя не разлюблю, –
Влюбляясь на мгновенья или годы
В других, уподобляясь кораблю,
Чей парус полон ветра и свободы.

А вновь я, вновь о берег – всем нутром:
Ты снился мне. Навек – сорокалетний.
И сердце поддеваешь ты багром,
Как рыбу, свой улов уже последний.

Но стоит мне всего глаза закрыть –
Своей улыбкой дерзкой ранишь снова.
И крыть мне больше нечем: эту прить
Смиряешь без движения и слова.

Отравлена, как мёд, вкушая яд.
Банальность? – чтож, почти не откровенье:
Разлука – на года, века подряд –
И дольше той любви без единенья.

С 25-го на 26-е апреля 2023 г. 12.40 ночи.

Валентина Человская

Мельбурн

Родилась во Львове. Закончила Университет Романо-Германскую филологию. Была приглашена в Австралию на работу компанией DNA Supply Ltd.

В Канбере, в университете, защитила диплом по психологии и психотерапии. Работала психологом-диагностом в Мельбурне и Сингапуре.

Пишу стихи с детства на трех языках.

Публиковалась в Австралии, Австрии, Германии, Америке, России, Бельгии, Франции.

Второе место украинская поэзия в Германии.

Финалистка конкурса "Эмигрантская лира" 2019.

МАШЕ ПАСИКЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Уходят молча лучшие из нас
Уходят с нами не успев проститься
Стирает время образ их и лица
Оставив фотографии подчас

Здесь каждому придётся умирать
Наверняка пред смертью робея
И в диалоге с совестью своею
Ошибки с болью снова проживать

И встанет точка, памяти граница
И темень поглотит безмолвно нас
И растворимся мы в немом пространстве
Все в ожидании тех каких-то странствий

Здесь каждому придётся умирать...

ЭТО ДЖАЗ

Переводы-вариации И.

Вот хриплый саксофон из старого винила
Вновь развернет спираль, а времени – Adie
И липкий звук его и где-то так ленив он
Как тот слизняк вползет он в прошлое свое

И в звуке том нет места сантиментам
И ностальгии нет, и бывшего совсем
А есть нейронов путь, затерянность моментов
И улица твоя, и запрещенность тем

И сумрак принесёт забытые все лица
Их смех и голоса, и гулкие шаги
И все реально там, как-будто нынче снится
Пульсирует висок, нет это все басы

И тремером по клавишам щекочет
И чистым тем глиссандо саксофон
И этот блюз томит, змеей вползая к ночи
Все так реально в нем, а может просто сон..

И снова по басам из старого винила
Взлетают звуки ввысь, задерживая миг
И крутится тот сон экраном черно-белым
Грозя фальцетом вновь, переходящий в бис...

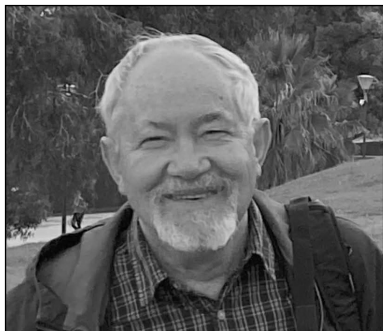
МОЕМУ ДРУГУ СЕРЕЖЕ

За стеной слышен вздох
Мерна поступь вагона
Коридором прошаркали чьи-то шаги
Где-то ты одинок, в новогодней истоме
Где-то я улетаю по воле судьбы
Нас развеяло всех по ложбинкам планеты
Всех тех верных девчонок и классных ребят
И в бессонных ночах, на немой вопрос

– Где ты?
Мне вторит тишина, да и та невпопад
Между нами с тобой тысячи километров
Разделяющих нас толщиной полусфер
И на мой тот вопрос
– Что с тобою и где ты?
Он звенит в тишине, как надорванный нерв
Уповать на судьбу нам наверно не стоит
Так сложилось у нас, просто горечь во всем
И для нас, нас с тобой, одиноких изгоев
Нет преград, расстояний и прерванных тем
Я приеду, ты жди, в твой размеренный график
По прогулкам с утра, этим нежным цветам
Фариссеи молчат. Да к чему им и на фиг
Я ведь память свою никому не отдам ...

БЛИМ ПО БІЛОМУ

Білим по білому іноді пишеться
Всі напівтони розведені плямами
То, як бліда наполохана тиша,
Що западає буває між нами
То, як сунічка в руці дитячій
Зірвана поспіхом
Стиснута в жменці
Соком прозорим відразу заплаче
Ще не солодка,
Вже не зелена
Білим по білому щастя малюєм
Згадуєм, любимо, млієм, вмираєм
Лінія лілії в серці вирує
Лінія смерті з долоні зникає

Евгений Иванов

Мельбурн

Родился в 1947 г. в Таганроге, на родине Чехова и Раневской. Работал более сорока лет в Таганрогском радиотехническом университете, занимал должности зав. кафедрой, профессора кафедры высшей математики.

Первое стихотворение было опубликовано более полувека назад в университетской многотиражке РГУ в Ростове-на Дону. В 1999 г. вышел единственный поэтический сборник «Нить любви», который дополнялся и переиздавался еще дважды. Ныне имею честь быть членом литературного объединения «Лукоморье», г. Мельбурн, неоднократно печатался в литературном альманахе «Витражи».

Впервые в жизни участвовал в поэтическом конкурсе в возрасте уже за семьдесят (Единение 2020) и даже получил поощрительный диплом.

Сейчас работаю преподавателем математики в русской школе OREN г. Мельбурна. В 2019 г. Комитетом по образовательной деятельности русских школ Австралии был признан Учителем года среди учителей русских школ страны.

Женат, имею троих детей и четверых внуков, которые, как и я, живут в Мельбурне.

ДАРЫ НОЧИ

Памяти Маши П.

Пусть день несет заботы и усталость,
И сердцу грусть, душе неупокой —
Спасибо, ночь, что ты ласкаешь старость
Заботливой невидимой рукой.

Спасибо, ночь, за памяти безбрежность —
Летишь, как птица, над живой водой,

Спасибо, ночь, что даришь сердцу нежность —
Что снова вижу маму молодой.
Спасибо, ночь, что ночью рифмы снятся
И утром строчки льются, как поток,
Спасибо, ночь, что ночью можно клясться,
Не ведая, что у любви есть срок.
Спасибо, ночь, что мне дарила ласки
Лишь та, одна, другой на свете нет,
Спасибо, ночь, за сброшенные маски,
Что все равно подаришь нам рассвет.
Спасибо, ночь, что даришь неба чашу,
Где звездами горят кого уж с нами нет,
Спасибо, ночь, что мне приснилась Маша —
Ее улыбки незабвенный свет.
Спасибо, ночь, что даришь нам забвенье,
Что с прошлым рвешь безжалостную нить —
Нам не дано оборотить мгновенья,
Ведь Маши нет – и с этим надо жить...

Мельбурн, февраль 2026

Из старых тетрадей

ДАЛЕКО

Дочери, уезжающей в Австралию

Нам казалось – далеко все это,
День отъезда навалился сразу.
У тебя в году не будет лета –
Осень и зима – подряд два раза.
Мишки спрячутся за горизонт, тоскуя,
Воцарит на небе Южный Крест,
И кукушка вам не накукует
Много лет из наших дальних мест.

Так далёко не летает аист
И березы не дойдут до вас,
А сирень весной не расцветает,
Там, где бродит хитрый дикобраз.
Здесь живут невиданные звери –
Кенгуру, и динго, и коала...
Отворить туда спешите двери –
Что судьба вдали вам нагадала?
Ты сама, как лапочка-коала,
Принесла из детства солнца лучик,
Всё о чем-то новом тосковала,
Горы выбирала – всё покруче.
Будешь ты и умной, и красивой,
Осенит и счастье вас, и новь,
Только больно и обидно за Россию –
Покидает нашу Родину Любовь...
Знаю я, что ласковой стране
Ты подарешь юного «австрала»,
Будет он еще и внуком мне,
Твоя мать давно о нем мечтала.
«Далеко» – быть может, – «навсегда» –
Вас не все дождутся старички,
Может быть, плывут последние года
Их нелегкой жизненной реки...
Надо жить, надеждою согретым,
Осень долгая – в тревоге и печали,
Лишь бы к вам пришли весна и лето,
Лишь бы нас хоть редко привечали...

Таганрог, 2004

КАЖДЫЙ МИГ

Суета, суета, суета – без конца.
Нам бы очи поднять на обитель Творца,
Наблюдать бы, робея, в прохладе ночей,
Как по небу течет тихий звездный ручей...
Суета, суета, суета – день и ночь.
Нам заботы б отринуть ненужные прочь,
К чуть шершавой коре прикоснуться щекой
И пушистую белку погладить рукой...
Суета, суета, суета – как свинец.
Нам понять бы тебя, старый мудрый отец,
Ты оценишь красотки чуть раскрытый бутон,
В вихре танца улыбку, наслаждения стон...
Суета, суета, суета – жизни вор.
Бесполезная драка, бессмысленный спор –
Так легко расплескать чашу жизни до дна!
Мы уйдем, не допив золотого вина...

*W. H. Davies,
авторизованный перевод с английского.
Таганрог, 1996*

ДВА ПРОЦЕНТА, ИЛИ МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Памяти В. Высоцкого

Оказалось, что по тесту
Я немножечко еврей.
Нету у меня протеста —
Стал красивей и мудрей.
Я теперь не ем свинину,
Ведь еврею – не к лицу!
На закуску потребляю
Эту, ..., как ее – мацу!

Посетил я дядю Мишу —
Он почти что Губерман!
Сочинил, что дядя Гриша
Матерщинник, наркоман.
 Долго мне читал он книжку,
 Чуть меня не уморил.
 Но зато потом подсвечник
 Почему-то подарил.
Со своей соседкой Дорой
Все, конечно, веселей —
Я уже пляшу семь-сорок
Как потомственный еврей!
 Мы теперь с женой в постели
 По особому шалим
 И билеты мы купили —
 Посетить Е-ру-са-лим.
И свое, друзья, еврейство
Никому я не отдам —
Ведь мне эти два процента
Подарил ещё Адам!
 Или Абрам?

Мельбурн, 2025

Людмила Вайнриб

Мельбурн

Родилась в Харькове.

С ранних лет моя жизнь была связана с музыкой и творчеством. Окончив Харьковское музыкальное училище, я работала музыкальным руководителем в детских садах, создавая для детских праздников сценарии, стихи и песни.

Мои стихи публиковались в местной газете. В те же годы я посещала театральную студию под руководством народного артиста Украины Бориса Моисеевича Табаровского.

Позднее окончила Харьковское медицинское училище. Судьба привела меня в Австралию — в Мельбурн, где многие годы я работала медсестрой.

После выхода на пенсию поэзия вновь заняла особое место в моей жизни. Уже два года мои стихи публикуются в литературном альманахе «Витражи».

Я пишу потому, что не могу не писать — потому что слово для меня стало естественным продолжением мысли и чувства.

Снежинок круг

Снежинок круг — не у меня над головой.
Искристый снег теперь мне только снится,
А утром быстро улетает птицей,
Летающий — тает той заснеженной зимой.

И я шепчу тихонько времени: «Постой...»
Верни туда хоть на одну минутку!
Пусть для тебя всё это — просто шутка,
А я увижу там опять свой дом родной.

Снежинок круг — вновь у себя над головой,
Наш серый дом и радостные лица,
Жизнь до войны, которая мне снится,
Мою страну — и папа всё ещё живой...

И круг снежинок,
Что у нас над головой...»

Все обошлось

Все обошлось — живой охранник.
Полуразрушен детский сад.
И нет причин для всяких паник, —
Привычно люди говорят.

Все хорошо — опять ученья?
Опять никто не виноват.
Опять неясные сомнения...
Соседи! Дроны к нам летят!

Все обошлось — в кафе «Мимоза»
Сегодня скидка на пирог.
И лишь у входа пахнет розой,
Что с клумбы вынес нам поток.

Все обошлось. Звенят трамваи,
Спешат в аптеку старики.
О тех, кто спал, не вспоминаем.
Все хорошо, всё по-людски...

Все обошлось — смешно, пожалуй.
Мы выжили... Ну как в кино!
Успели все — сидим в подвале.
Всего лишь дом, всего окно...

Все обошлось.
Все хорошо?!...

Красный конь

Пегас, крылатый конь —
Все, как во сне.
Прекрасный миф на крыльях оперения.
Сам красный конь —
И ты летишь ко мне,
Меж небом и землей,
Вне притяжения!

В твоих глазах — дороги без следов,
Полеты, что не знают слова «поздно».
Ты помнишь свет заоблачных миров
И шепот звезд, и ливней смертоносных.

Ты крылья расправляешь — и тогда
Молчание становится молитвой,
И с неба где-то падает звезда,
Теря власть над мировой битвой.

Ты ждешь, чтобы явиться в нужный час,
Спасая мир, не требуя признания.
И думаешь о вечности, о нас,
Волшебный конь — небесное создание.

Как символ года — счастья на земле!
Летишь сквозь время
В звездном хрустале...

Пора...

Пора выбрасывать игрушки...
Решенье принято без слов.

В коробках — мишки и лягушки
И тишина ушедших снов.

Да, внушки выросли — и правда,
Нам не вернуть назад года.
А сердце знает, что так надо...
Но как смирить его тогда?

Игрушки — это не про вещи.
Про что, ты спросишь? Ну, постой!
Про ручки теплые на плечи
И мир, наполненный весной!

Выбрасывать — почти прощаться
С собой, казалось, молодой.
Я внучек не могла дожидаться
И не считала возраст свой...

Пора выбрасывать игрушки...
А внушки — жизнь, любовь моя!
Ко мне приходят — как подружки,
И с ними молодею я!

Я напишу стихи

Я напишу стихи — и пусть слова,
Как мягкий дождь, прольются на планету.
В них будет доброта — она жива,
И нежный свет, что дарит сердцу лето.

Пусть каждая строка, как ветерок,
Скользит по миру плавно, без сомнения.
И всем дарует радости глоток

Для созидания
И примирения.

Я положу на строчку
Лепесток,
Даря ему весеннее дыхание.
И хлынет с неба солнечный поток,
И землю осветит своим сиянием!

Я напишу стихи — и пусть война
Исчезнет с наших улиц с пониманием,
Что не вернется никогда страна
В жестокий мир убийств
Без покаяния.

Я напишу стихи — идеей полна...
Но за окном терзает мир война...

Я напишу стихи!!!

Вина...

И снова ты рядом — как тень без лица,
Без права на грусть и без права на грезы.
Ты пьешь мою кровь — и не видно конца,
Спокойно, уверенно
И без наркоза.

Ты шепчешь: «Постой, не прощай, не забудь!»
Ведь время не лечит —
Лишь ставит отметки.
И в этом вся горькая правда,
В ней суть:
Что жизнь неподвластна нам всем,
Как рулетка.

Туман расплзается мутной волной,
Окутав события,
Тайно ликуя.
Ты кто — тот, всегда у меня за спиной?
Неясно... Виной свои мысли рифмую.

Но знай — в эту ночь ускользнут тени дня.
Все станет, как раньше:
Мечты и тревоги.
И мы побежим, в сердце юность храня —
Нас вдаль унесут быстрокрылые строки!

Ожидание

Пожелтели листья в одночасье.
Полетели сны за облака.
Расскажи мне, что такое счастье...
Лишь намеком — вот моя рука.

Словно все уснуло в ожидании.
Мир — в старинной сказке, и тоска
Тихо бродит, будто с пониманием,
Смотрит сиротливо свысока.

Заметалась тьма по всей округе.
И, уже почти закончив круг,
Не смогла найти для счастья друга,
Словно жизнь вдруг замерла вокруг.

Хочешь — обойдем вдвоем планету?
Только, слышишь, больше не молчи!
Мы с тобою вместе ждем рассвета.
На дверях замок —
Но где ключи?!

Пожелтели листья в одночасье.
Осень наступила, грусть тая.
Расскажи мне, что такое счастье...
Может, это просто ты и я?

Ночная муза

В час, когда ночь обнимает огни,
тонкой рукой раздвигаются сны.
С лёгкой походкой приходит она —
Муза, поэтам всегда так нужна!

Хрупкий мираж и огонь неземной...
Муза шепнёт — и мир станет иной.
Шёпот её — как заря в небесах,
И окрылённый поэт спит в слезах.

Снятся поэту поэмы веков.
Тут шепчет муза: «Прощай, будь здоров!»
Но просыпается утром поэт:
«Муза!» — зовёт он. Её уже нет.

Так повторяется каждую ночь:
Муза уходит — остаться невмочь.
Спит слишком крепко, а муза добра —
Не разбудить ей его до утра.

Утром, как водится, длинная ночь.
Муза спешит, чтоб другому помочь!

Идёт Новый год...

Закат исчезает в объятиях ночи —
как пламя, гасимое чистой водой.
А время летит — нам его не отсрочить.
Забудь всё плохое, что было с тобой!

Последний луч солнца дрожит на ресницах,
сливаясь с дыханьем холодной звезды.
И кажется: вечер умеет молиться,
чтоб день не принёс миру новой беды.

А ночь, распахнув звёздный путь, как астролог,
опять укрывает печаль и тепло.
И грезится легче...
И путь мой так долог!
Где многое кануло,
что-то пришло...

Закат исчезает в объятиях ночи —
как пламя, гасимое чистой водой.
Идёт Новый год... Что же он всем пророчит —
Войну или мир нам несёт за собой?

**Виктория
Мовчан**

Мельбурн

Из Харькова. Живу в Мельбурне. Мои стихи о внутренних переживаниях, о боли и свете, о способности человека выстоять и сохранить себя. Пишу о том, что рождается в тишине.

КАРТИНА МАСЛОМ

Яркою краской
На чёрном холсте
Рисую я кистью
Чей-то портрет.
Но яркие краски
На тёмной основе
Все растворяются
Снова и снова.
Как ни старайся,
Как ни крути
Цветная картина
Печалью сквозит.
Чёрное сразу
На ней проступает
И светлые краски
Собой заслоняет.
И истина кроется
Только в одном:
Важнее всего
Выбранный фон.

ЭМПАТ

Ты прочти меня без слов,
Просто так прочти,
Без имён и без звонков
Заодно прости.

Что не сказано пойми
Ты без лишних фраз,
Мир душевный подари
Как в последний раз.

Прочитай меня по жестам,
По моим глазам
И по нотам джаз-оркестра,
Где витаешь сам.

Прошуми осенним ветром
Безмятежных снов
И осыпь меня ты щедро
Рифмами стихов.

Я возьму твои разгадки,
Заплету в косу
И тихонечко, украдкой,
Их произнесу.

ОСКОЛКИ

Осколки рухнувшей Вселенной
Затмили свет в её глазах.
Тень промелькнула дерзновенно,
Запутавшись в её шелках.

Под звуки лиры легкокрылой
Туман заполнил её мир,
Стер краски с радужной палитры,
Где прежде жил цветной кумир.

Кисть подхватила танец вольный,
И холст дрожал под той рукой.
Мысль, как отточенная бритва,
Разрезала глухой покой.

Она поникла головою,
Ушла в небытие своё.
И пламенной стрелой живую
Пронзила сплетен вороньё.

РАССТАВАНИЕ

Дверь захлопнулась многоточием
И задвинула свой засов.
Ты всю душу мне искалечила
Монотонностью своих слов.

Ветер пауз сквозит навязчиво,
Разливая немую тоску.
Серый шёпот звучит обманчиво,
Обнажая всю пустоту.

Что ж, проститься с тобой без повода?
На засов запирая дверь?
Неизвестность заморит голодом.
Лучше правду сказать теперь.

НАГАЯ

Она летала
Над землёй,
Хотя стояла.

Когда и где
Придёт пора
Она не знала.

Сама парила
Над собой,
Как будто тихо спала
В обнимку
Со своей душой
Без покрывала.

И как-то раз
Ночной порой
Вдруг осознала:
Не окружил
Мир добротой,
Когда страдала.

Она научена
Судьбой,
Начнёт сначала
Свой путь
Под огненной звездой

Ведь устояла.

И вновь
Звонят колокола
В душе отрадно.

Пока ей рано
На покой.
Ведь жизнь
Прекрасна.

КАПЛЯ

Капля катится вниз
По холодному стеклу,
Оставляя прозрачной
Небес голубизну.

Ровной тонкой полоской
Тянет светлый свой след,
И сквозь узкую просинь
Пробивается свет.

Стекло вокруг мутнеет,
И мир отражён иной.
Прозрачная дорожка
Становится глубиной.

Может быть, только так
Через слёзы и боль
Сквозь чистую каплю
Проясняется роль.

Элина Комча

Мельбурн

Предположим, что меня вообще никто не знает. Я родом из Харькова, но уже тридцать лет живу в Мельбурне. Помимо переводческой практики, веду еще два бизнеса. Днем я нервная и вспыльчивая, вечером добрая и нежная. Для души я пишу обо всем, что вижу и чувствую. Считаю, что поэзия, это особый язык, который могут выучить все, но по настоящему овладеть им могут только избранные. Очень хочу быть в их числе...

Есть, как есть...

У любого сообщества свои рамки, в которые пытаются всех поставить, прошу вас, только не меня...

Дайте же быть мне несовершенной,
Будто старинный плуг,
Облик, не сотканный для вселенной,
Чай пригодится вдруг.

Дайте одетой быть не по моде,
Дешево и не в тон,
Видом из красной книги вроде,
Что же плохого в том?

Может быть, именно так и нужно,
Впитаться зубами в жизнь,
Ветреной, резкой и непослушной,
И не святой, кажись.

Дайте не клеить ресницы, стрелкой
Не подводить глаза,
С совестью не заключает сделки,
Вымерший динозавр.

Дайте же с рифмой моей неточной
Не норовить в графья,
Может проявится вкус порочный
И на таких, как я.

К черту каноны, долой награды,
Не устремляюсь в знать,
Кто из вас знал, как должно быть надо,
Так пусть и будет знать.

08/2025

О своем, о женском...

*Просто небольшое размышление о том, что происходит с женщинами
в современном обществе...*

Слабая женщина ждет утешения
От незнакомцев ей близких по духу.
Слишком тщеславная ждет восхищения
И комплиментов, что льстят ее слуху.

Женщина умная требует логики
И постоянно – над жизнью контроля.
О неприступной заботятся многие,
Пальцем притронуться к ней позволив.

Женщина строгая требует истины
И беспощадна порой к беспорядку.
Добрая – подлых простит и завистливых,
Глаз не смыкая у детской кровати.

Вечно страдают, друг дружке завидуют,
И не гнушаются слухами, сплетнями.
Плачут в чужое в плечо, не в обиду им,
В горе и бедности делят последнее.

Каждой особая доля завещана,
Пусть хоть не умница, пусть не красавица:
Как, черт возьми, эти разные женщины
Во мне одной до сих пор уживаются?

09/2000

Физика в лирике

Что если физика, как и поэзия, описывают одни и те же вещи, просто разными языками, тогда можно сказать, что любовь – это просто квантовый скачок души.

Всем достается прямая ль, кривая,
Есть те, что просто плечом задевают,
Есть те, которые ходят кругами,
Есть те, которые топчут ногами.

Есть даже те, что со скоростью света
Мимо несутся свистящей кометой,
Но и такие, что где-б не носило,
Душу наполнят живительной силой.

Есть те, кто нам преподносят уроки,
Как бы те ни были злы и жестоки.
Есть те, к которым притянет магнитом,
Чтобы потом быть как током избитым...

Но позитивнее всех из историй,
Есть лишь одна среди всех траекторий,
Все, что казалось тебе наваждением
Станем реальностью в точке сближенья.

Жезлом волшебным могучие боги,
Тем, кому надобно, скрестят дороги,
Из миллионов упущенных шансов,
Ждет вас один, кем вам не надышаться.

Будет все так, или будет иначе,
Только того, кто тебе предназначен,
Как тут себя ни веди осторожно,
Но пропустить, оттолкнуть невозможно.

Мы как молекулы в вечном движении,
От столкновения до притяженья,
Тихо замри в ожиданьи сюрпризов,
И не противься вселенной капризам.

11/2016

Валерий Сикорский

Мельбурн

Родился в городе Находка, Приморский край. Образование средне-техническое, специализация-ремонт производственного оборудования. Стихи начал писать с 28 лет.

Затылком почувствовав ствол пистолета
и ворот зубами зажав,
уже созерцая ту сторону света,
застыл тяжело задышав.

Не слушались руки и ноги не гнулись,
сжималась потея спина,
а руки в браслетах металла коснулись,
и заколыхалась стена.

И стоя так, пули своей ожидая
гудела от дум голова
и внешне, как будто, совсем не страдая
улышал такие слова.

Не мог всё понять он, как ни напрягался,
и кто, и о чём говорит
"Ты, случаем парень там не обмарался?
Отсрочка тебе предстоит".

И сразу, как будто с плеч горы свалили
пришёл долгожданный рассвет
когда, так неожиданно, расстрел заменили
пятнадцать, но жизненных лет.

Зачитают приговор,
зарядят винтовку,
глухо клацая затвор
выдаст в рай путёвку.

Занемели, затекли скованные руки.
Заверши команда "Пли!"
В плоти сердца стуки.

Высоко взлетит душа
К небесам рванувшись,
новой верою дыша,
с телом разминувшись.

И, создав душе уют,
кротки и незримы,
аллилую пропоют
хором херувимы.

Последнего лета мы просто не знали,
как будто бы не было вовсе его,
как видно его у нас вовсе украли
и нам не осталось совсем ничего

И вроде бы лето, и вроде бы жарко,
но всё это было немножко не то.
И солнце светило по-прежнему ярко,
и вроде бы не одевали пальто.

И будет ещё холодней год от года –
всё к худшему клонится звёздный компас.
Видать измениться решила природа,
за что-то своё обозлившись на нас.

Ветры войны задули.
Люд сапоги обул.
Бомбы, снаряды, пули
распространяют гул.

Крики, проклятия, стоны
заполнили мир
Грустно взирают иконы.
Гнусно вещает эфир.

Превосходящие клоны
позаменяли людей.
Нечеловечьи законы
чьих-то плохих идей.

Портится быстро планета.
Сыто одно вороньё
А со страниц интернета
льётся сплошное враньё.

Заслонили камыши берега.
Речки Каменки былой больше нет.
Улетают журавли на юга,
оставляя за собой лунный свет.

Прикоснётся к голове голова...
кто любил, тот это сразу поймёт.
И слышатся такие слова,
от которых аж до слёз проберёт.

Не взволнует слуха голоса звук.
Не взъерошится под ласками чуб.
Только память оживит сердца стук
той, которой ты когда-то был люб.

Спеленали руки, ноги,
обломали крылья.
Не желают делать боги,
нашу сказку, былью.

Слишком долго продолжались
неповиновения
и в умах не задержались
божьи повеления.

Едут люди в заграницу
если вдруг случается,
но поймать за хвост Жар птицу
редко получается.

Накрутили, наvertели –
стала жизнь убога.
Жить по-своему хотели –
не боялись Бога.

Игнорировались нами
методы спасения –
потому везде цунами
и землетрясения.

По деревне девушки
юбками шурша
словно королевушки
ходят не спеша

А за ними тянется
эскадрон парней.
Если кто оглянется –
сразу липнут к ней.

Лунными дорожками,
прячась по стогам,
молодёжь с гармошками
бродит по лугам.

Не мычат коровы,
двери не скрипят.
Даже псы дворовые
тихо в будках спят.

Куры на насесте
спят рассвета ждут.
Так в далёком месте
издревле живут.

Словно яркие цветочки
ходят девочки весной –
заточили ноготочки
и гуляют под луной.

Архипухлые сберкнижки
на кусочки рвут сердца.
А потом стирать штанишки
им придётся без конца.

А пока задком виляют,
сарафаны теребят
и глазенками стреляют
на задумчивый ребят.

ΠΡΟΖΑ

Татьяна Хохрина

Москва

Родилась в 1956 г. в Москве и живет зимой там, а летом в подмосковной Малаховке. Юрист в третьем поколении, специалист в области уголовного и гражданского процесса и криминологии, долгое время занималась научной работой в сфере юриспруденции, в том числе в академическом институте и в исследовательском центре ООН. Свободно владеет английским языком. Автор коротких рассказов, публиковавшихся в журнале Знамя, Этажи, Sova, альманахах Литературная Америка (США), Семь Искусств (Германия), Книга Судеб (Израиль), Альманах Диалог, и изданных отдельным сборником «Дом общей свободы» (Москва, Арт Волхонка, 2020), который вошел в шорт-лист премии «Ясная Поляна» и «Белая книга» и стал лауреатом премии Жар-книга. Лауреат международной премии им. Исаака Бабеля и Травяной премии имени Асара Эппеля. Замужем, имеет дочь.

UNA FURTIVA LAGRIMA

В нашей коммуналке было четыре комнаты. Три – для трёх семей, а четвёртая – общего пользования. Правда, когда мы свою комнату получили, соседка у нас была только одна – машинист поезда метро на пенсии Лидия Трофимовна, глуховатая от постоянного шума поездов и толпы, хромоногая и вредная старуха. Третья семейная комната была не заселена и заперта на ключ, а в ту, что общего пользования, было свалено ненужное и портящее и без того небольшую красоту коммунального быта барахло. Квартира была огромная, соседей, считай, практически нет, и нам многие завидовали. А напрасно! Во-первых, одна бабка Трофимовна стояла пятерых, постоянно скандаля, строча доносы, предъявляя невнятные претензии, влезая в самый неподходящий момент и норовя всё время сделать какую-нибудь пакость. А, во-вторых, раздолье наше

просуществовало очень недолго.

Буквально через полгода после нашего заселения вдруг появился здоровый бугай с ключом и какой-то бумажкой и оказался новым соседом, вселённым в ту самую третью комнату. И, что самое ужасное, не в одну комнату. К нему вскоре присоединилась жена Жанна, молчаливая кабардинская женщина, их две малолетние дочери и теща Раиса Магомедовна. Но и это не все.

На Новогодние праздники из Нальчика в ту же безразмерную комнату приехали погостить кабардинские родственники в таком количестве, что утром ковер на полу их жилища производил впечатление вчерашнего поля брани, где вповалку лежали на первый взгляд бездыханные тела. Часам к двенадцати дня эта инсталляция оживала, и дети гор разбредались кто в ванну, кто в туалет, кто на кухню, заполняя собой всю квартиру. Они гортанно перекликались, заглушая все привычные звуки общей квартиры, и шум этот постоянно звенел в ушах, одинаково раздражая и нас, и Лидию Трофимовну. Последняя, было, нацелилась навести порядок и призвать пришельцев к ответу, но у них был один козырь, против которого все недовольные были бессильны. С ними приехал молодой горец, отдаленно напоминавший Зельдина в фильме "Свинарка и пастух", редкой красоты и стати, в мохнатой шапке, бешмете и черкеске с газырями, выглядевший так органично, что все время хотелось поверить, не стоит ли, перебирая стройными ногами, за дверью ахалтекинский жеребец. Помимо своей головокружительной внешности, Асланбек (так его звали) умел петь. И не просто голосить, а петь профессионально, хорошо поставленным академическим тенором, натренированным в консерватории. Поэтому при первой же попытке приближения к нему с целью проверки документов и публичной склоки, Лидия Трофимовна была обезоружена арией из оперы Паяццы "Риди, паяччо", ошалев от которой задом ретировалась в свою комнатенку.

Пробыв две недели, нальчиковский десант убрался восвояси, но Асланбека с собой не захватил, оставив этот шедевр народных помыслов нам на вечное хранение. Таким образом в третьей комнате, как в сказочном теремке, уже были не только мышка-норушка Жанна, лягушка-поскакушка Раиса Магомедовна, малолетние лисички-сестрички Айшет и Мариетта, папаша волчок-серый бочок Николай, но и экзотический джейран Асланбек. Теперь мы не просто злобно ломились поутру в ванную или сортир, опаздывая куда только можно. Мы это делали под

аккомпанемент великих композиторов, под сладостные рулады Принца Калафа, Хозе, Трубадура или Герцога Мантуанского, словно стояли в очереди не в коммуналке, а в концертном зале Чайковского. Жизни это не облегчало, но с ситуацией как-то примиряло.

Вскоре открылась и причина, по которой прекрасный горец спустился с вершин на Преображенскую площадь и прочно там обосновался. Оказалось, что Асланбек страдает душевной болезнью, возникшей во время его учебы в консерватории, причем в силу совсем не музыкальных причин. В то время как наивный чистый юноша искал в храме музыки высокое искусство, к нему сзади подкралась низкая разнузданная реальность в виде развратника-педагога, жаждавшего его взаимности. Джигит был так потрясен и ошарашен, что год вообще молчал, из консерватории, естественно, ушел, публично петь перестал и часто впадал в депрессию, неделями не вставая с койки и тоскливо вглядываясь бездонными очами в драные обои. Бабка Магомедовна боялась оставлять его надолго одного в Нальчике, а ее помощь нужна была внучкам в Москве, поэтому-то родня и притащила Асланбека в нашу коммуналку для воссоединения семьи. Посовещавшись и сочувствуя парню и всему его семейству, мы с Трофимовной вытащили свое барахло из комнаты общего пользования, водрузили туда топчан, старый журнальный столик и Асланбека, открыв таким образом собственный музыкальный салон. Вскоре все мы к нему привыкли, и жизнь потекла своим чередом.

В принципе Асланбек никому не мешал, пел он довольно редко и очень красиво, а вообще был робок и тих, в основном лежал на топчане в комнате и сложившегося порядка коммунальной жизни не нарушал. Иногда, правда, становилось не по себе, когда он, странно улыбаясь и ничего не говоря, долго смотрел на кого-нибудь из нас или, насупив роскошные брови цвета воронова крыла, вдруг грозил неизвестно кому пальцем, или, проходя мимо говорившего по телефону жильца, вдруг выкрикивал: "Э! Говори по-кабардински!". И казалось, что он сейчас выхватит из-за пояса кинжал, и всем нам несдобровать! В эти моменты, конечно, все вспоминали, что парень-то – того, и не место ему тут, хорошо бы подлечиться!

Семья и сама это понимала, тем более, что все реже он вставал с топчана, все дольше смотрел в стену, бормотал что-то, а ночью открывал окно и тихо в черноту даже не пел, а простанывал, выплакивал какие-то печальные кабардинские мелодии без слов. Старуха Трофимовна, ране-

ная в самое стародевичье сердце его неземной красотой и преисполненная жалостью, даже перестала воевать, а дожидалась, когда асланбекова родня разбежится по делам, наливала стаканчик кагора и несла его Асланбеку в утешение. После ее угощения парню становилось только хуже, но объяснить это бабке было невозможно – всю жизнь она видела в этом главное лекарство русского человека.

Довольно близко от нашего дома на Потешной улице была известная психиатрическая больница имени Ганнушкина. Не знаю, было ли уж так потешно внутри, но снаружи происходило всякое. На пациентов психбольницы жители микрорайона натывались во всех окрестных магазинах, скверах и дворовых песочницах. Если бы не больничная одежда, они практически ничем не отличались от остальных, подтверждая известное изречение, что нет здоровых, есть необследованные. Бродившие по округе психи вступали в разговоры с бабками у подъездов, с молодыми мамашами, с собачниками и прочим местным населением, рассказывали о веселой жизни в лечебнице, и создавалось впечатление, что там не мрачный желтый дом, а профсоюзный пансионат с дополнительным питанием и массовиками-затейниками.

Поговорив со встреченными душевнобольными, всезнающими бабками и участковым терапевтом, Жанна и Раиса Магомедовна всерьез задумались о том, что хорошее лечение в таком приятном месте, да еще рядом с домом, могло бы пойти Асланбеку на пользу и вернуть ему былую живость и интерес к жизни. Жанна сходила с конвертом в Ганнушкина, ей обещали для Асланбека санаторное отделение и всяческое содействие. Трудность была только в том, что Асланбек был прописан в Нальчике, и в плановом порядке запихнуть его в московскую психушку было невозможно. Путь был один. Надо было вызвать психиатрическую скорую помощь, дать ребятам денег, и они бы доставили его по месту назначения, как буйного в момент общественно-опасного припадка. А там уж все было схвачено.

Вечером все жители квартиры заняли оговоренные позиции. Мы сидели в своей комнате, Лидия Трофимовна, еще днем очередной раз подпоившая Асланбека – в своей, кабардинское семейство уложило детей и замерло у себя, а Асланбек, словно что-то предвидя, был особенно грустен и беспокоен, то маялся на топчане, то метался по комнатке, все время вглядываясь в черное окно. Наконец позвонили во входную дверь. Жанна выскользнула на лестничную клетку, уладила все с санитарями

и запустила их в квартиру. Два огромных мужика с одинаковыми бесстрастными лицами, словно персонажи сказки "Двое из ларца одинаковых с лица", тяжелой поступью протопали в убежище Асланбека, сдернули его с топчана, привычно ловко натянули прямо поверх черески страшную застиранную смирительную рубаху, спеленав свою жертву в гигантский кокон. Вроде все мы понимали, что всё это делается с благой целью в расчете на выздоровление или хоть какое-то улучшение, но чудовищность и механистичность процедуры доставки вызывала оторопь и леденящий ужас.

Несчастливого парня поволокли к выходу, в комнате взвыла Раиса Магомедовна, Жанна с мертвенно-белым лицом держала дверь, а Асланбек безуспешно пытался поймать горящими глазами хоть чей-то взгляд. Через минуту хлопнула подъездная дверь, потом дверца перевозки, и заработал мотор. И над всей зимней Преображенкой с её трамвайным звоном, визгом автомобильных тормозов, скрипом, лязгом, стуком и скрежетом городской начинки раздался чистый, неземной голос: *Vide o'mare quant'e bello, spiro tanta santimento...* Как прекрасна даль морская! Как влечёт она, сверкая!... Вернись в Сорренто, любовь моя! Этот голос перекрыл звуки ночного города, он заполнил собой всё пространство и бился в чёрные окна долго-долго, продолжая звучать даже тогда, когда перевозка давным-давно уже выгрузила свой трофей в чрево психиатрической больницы.

А я ещё всё удивляюсь, почему совершенно не могу слушать теноров.

НА ПОРОГЕ

– Клава, пока я буду у врача, ты в аптеке внизу все возьми и хлеб рядом в палатке. Только не покупай больше эти пенопластовые батоны ужасные! Пусть лучше дороже, но хоть съедобный хлеб будет. И бородинского возьми. Что значит "кто есть будет"?! Я буду! И Митя, может, с нашими зайдет, а он только бородинский ест. Я знаю, что ты его не любишь! Но, во-первых, это глупо и несправедливо, он просто подшучивает над тобой, а не обидеть пытается. А, во-вторых, гостей принимают как следует, даже если они – не самые желанные. И вообще, с каких это пор ты взяла на себя право утверждать список моих визитёров? Я еще в своем уме, слава Богу, и не прикована к постели, я хочу среди людей быть, и не тебе это регулировать!...

Клава! Ну что ты надулась? Разве я не права? Ну не молчи! Не начинай обиду свою вскармливать! Ну, Клава! Ну ты же знаешь, как я тебя люблю, считаю самым родным человеком, своей семьёй! Я просто хочу сохранить хоть какую-то самостоятельность и иметь выбор. Ну хватит! Ну прости меня! Ну давай не ссориться! Хорошо, хорошо, я позвоню Мите, скажусь больной...Ладно, и скажу, чтоб не больше четырех человек и ненадолго. Не сердись больше? Нет, скажи, не сердись? Правда? Честное слово? А мне кажется, что обида всё же тебя гложет. Да? Права я? Ну хочешь, на обратном пути в церковь зайдём? Или лучше ты зайдешь, а я тебя в машине подожду? Что значит, "в какую"? Которая по пути будет. Я не знаю названий. Я и синагог не знаю и не была там сроду. Ну и что, что еврейка, у нас семья была совершенно не религиозная, даже темы этой не касались, а Василий Гаврилыч был русский человек и партийный работник, ему это вообще дико. Господи! Ну один раз меня приятельница угостила коробкой мацы, так ты все забыть не можешь! Я же куличи твои и крашеные яйца ем, не выясняю религиозную подоплёку! Ааааа, это ты о моей душе печешься! Так ты лучше о своей сперва подумай! Есть о чем! Ты еще обижаться будешь? Я ничего не имею в виду. Заметь, это ты вспомнила про анонимки свои и показания, которые ты против Василия Гаврилыча давала. Я вообще ни разу не позволила себе тебя упрекнуть! И из дома не попросила, хотя могла и имела все основания! А ты еще и в претензии, и губы поджимаешь! Ну давай сейчас всё, что мы друг про друга за пятьдесят лет знаем, начнем на стол выкладывать! Знаю, знаю, что у тебя и ко мне счет есть. Да я уж за эти годы все свои прегрешения назубок знаю! Ну что сейчас про мои аборты говорить, когда мне семьдесят девятый год?! И ты считаешь, что это хуже, чем родить да бездетной соседке подбросить? Да уж знаю! И отчитываться тебе не собираюсь!

Вон уже гудят, машина пришла, а мы все скубаемся! Ты что, так пойдешь, без шапки? Моё дело! Заболеешь потом и будешь здесь кряхтеть и ныть! У меня нет сил за тобой ухаживать! Тоже не можешь? – Не надо, скатертью дорожка! Отлично без тебя проживу! Почему это одна? Стоит только клич бросить, только намекнуть – очередь выстроится! Ну и пусть за наследством! А ты интересно ради чего тут крутишься? Ой, не смей меня! Спишь и видишь сюда на Тверскую всю свою деревню приволочь! Так и вижу толстуху твою Зинку в моей шубе и парижской шляпе. Жалко только, засрёт все и повыкидываете, вы же ни вкуса, ни

понимания не имеете. Коровина и Поленова со стенки сдерёте и на их место картинки из календаря прилепите! А то я не знаю...Идешь ты или нет??! И так машину со скрипом дают, а ты еще ждать заставляешь. Ну хватит, перестань дуться! По дороге на почту заедем, денег дам – племяннику пошлешь на свадьбу. Поехали уже!

Две нелепые старухи, которые так долго жили рядом, что уже почти невозможно было определить, какая из них была доктором наук, почетным членом пяти иностранных академий и вдовой первого помощника Молотова, а какая сумела из деревни чудом во время голода девчонкой ещё прорваться в Москву и устроиться полумойкой в тот особенный дом, вход в который приравнивался к райским вратам. И так глубоко корни пустила неграмотная, но сметливая Клава в эту непонятную и абсолютно чужую ей семью, что срослась с ней намертво. И совсем не потому, что чисто убирала и хорошо готовила, и вовсе не потому, что согревала ноги хозяину, пока ученая жена по конференциям скакала, а хозяйке подробно доносила обо всех мужниных шалостях, не допустив развала благородного семейства. И даже не потому, что дважды в месяц ходила на улицу Мархлевского в безглазое здание без вывески писать отчеты на своих благодетелей. А потому, что вся жизнь прошла рядом, и эти две старухи, как две облетевшие по осени кривые осины, только опираясь друг на друга и способны были продолжать качаться на ветру, но стоять, а не лежать под слоем дёрна, неважно – на Новодевичьем, как хозяин, или в деревне Крыково, как клави́на родня. И сухая, почти бесплотная Мирра Наумовна, и рыхлая, отечная Клава стали чем-то неуловимо похожи внешне и умудрялись даже носить вещи друг друга, а уж для разговоров и дрызг находили больше поводов, чем с бывшими учеными коллегами или товарками-домработницами.

Сперва все шло по плану. Клава доволокла Мирру Наумовну до кардиологического отделения академической поликлиники, сама, как догосударивались сходила в аптеку и за хлебом. Батон все равно взяла дешевый, ишь, барыня – хлеб ей невкусный! Кончился вкус-то в ее года, не в хлебе дело, так что нечего зря деньги тратить. И бородинский принципиально брать не стала. Нечего Митю этого шелудивого приваживать! Своих детей не нарожала, так что теперь, чужого оглоода прикармливать?! А он ей, старой потаскухе, будет куриную ее лапку жать, и она, с глузду от счастья съехав, ему еще и наследство отвалит! Нет уж, коль Мирка из ума выжила, значит ей, Клаве, надо быть за двоих начеку!

Вообще не надо было никого в дом впускать, только грязь и заразу несут, да жрут в три горла, но звание почетное старухе вдруг свалилось! Видать, подумали, что до восьмидесяти не доскрипит, так что надо раньше навесить. Поэтому как ни крути – все равно человека четыре припрутся вручать и поздравлять. Мирка вообще хотела банкет устраивать, но как цены-то теперешние ресторанные услышала – чуть богу душу не отдала! Думала сперва статуэтку какую в комиссионку снести или браслетку в ломбард, но Клава не дала. Глупости какие! От звания этого ни горячо, ни холодно, только расходы на гулянку. Так что придут, чай с печеньем попьют, может, торт какой или конфеты прихватят с собой – чем не праздник!

Клава вернулась за Миррой Наумовной, на себе дотащила ее до машины и поехали в сторону дома. Про церковь она сама даже напоминать не стала – сил нет идти, одышка, а племяннику деньги потом пошлет, свадьба только через месяц. Надо домой доползти, тряпки пораспихать до прихода гостей, Мирку накормить и самой поесть до чаепития этого парадного. Как назло не работал лифт. И хотя старухи жили на третьем этаже, но пролеты были высокие, ступеньки стесанные и скользкие – чистое восхождение на пик Коммунизма. Клава задыхалась и сипела, как фисгармония, а Мирра опустилась на калошницу и хватала лиловыми губами воздух. – Надо капель ей дать да и себе плеснуть!

Клава прошаркала на кухню, потянулась за старинной серебряной рюмочкой для лекарства, но шкафы, полки и склянки почему-то сдвинулись с места, хороводом двинулись вокруг Клавы, словно разматывая бесконечную киноленту, на которой вдруг вместо старых деревяшек и прочего барахла заплясали давно забытые люди, маня Клаву за собой, надрывно и тонко заверещал то ли брошенный младенец, то ли сама Клава, и все кончилось.

Мирра, так и не дождавшись капель, почти задремала в жарком тяжелом пальто, а очнулась от грохота повалившегося на кухне стула, который потянуло за собой рухнувшее Клавино тело. – Клава, Клава, что там? Что это упало? Ты не разбила Майоля? Подойди сюда, помоги мне раздеться! Ты что, оглохла? Клава?? – Мирра вдруг совершенно четко поняла, что зря кричит. Ей некому ответить. Клавы больше нет. Она это почувствовала с такой же опустошающей ясностью, как когда-то совершенно четко ощутила миг, когда не стало отца. Мирра не испугалась и не растерялась. Она даже знала, как действовать. Конечно, она расчи-

тывала, что Клава ее переживет, и Мирре своей судьбой распоряжаться не надо будет, но сложилось иначе. Что ж поделаешь...Она не пошла на кухню, ей не хотелось видеть Клаву мертвой. Она вытащила здесь же в передней листок бумаги из ридикюля, один из последних ее именных профессорских бланков, болтавшимся рядом с телефоном карандашом для записи звонков написала: "Всё – младшему научному сотруднику Дмитрию Андреевичу Ковалевскому" и отперла входную дверь. Потом укуталась опять в пальто, села поглубже на калошницу и высыпала в рот порошок из медальона, с которым не расставалась с тридцать шестого года.

Вячеслав Харченко

Алушта

Вячеслав Харченко – поэт, прозаик. Родился в 1971 года в поселке Холмском Абинского района Краснодарского края, детство и юность провел в г. Петропавловске-Камчатском, закончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. Начал публиковаться с 1999 года. Стихи и проза печатались в журналах «Новый мир», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Волга», «Зинзивер» др. Автор десяти книг прозы и стихов. Лауреат Волошинской литературного конкурса (2007) и премии журнала Зинзивер». Рассказы неоднократно входили в короткие и длинные списки различных литературных премий («Национальный бестселлер», «Ясная Поляна», «Большая книга», премия имени Фазыля Искандера и др.) и переводились на немецкий, китайский, английский и турецкие языки. Живет в городе Алушта.

Сухой закон

В санатории у меня сухой закон. Сухой закон на целые 22 дня, но в санаторский магазинчик завезли копченую кету. Я не ел её 25 лет с момента моего последнего прилёта на Камчатку. В Южном городе продают соленую форель и сёмгу, а вот копчёной кеты я никогда не видел.

Я встал возле витрины и долго рассматривал кету.

– Это же кета, – восторженно спросил я продавщицу.

– Да, лосось, – ответила не понимающая торжественности момента продавщица.

– Нет, нет, это кета.

Продавщица пожала плечами.

Кету надо есть с холодным жигулевским пивом, не надо портить вкус кеты немецким или бельгийским пивом. Только свежее заводское русское жигулевское пиво тонко и чувственно оттеняет вкус камчатской

копчёной кеты. В крайнем случае можно есть копченую кету с бутылочным тверским пивом Венское. Бутылочное тверское Венское как раз стояло в холодильнике санаторского магазинчика.

– А Венское у вас по чем? – спросил я.

– 100 рублей.

– Что-то очень дорого.

– Сезон.

В итоге я совершил дурной поступок. Купил кеты и казахской кока-колы. Не делайте, не делайте так ребятки. Это очень очень дурной поступок.

Секреты

Самое главное в санатории – это хранить секреты. Например, я знаю, что Лидия Петровна приходит на работу в 7-55, за час до официального приёма. Если хорошо относиться к Лидии Петровне, то магнитотерапию можно пройти в 8-00, а не в 12-45. Ещё я знаю, что сухие ванны принимают в любое время, поэтому их можно пройти в 9-00, а не в 16-30, как написано в расписании приёма процедур. Ну а самое сакральное знание – это курилка. Курилка одна и находится за территорией санатория. Туда идти замучишься, но я знаю скамейку в рощице, где нет видеокамер и знаю расписание обхода территории охраной. Но все это надо хранить в тайне. Ибо. Потому что.

Сегодня пришёл в рощу тайно курить, а там старушка сидит и дымит. Сел рядом.

Старушка подымила и спрашивает:

– Откуда знаете?

– Я пятый раз в санатории, – отвечаю.

– А я одиннадцатый, – понимающе кивнула старушка.

День рождения

В день рождения я получил от санатория приглашение на концерт. Идти не хотелось, но мне пообещали подарок, поэтому я и пошёл. Толпа я не люблю, а там была толпа. Все первые, вторые и десятые ряды открытой площадки были заняты, но я нашёл под кустом лежак и лёг на него. Сцены не было видно, но было слышно. Тем более далеко от толпы.

Артисты пели, танцоры танцевали, музыканты играли. В конце концов ведущий остановил концерт и сказал:

– А теперь поздравим наших именинников.

Зал захолопал.

– Громче, – сказал ведущий.

Зал громко захолопал.

– А теперь мы будем вызывать наших именинников.

Именинников стали вызывать на сцену, давать подарки и хлопать.

Вызвали и меня. Я не хотел идти на сцену (боюсь сцены), но за подарком вышел, встал с лежака и из кустов вышел на сцену.

Мне дали пакет и спросили:

– Кем работаете, Вячеслав Анатольевич.

– Тружусь, – ответил я.

– Хорошо трудитесь.

– Отлично тружусь, – ответил я.

– Любите наш санаторий?

– А то, – произнес я.

– Похлопаем Вячеславу Анатольевичу.

Все плохлопали.

– Спасибо, – сказал я и пошёл обратно в кусты на свой лежак, но лежак в кустах был занят каким-то старичком с палочкой.

Я посмотрел в пакет. Там была открытка.

Я снова посмотрел в пакет. Там опять же лежала та же открытка. Потом я посмотрел на лежак со старичком и подумал:

"Не верь, Слава, в дни рождения. Подарят открытку, а лишат лежака".

– Хорошо поют, – вдруг произнес старичок.

– Артисты, – сказал я, достал открытку и прочитал её.

Мне желали счастья. Что может быть лучше счастья.

Скамейка

В санатории сломалась скамейка-качалка на цепях. Отлетела спинка. Два дня валялась, а потом подошёл мужичок-отдыхающий и без молотка починил.

Идёт администратор, что ли, и спрашивает мужичка:

– Ты откуда?

– С Норильска.

– И что там делаешь?

– На заводе работаю.

– Надолго к нам?

– На две недели.

– А навсегда хочешь? Комнату дам, еда бесплатная, зарплата приличная.

И вот видно как на лице мужика происходит невидимая борьба. Он может это море первый и единственный раз в жизни видит, по заводской путевке приехал, у него в Норильске снег лежит девять месяцев в году и мороз –40, он может инжир впервые в жизни попробовал день назад.

– А жену и детей можно, – спрашивает мужичок.

– Да можно, – чешет затылок администратор.

Мужичок оборачивается и смотрит на море. Колеблющаяся полоска воды сливается с небом. Тётки сидят в шезлонгах. Бегают два щенка. На пирсе спасатели таскают луфаря. И вот мужичок стоит, смотрит и вдруг оборачивается к администратору и говорит:

– Этого не может быть.

– Что не может быть, – спрашивает ошалевший администратор.

– Этого, – и обводит рукой пространство. Потом немного думает и добавляет:

– Нет, я к братанам на завод.

Табло

Соседский Лехин котёнок залез ко мне во двор. Моему коту хоть бы хны, а я стал ловить котёнка. Он маленький, шустрый. Думал беру под передние лапы, а случайно дёрнул за хвост. Котёнок заверещал.

"Вот", – думаю, – "сейчас придёт Леха и даст в табло".

И точно, бежит Леха.

– Котёнка твоего кот мой покусал, – говорю.

А кот мой так странно на меня смотрит.

– Это хорошо, – отвечает Леха, – может теперь перестанет к тебе лазить, – и берет осторожно котёнка из моих рук.

– Сильно покусал? – спрашивает.

А кот мой странно смотрит.

– Несильно, – отвечаю, – так, больше испугал.

– А что он так громко верещал?

- От испуга, – отвечаю.
 - Ну ладно, – сказал Леха и унес котёнка.
- А кот мой так странно на меня смотрит.

Бокалы

У Нюты день рождения. В принципе у Нюты все есть. Дом в Москве, дом и участок в Крыму, поэтому единственно, что можно предложить Нюте – это хорошо обмыть все это богатство. Поэтому я купил две бутылки итальянского шампанского. Вот откроет Нюта шампанское и сразу ей полегчает в окружении крымских вишен, черешен, персиков и айвы. Но тут я вспомнил, что у Нюты в доме в Крыму нет фужеров. Дом новый, только построенный, поэтому фужеров и нет. Я зашел в магазин «Подарки» и встал у полок с фужерами. Хрустальные, стеклянные, дорогие, дешевые и средние. Я купил средние. Южная говорливая продавщица сняла их с полки и сказала:

- Сейчас коробку принесут и запакуем.

Я стоял у витрины и смотрел на улицу. Ехали машины и троллейбусы, жарко жарило южное солнце.

- Может вам еще и белье?
- Какое белье, – спросил я
- Постельное.
- Зачем?

– Ну как. Вы же на день рождение берете, выпьете шампанское, застелите белье и того...

- Чего того?
- Того.

Вообще-то наши отношения с Нютой скорее дружеские, чем того.

Коробку всё не несли.

Повисло неудобное молчание.

- А может вам еще к фужерам полотенце?
- Зачем, – спросил я.

– Ну как. Принесете вы в подарок фужеры, а их надо вымыть перед шампанским, а если вымыли, то и протереть.

Я медленно посмотрел на продавщицу, сглотнул и произнес:

- Нет, не надо.
- Тогда штопор!

Коробку не несли.

– Зачем, шампанское открывают без штопора.

Из подсобки раздался глухой голос напарницы:

– Анджела, нет коробки.

– Как нет коробки?

– Нету и все.

– Может вам тогда пистолет, – спросила Анджела.

Я задумался. В принципе я уже давно хотел убить продавщицу и пистолет мне, конечно, был нужен.

– Газовый, зажигалка.

– Нет зажигалка не нужна.

В конце концов из подсобки появилась напарница.

Она несла огромную коробку из-под вина «Солнечная долина. Мерло».

Она подошла к кассе и поставила коробку из-под вина на прилавок.

– Вот, только эту нашла, – сказала она Анджеле

– Подойдет, – спросила меня Анджела, – мы фужеры обернем и болтаться не будут, и бантик розовый сделаем.

Я представил, как я дарю Нюте четыре фужера и две бутылки итальянского шампанского в коробке из-под крымского вина с розовым бантиком.

– Мы еще пакетик вам подберем, – произнесла напарница.

– Нет, так дело не пойдет, – ответил я.

– Нашла, нашла, – раздался еще один голос из подсобки.

Еще одна напарница вынесла мне настоящую красивую коробку из-под фужеров.

Над вынесенной коробкой склонились я, Анджела и две напарницы.

«Теперь Нюта будет рада», – подумал я.

Фужеры запаковали, а когда я уже выходил из магазина Анджела закричала мне в спину:

– А бантик, а бантик.

Но бантик я делать не стал. Розовый бантик – это чересчур.

Я тебя не слышу

– Слава, ты здесь?

Это сосед Леха, у нас двухметровый забор. Когда мы курим, мы не

видим друг друга.

– Нет, – отвечаю я. Когда Леха выпьет я не люблю с ним разговаривать потому что это бесконечный выматывающий монолог.

– Плохо, Слава, что тебя здесь нет, а то бы я с тобой поговорил, – продолжает через забор Леха.

– Плохо, да.

– Вчера мне снилось, – продолжает Леха, – что я бабочка, парю над цветами и пью сладкий нектар и мне все казалось, что ничего в этом мире не имеет значения. Ты меня слышишь?

– Нет, – отвечаю я.

– Не имеет значения ничего, ни я, ни мои дети, ни моя жена, и ты Слава не имеешь значения.

– Я тебя не слышу.

– Ну так вот. Всё пыль, нектар пыль, бытиё пыль, ох Слава, как жаль, что ты меня не слышишь, я вот только в этом сне и понял, как мало я сделал, мне сорок восемь лет, а я пыль, я бабочка, я пью нектар.

– Пиво ты пьёшь по пятницам.

– Как жаль, что ты Слава меня не слышишь, потому что, Слава, только во сне и понимаешь для чего мир, для чего я, как жаль что ты меня через забор не слышишь.

Я докурил. Говорю коту: "Кис-кис". Надо идти в дом, начинается футбол.

– Не уходи, Слава, хоть ты меня и не слышишь, – говорит сосед Леха.

– Я тебя не слышу, – говорю я соседу

и иду с котом в дом.

Блогер

– Дядя Слава, а ты блогер?

Племяннику 8 лет, а дяде Славе 53. Дядя Слава не любит, когда его в 53 года называют блогером.

– Нуууууууу, – тяну я.

– А подписчиков у тебя много, – продолжает племянник.

– Нууууу с френдами тысяч 5, – гордо говорю я.

– Немного, – хмыкает племянник.

– А с чего вопрос, – спрашиваю я племянника.

Племянник задумался.

– Вот, – говорит, – или блогером хочу стать или факиром. Думаю факиром.

– Кем-кем, – спрашиваю я.

– Факиром.

– Может лучше блогером.

– Нет, факиром.

Шкара.

В поезде Москва – Южный город я ехал долго и читал Куприна, который был выложен в электронной сети поезда. В своих рассказах он чудесно и вдохновенно описывал суровую, но радостную и героическую жизнь рыбаков Керчи и Феодосии. Рыбаки ловили кефаль и ставриду, рыбаки боролись со штормами, рыбаки жарили и коптили рыбу, а также делали из неё шкару. Шкара была шикарная, рыбаки ею объедались и пели грустные и веселые песни. Эта шкара очень заинтересовала меня.

Когда я приехал на поезде в Южный город, то полез в интернет и стал искать рецепт шкары. Оказывается, её делают из мелкой рыбешки, выкладывают слой за слоем в казанок, каждый слой перемежают луком и сладкими крымскими помидорами, а потом тушат на костре.

Мне до дрожи захотелось шкары. В субботу утром я пошёл на рынок за рыбой. Я искал мелкую рыбу: ставриду или кефаль (у Куприна шкару делали из ставриды и кефали), но на прилавках лежал только огромный трехкилограммовый азовский пеленгас.

– А из него шкару делают, – спросил я у торговки.

По взгляду торговки я увидел, что она поняла, что перед ней идиот.

Ни мало не смутившись она быстро ответила:

– Делают.

– Так вроде мелкая рыбка нужна, – с недоверием спросил я.

– Не-не и пеленгас можно.

Я подумал и купил трехкилограммового пеленгаса и поехал с ним к тете в Алушту.

Тётя обрадовалась рыбе и сказала:

– Ура, мы будем жарить пеленгаса.

– Нет, – воскликнул я, – мы будем делать шкару, как у Куприна.

– Что за шкара? – спросила тётя.

– Пальчики оближешь.

- Ты хоть раньше делал.
- Делал и не раз, – соврал я.

Я почистил пеленгаса и нарезал его стейками и положил слоями в казан. Каждый слой я обложил ялтинским сладким луком и красными крымскими помидорами. Потом подумал и ещё обложил, и ещё добавил помидор и все это богатство вместо костра поставил на газ, на медленный огонь тушиться.

Через десять минут ничего не произошло. Через 20 тоже. Помидоры не таяли, лук не давал воду, пеленгас был сырым. Я прибавил огонь. Буквально через пару минут все превратилось в жижу, а жижа потекла через край из-под крышки на плиту и залила газ. Я вытер плиту и снова включил газ. Жижа забулькала и снова залила газ. Я опять включил газ и стал опять ждать, но сколько ждать я не знал, поэтому тушил ещё полчаса. В конце концов тётя пожалела меня и сняла жижу с огня.

Мы позвали всех родственников и разложили жижу по тарелкам.

Все недоверчиво смотрели на жижу.

– Это знаменитая купринская шкара, – сказал я.

Родственники не спешили есть жижу.

– Чья, чья, – спросил дядя.

– Купринская, – повторил я.

Все стали осторожно есть.

Я тоже с трудом ел и нахваливал жижу.

В конце концов восьмилетний племянник вдруг воскликнул:

– Я не буду это есть.

– Почему, – грозно спросил дядя, давясь жижей.

– Это не шкара, а жижа какая-то.

– Ешь, она вкусная, – сказал я.

– Не буду, – воскликнул племянник и ушёл из-за стола.

За ним из-за стола потянулись все остальные родственники.

Оставшуюся купринскую шкару я доедал в одиночестве до глубокой ночи.

На следующий день в центре Южного города я встретил Костю.

– Как дела, – спросил Костя.

– Шкару делал, – ответил я.

– Оооо, ты стал настоящим южанином, ставрида, хамса, тюлька, кефаль, шкара.

– Да, – отвечаю, – как у Куприна.

- На рыбалку пойдёшь, – спросил Костя.
- Как-нибудь в другой раз, – ответил я.
- Мы наловим ставриды и сделаем на берегу шкару, как у Куприна!
- Нет, нет, спасибо, да и времени совсем нет.

Барсик

- Ну что Барсик, твоя работа?
- Чего молчишь, Барсик, чего морду отводишь?
- Посреди двора сидит серый кот.
- Рядом стоят две женщины преклонного возраста. По двору бегают два двухмесячных котёнка.
- Его, его, – говорит одна женщина.
- Что же мы теперь с ними будем делать, он так всех подвальных кошек обрюхатит.
- Может его кастрировать, Люда?
- Барсик впервые за все время разговора выражает какое-то внимание. Мне кажется Барсику разговор не нравится, разговор явно пошёл не туда.
- Люда думает, вздыхает.
- Жалко его, Нин.
- Барсик понимающе кивает головой. Один котенок залез на козырёк подъезда и громко пищит.
- Как он туда залез, Люд?
- Шут его знает.
- Сгоняют котёнка с козырька.
- Может подвал заварить, Нин?
- А зима? Зимой померзнут.
- Барсик невозмутимо молчит. По двору бегают два котёнка.

Пес

Вчера был на даче у друзей. Там был большой пёс. Сначала я его боялся, но потом накормил сыром, и мы играли весь день. Когда я вернулся домой и открыл дверь, то к моим ногам выбежал мой кот, но не добежав примерно метра, он вдруг неожиданно затормозил. Я не буду говорить, что кот выгнул спину, не выгнул, но стал как-то отчаянно обнюхивать пространство. Он явно что-то уловил в воздухе. Он не мог понять откуда идёт этот странный запах. Потом кот стал медленно приближаться

ко мне и ещё более отчаянно нюхать воздух. И вот я вдруг увидел, что кот учуял, что запах идёт от меня. И это был запах псины. Кот сел возле моих ног и то ли завыл то ли заворчал, а потом развернулся и, даже не потеревшись о мои ноги, пошёл в дом. Я медленно двинулся за ним. Положил кошачий корм. Кот не ел. Попытался погладить – кот зашипел. Пошёл в душ и мылся полтора часа, но даже после этого кот со мной спать не стал, а лёг отдельно на кушетке. Ночью я проснулся от необычного присутствия. Кто-то из темноты смотрел на меня. Приглядевшись я понял, что это мой кот. Он смотрел не мигая и укоризненно. Мне стало страшно. Кот ещё посидел и молча ушёл. Оставшееся время я не мог заснуть. В конце концов я встал и вышел на улицу покурить. Висела луна. На луну выли собаки. Неожиданно кто-то потерся о мои ноги. Это был мой кот. Какое-то время мы стояли на крыльце и слушали вой собак. Кот как бы говорил мне: "И вот на них ты меня променял". А потом мы пошли спать. И кот лёг мне под бок.

Вадим Месяц

Москва

Вадим Месяц (р.1964). Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта "Русский Гулливер". Творчество отмечено рядом международных премий, стихи и проза переведены на многие языки.

ВЛЮБЛЕННЫЕ БАБКИ

1. НАЗАРОВНА

Окрестности моей души в ту пору заселили бабки. Как птицы на ветке. Как пятна на солнце. Напасть длилась примерно полгода, но сначала ничего не предвещало их появления. Я интересовался женщинами от 30 до 40 лет, они отвечали взаимностью. Назовем это нормальным ходом событий. На ровесниц я более не покушался. Мои одноклассницы стали бабками и тетками — кроме Мэри и Натальи N, потому что обе вышли замуж за иностранцев и академиков. Остальные канули в воспоминания, превратившись в эротические галлюцинации прошлого. И тут бабки. Строем, победным маршем, будто сговорились.

Первая зашла ко мне в спальню, где я возлежал в трусах. Я вздрогнул всем телом, и потянулся за брюками.

— Этого не надо. Вам идет.

— Чего не надо?

— Надевать штаны. У вас красивые ноги.

Я снимал у нее дом в районном центре Беларуси, куда приехал для встречи с детьми. После комплиментов, подумал, что она может сделать мне скидку за аренду дома. Цена на сайте была выставлена в местных рублях, я расплачивался российскими. Она с интересом рассматривала меня, производя расчеты. Ей нужно было привязать цену дома к долла-

ру, курс его плавал, она хотела выиграть на этом.

— Я буду платить так, как написано у вас в объявлении, — сказал я острожно.

В молодости она была красавицей: чернобровая казачка, властная, горбоногая. Такие любят не только командовать, но и подчиняться. И все бы хорошо, но низ ее был для меня неподъемен. Мода времен неолита. Женщина привыкла к вниманию мужчин, но еще не поняла, что исчерпала кредит их доверия. Поинтересовалась, сколько мне лет. Услышав ответ, назвала цену за проживание. Цена была чрезмерно завышена, но дама, как я понимал, была готова ее уменьшить.

— Пятьдесят пять лет — и холостой. Непорядок. — Подтвердила она мои предположения.

Я отсчитал ей названную сумму, надел джинсы и поехал к друзьям на уху. В середине застолья Анна Назаровна позвонила.

— Я приготовила вам ужин, — сказала она. — Заждалась.

Я объяснил, что меня уже покормили другие люди.

— Кто? — спросила она с возмущением.

— Один бизнесмен, чье имя я не хочу называть всеу.

Ночью я съехал. Назаровны не боялся, даже радовался знакомству, но хотел избежать пробок на трассе. После попадания в Кремль вражеских дронов, контроль на границе с Беларусью усилился. Прямой связи с налетом уловить я не мог, но у властей своя логика. В Союзное государство я въехал по буеракам через какие-то деревни, миновав КПП на Минке. Назад хотелось долететь с ветерком. Дети уснули. Я вдавил педаль.

Всю дорогу Анна Назаровна писала мне сообщения в вайбере. Я видел их в смартфоне, который использовал как навигатор. Вайбера не открывал, но по началам фраз понимал, что речь шла о чувствах. Впервые тормознулся на заправке в Московской области. Бака хватило на 800 км. 800 километров старушечьей страсти. Она стерла все, что писала, именно тогда, когда я собрался прочитать ее откровения. Расстроился. Я мог узнать много нового о загадках женской души. Дети проснулись, сходили в туалет и за мороженым. Я удрученно смотрел на опустошенный экран телефона. Женщина очаровала меня, и тут же бросила. Я в полете. Немного подумав, я написал ей «I'm not getting older, I'm getting better». Не думаю, что она поняла меня. Главное, что ее понял я. Я приезжал в этот дом еще несколько раз. Назаровна по моей просьбе поставила душевую кабину на первом этаже, и баню для нас топила теперь бес-

платно. Но любовь навсегда ушла. Такие чувства надо беречь — никогда не мог научиться этому. Что имеем не храним, потерявши — плачем.

2. ЧУНГА-ЧАНГА

Она была первой ласточкой старушечьего гарема. Крупная бомжиха в ватной засаленной одежде, она паслась возле круглосуточного магазина, собирая у народа мелочь на пиво. Денег я ей никогда не давал и этим заслужил ее уважение. В день знакомства я сидел в кафе на Никитском. Писал статью для друга. Тема была знакомой. Написал быстро. Закурил, осмотрелся, увидел бабуся за чашкой кофе и круассаном. Накопила денег, подумал я. Шикует. Она прихлебывала кофе и что-то шептала, разговаривая сама с собой. Она делала это и раньше, но я не обращал на это внимания. Сейчас прислушался.

— У бразильцев джага-джага. А у нас — чунга-чанга, — говорила она, дивясь своему прозрению. — У бразильцев лучше. Нет, у нас лучше. Намного лучше, — уверяла она себя.

Было видно, что эта мысль занимала ее давно. Я внутренне подготовился к разговору. Выражение «джага-джага» я слышал в песне Кати Лель «Мой мармеладный». Философ Дугин назвал это произведение днищем постмодернистского падения. Мне наоборот понравилось работа автора со словом. «Попробуй «муа-муа», попробуй «джага-джага», попробуй «у-у». Мне это надо-надо». Для кого-то это набор слов. Для меня, несведущего в модном жаргоне — руководство к действию. Певица пела о том, что хочет трахаться. Я видел сексшопы с таким названием. Эта мысль пришла в голову не мне одному. Чунга-чанга — из другой оперы. Это счастливый остров, полный веселых негритят, куда приплывают дружелюбные советские дети. Этимология слова мне неизвестна, но «Чунга-чанга» — хорошее слово для веселой и отзывчивой женщины.

Бомжихе нравилось произносить эту абракадабру как заклинание. Она долго вертела эти два выражения на языке, и удовлетворенно хмыкала. На следующий день я увидел ее у дверей продуктового за попрошайничеством. Я вновь проигнорировал ее, но выходя из магазина сказал:

— Джага-джага.

— Чунга-чанга, — радостно отвечала она.

И наши глаза были полны любви и взаимопонимания.

3. ИБРАГИМОВНА И РОМАНОВНА

Они жили со мной в одном дворе, и действовали как сообщающиеся сосуды. Если появлялась одна, то другая исчезала, но при этом отбрасывала тень. Это надо уметь. Уйти, но сохранить иллюзию своего присутствия.

Римма Романовна передвигалась по двору, заставленному автомобилями, на костылях. Несмотря на удручающее положение, в глазах ее сияли гордость и высокомерие. Я въехал на территорию, потыкался по двору в поисках парковки и вернулся к воротам. Остановился, ожидая пока старушка освободит пространство для моего внедорожника. Когда она доковыляла до будки охранника, я поставил машину на парковку, обозначенную белыми линиями. Вылез наружу, направляясь домой.

— Тут нельзя ставить машину, — услышал я гневный окрик.

— Почему?

— Она мешает мне гулять.

Дружеский мне охранник сделал глаза, как бы извиняясь за бабку. В этот момент со двора выскочил чей-то белый «Мерс», и я молниеносно перегнал машину на его место. Подошел к скандалистке. Она тем временем обсуждала мое поведение с чоповцем.

— С вами невозможно поссориться, — укоризненно сказала толстуха. — Римма Романовна, — сказала она и протянула руку для поцелуя.

Я поцеловал тыльную часть ее кисти, заметив большой изумрудный перстень на среднем пальце.

— Вы хотите со мной поссориться? — спросил я.

— Уже не хочу, — великодушно отозвалась женщина.

С Ибрагимовной мы шли в «Пятерочку» с одинаковой скоростью. Она была стара, а я пьян. В подобных состояниях не надо торопиться, учил меня горький опыт. Мы зашли в магазин и оказались в хлебном отделе.

— Этот хлеб не бери, — сказала она безапелляционно, — полное говно. — Бери сдобу.

Похоже, что направляясь сюда, она уже разговаривала со мной в своих мыслях, но тут монолог вырвался наружу. Я поблагодарил ее за рекомендацию и взял именно тот хлеб, к которому она имела претензии. То же самое произошло и с другими продуктами. Бабка не замечала моего игнора, а просто считала необходимым выдать рекомендацию. Я

взял бутылку водки и два пластиковых стаканчика, на что она никак не отреагировала. Добравшись до подъезда, мы плюхнулись на лавку и разговорились. Многое объединяло нас. Молодость на Востоке страны. Интерес к «маленьким асфальтовым южным городкам». Ибрагимовна была явно кавказского происхождения (по виду Дама пик из пьесы Пушкина), но родом из Норильска. У нас интересная страна. Любит перемещать людей, чтобы те не засиживались на одном месте. Все ее мужья ранее были крупными военачальниками и золотопромышленниками. Поумирали, оставив наследство. И вот она теперь одинокая такая на центральной улице Сочи. Я предложил ей выпить, но она лишь пригубила глоток-другой.

— Норникель? — переспросила она. — Длинный такой. Как циркуль. Организовал политическую партию с Аллой Пугачевой. Но ее тут же прикрыли.

— Я дружил с его сестрой. С ним тоже пересекался, — спяну хватался я, но она не слушала. — У меня отец вместе с ним делал водородный вечный двигатель.

— Сделали? — засомневалась она.

— Ну а как же. Отчитались перед Путиным, все чин-чинарем.

Мы становились все ближе. Решили ходить друг другу в гости. Я собрался написать биографию Ибрагимовны и прославиться. Водка подходила к концу и она, наконец, обратилась к самому главному. У нее было хорошее чутье на паузы, позы, действия, мизансцены.

— Купишь у меня гараж? — спросила она и глаза ее загорелись бесноватым блеском. — Вот он. Перед тобой стоит.

Перед нами действительно стояло несколько железных коробок, покрытых ржавчиной. По слухам, машины в здешнем климате ржавели даже в помещениях. Плесень проникала сквозь щели, поражала обивку сидений, ремни безопасности, руль. Тратить денег мне не хотелось. Я проводил Ибрагимовну до ее подъезда и пошел домой. На следующий день мы с товарищем улетали в Москву. Ранним утром в доме раздался настойчивый звонок. Я долго не мог дойти до телефона.

— Когда выйдешь-то? — хохотал в трубке энергичский старушечий голос. — Заждалась.

Я предупредил друга, что нас ждет незабываемая встреча. Рассказал про вчерашнее знакомство в «Пятерочке» Встреча состоялась, но вовсе

не с Ибрагимовной. На лавке сидела пьяная Римма Романовна, раскидав костыли по сторонам.

— Заждалась, касатики, — рассмеялась она, сверкая стальными коронками. — Погуляем?

Пока мы ехали в аэропорт, она позвонила еще раз, спрашивая как поживает Борька. Кто это такой, я не знал, но рассказал ей, что он женился и уехал в Липецк для поступления в аспирантуру. Пока Романовна перерывала информацию, положил трубку.

4. ЭПИЛОГ

Собственно все. Я разговорчивый человек. Могу часами говорить с кем угодно, и о чем угодно. Чем я привлек внимание пенсионерок, не знаю. Я подумал было, что тоже постарел, и бабки видят во мне своего, но молодая подруга сказала, что на старца я не похож — другая порода.

— Ты можешь назвать Карена Шахназарова старичком? — спросила она. — С тобой происходит тоже самое. Мужчина, умудренный опытом.

На комплименты я не падок. О женском одиночестве в старости догадываюсь. Об отчаянии, щедрости души, о неспособности взглянуть правде в глаза. По городу ходили твердозадые, губастые и уверенные в себе. Бессмысленно молодые и красивые. О чем бы я с ними говорил? Мои глаза искали морщин, удручения, ужаса. Что делать с человеком, который любит только себя? Такому человеку надо купить комплект нижнего белья, поцеловать в нужные места — и свалить. Я не верю в весну бессмертную. Мне нравится сезонность бытия. Восход — закат. Юность — старость. Я переместился в другой сезон. Здесь иные правила. В те годы умирала моя мать. Скорая приезжала несколько раз в неделю. Гипертонические кризы. Бабки видели тревогу в моих глазах, узнавали в них почерк бытия. Они всей своей компанией заменили мне на время мою матушку и, когда та пошла на поправку, неожиданно исчезли. Природа не терпит пустот, слышал я где-то. Это глупость. Природа преимущественно состоит из космического вакуума, в котором не распространяется даже звук голоса. Голос можно преобразовать в электромагнитные колебания, которые передаются практически в любой среде, но это не имеет к моей истории никакого отношения.

PS. С Романовной мне довелось встретиться на блошином рынке через полгода. В иной обстановке она выглядела иначе. Шляпка с белой

вуалью, сарафан, кружевные перчатки. Торговки докопались, что она спиздила у кого-то из них холщевую сумку с олимпийскими мишками. В сумке лежала какая-то траченная молью тюль. Коммерческий интерес представляла только сумка. Старухи одна за другой клялись, что видели этот шоппер на прилавке у торговки. Романовна в какой-то момент психанула, и швырнула им этих «олимпийских мишек» в рожу. Удалилась, покачиваясь на своих костылях.

— Она миллионерша, — шушкукались женщины. — У нее гостиница на Батумском шоссе.

Миллионерша, между тем, им изысканно отомстила. Отвязала большую лохматую собаку, привязанную к дереву около туалета. Псина легла посреди дороги и торговки к сортиру не подпускала. — Где мы срать то будем? — обижались женщины. У Романовны мозги работали хорошо — можно позавидовать. Горжусь этим знакомством!

ОХОТА НА ДИКИХ ЗЕБР

В Беларусь на день рождения дочери Дарьи я взял с собой тетю Любу. Что-то подсказывало мне, что одному туда соваться не стоит. Жена, после того, как я поймал ее на измене и рождении ребенка от другого дяди, смылась на свою историческую родину, забрала детей. Трое были от меня, четвертая — от лесничего национального парка Сергея Сергеевича Ярошевича. Подруга отца, связанная с юриспруденцией, уверила меня, что семья вернется. Я распустил уши, и отпустил их в Нарочь. У нас был дом в деревне Малая Сырмежь. Я строил его, чтоб иметь дачу на границе с Литвой. Думал писать там книжки и охотиться на кабанов. Теперь белорусский дом стал мятежным острогом моей супруги. Поймай я за руку другую, она бы устыдилась. Моя ушла в отказ и остервенение. Логика или совести в женских головах я не ищу — они обладают иными органами мышления и чувств — но настолько озлобиться может лишь человек, лишенный чувства самосохранения.

Священник, с которым я разговаривал после разоблачения, сказал, что в золотые времена христианства ее поступок приравнивался к убийству. Об идеальном христианстве я знал немного, но понимал, что переговорные позиции у жены слабые. Доказать, что рожать детей от своих приятелей при живом муже трудно. Надо изменить всю матрицу человеческой морали. Моралью я не интересуюсь, но это не значит, что ее нет.

Жена убила мою веру в любовь. Я со своими подругами детей не рожал. Предохранялся. Чтоб не увеличивать энтропию.

Оказалось, люди имеют другие соображения на этот счет. Эмансипация достигла небывалых высот. Теща сказала, что чем больше детей, тем лучше, и попросила подарить ей нашу квартиру в Пушкино.

— Ну какой ты писатель, — сказала она. — Тебя хвалят только твои собутыльники. Подари мне лучше квартиру. Моя мама была из Серпухова.

Сделать предложение, от которого трудно отказаться, она умела. Я выслушал ее, собрал сумку и уехал на машине во тьму и пургу. Молча и навсегда.

У супруги голова работала аналогичным образом, но уехать от нее навсегда я не мог — мечтал освободить детей из белорусского плена. Пока что купил подарков. Дашке — самокат и набор платьев, Варьке — набор платьев и бижутерии, Темке — лук со стрелами. Торт купил, много конфет, хамона, сосисок, морса, и палатку, чтоб детки в случае чего могли пожить во дворе.

Бывшая отреагировала характерно. Продовольствие приняла, но за стол не усадила. Использовала для этого аргумент “ты не предупредил о своем приезде”. Ну да, мы с Варварой две недели выбирали Дашке самокат, а о приезде я не предупредил.

Тете Любе повезло больше, ее она покормила. Я достал из машины термос с кофе и бутерброды, наслаждался трапезой самостоятельно. Московскую жратву супруга подвергла обструкции. Торт низкокалорийный, невкусный. Хамон в Беларуси делают лучше. Конфеты вредят здоровью. Морс надо делать из лесных ягод, которые соберешь сам. Антиреклама сработала. Дети ели картошку со свиной. Я не обижался. Мое дело — предложить.

Чтобы разрядить обстановку, я взялся рассказывать детям про зебру. Ведь лошадь как лошадь, разве что полосатая. Но человеку никак не помогает. Вы видели всадников на зебрах? Кареты с запряженной тройкой из зебр? Красиво. Весь мир бы изменился, войди зебра в него так же величественно как конь. Песни бы про нее сочиняли, сказки. Про черную полосу, и про белую. Про белую, и про черную.

Платья девочкам подошли, чему я не мог нарадоваться. Дашка надела голубое платье и гоняла на самокате по веранде туда-сюда. Варя примерила украшения — тоже хорошо. Когда привозишь много подарков,

какой-нибудь будет к месту. Палатку мы разбили на краю леса. Боялись, что ее растопчут кабаны или лоси. И те, и другие сюда иногда забредали.

— Пойдем охотиться на зебр, — сказал я сыну.

Мы взяли лук со стрелами, ножи. Я хотел взять на охоту пару собак Ярошевича — он устроил на территории просторный загон для них — но сын сказал, что собаки нас загрызут. Они были злые эти собаки, слушались только хозяина. Остальных считали дичью. Сережа специально натаскивал их на убийство. На чердаке над верандой лежало несколько окровавленных шкур енотов и барсуков — повторять их участь нам не хотелось.

— Почему ты дал ему лучшую кровать? — возмущалась жена, обращаясь к сыну Артему. — Перебьется на раскладушке.

— Потому, что он мой отец, — резонно отвечал мальчик.

Ночью мне захотелось попить воды и я спустился на первый этаж. Сергей к Ирине еще не переехал, одну из комнат бывшая отдала тете Любе. Не зря я ее позвал с собой — как в воду глядел.

Жена стояла на кухне и смотрела в раковину, куда стекала на гору посуды горячая вода. Она о чем-то думала. Увидев меня, резко обернулась:

— Зачем ты сюда приперся?

— Это мой дом. Мои дети. Вот и приперся.

— Это не твой дом. Ты этот дом не строил. Только финансировал.

— Тогда его нужно отдать Андрею Беперцу. Он его строил.

Она смерила меня ненавидящим взглядом, и я машинально заговорил про зебр. О чем еще говорить в такой ситуации?

— Зебра не подходит под одомашнивание по целому ряду факторов. Она даже не строптивая. Она — больная на всю голову, относительно привычных нам лошадей. Зебры живут в опасной африканской среде и постоянно сталкиваются с хищниками. — Я распаялся все больше. — Загнанная в угол зебра способна забить копытами льва. Зебры сбиваются в стада, но вожаков у них нет. Человек этим вожаком стать не может. К тому же, зебры не размножаются в неволе.

Мозг супруги медленно, но верно наполнялся яростью. Чем больше она свирепела, тем спокойнее становился я.

— Зебра почти не поддается дрессуре. Жалко, да?

Она продолжала смотреть на меня немигающими глазами.

— Как ты живешь-то?

— Я по-прежнему счастлив. — Я знал, что это сообщение она вос-

примет как самое страшное оскорбление.

Ирина взяла из корзины крупную картофелину, и прицельно шарахнула ей мне по лицу. Мне стало больно и смешно.

— Подарить тебе зебру? — спросил я сквозь нарастающий хохот.

Тетка поднялась с постели, услышав шум на кухне. Она появилась в тот момент, когда я поднимался по лестнице, а бывшая вцепилась своими клешнями в мою майку и трусы.

— Ну ка разошлись! — приказала тетка тоном спортивного рефери. — Что не поделили?

— Зебру, — хохотал я.

Бывшая порвала трусы «Армани» в клочья, до майки не дотянулась. Это не было сексуальным. Это было актом бессмысленного вандализма.

Утром она собралась с мыслями и изложила мне следующее.

— Чтоб тебя больше здесь не было. Сейчас придут два крепких белорусских парня и выбросят тебя вон. — Она имела в виду Сергея и его сына Александра. Я дружил с ними обоими. Сашку поведение папаши после смерти матери повергло в шок. Он старался здесь не появляться.

Сережа наоборот гордился, что у него появилась богатая московская невеста. Сравнительно молодая. Предательство по отношению к его умершей жене и лучшей подруги Ирины, инстинктивно не рассматривалось.

— Видишь, палатку во дворе, — сказал я. — Твои белорусские парни могут жить там. Разрешаю.

Супруга опять поперла на меня, но тетя Люба прикрикнула на нас обоих.

После сеанса общения я высыпал Сергею в ботинок горсть русской мелочи, и поехал в интернат №1 города Мяделя. Из своих источников я знал, что Ирина собирается осенью сбегать старших ребятишек туда. Заявление написал заранее, распечатал его на принтере. Объяснил ситуацию директору. Взял с него расписку о получении. Сказал, что разврату в Беларуси нет места. Тогда я еще не подозревал, что через какие-нибудь пять лет мальчишки из этого интерната будут носить мои футболки с блошиных рынков Лонг-Айленда и цитировать наизусть мои свободолюбивые рассказы.

**Юлия
Старцева**
Санкт-Петербург

Юлия СТАРЦЕВА родилась 17 ноября 1969 г. в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского госуниверситета (1994), затем Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных и электронных СМИ и издательствах.

Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа–2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни–95» (Красноярск–Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей, с 2025 года также член Союза писателей России. Лауреат нескольких литературных премий. Всероссийская литературная премия Фонда имени В. П. Астафьева и сибирская премия «Вдохновение» присуждены за роман «Время нереально». В 1998 г. роман выдвигался на соискание премии «Русский Букер» (вошел в длинный список). Лауреат Всероссийского конкурса документальной прозы «Поход по метам» (к столетию В. П. Астафьева) в номинации «Постскриптум» за эссе «Дядя Витя» (2024).

Живет в Петербурге.

Автор пяти книг: «Избранная проза» (США, 2013), «Двуликий сирин» (СПб, 2017), «Время нереально: Избранная проза» (Красноярск, 2019), «Двенадцать рассказов» (СПб, 2020), «Коль пойду в сады али в винограды» (СПб, 2023). Роман «Двуликий сирин» номинирован Союзом российских писателей в 2018 г. на соискание премий «Ясная Поляна» и «Большая книга».

Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Звезда», «Волшебная гора», «Новый берег» (Копенгаген, Дания), «Енисей», «Урал», «Витражи» (Мельбурн, Австралия), «Проза Сибири», «Соло» и мн. др. изданиях, выходили в литературных сборниках («Светлица», «Собачий вальс», «Полночное солнце», «Перовестник», «Нерассказанный сон», «Я научила женщин говорить...»

и др.), публиковались на электронных порталах («Квадрига Аполлона», «Процесс», «Византийский Ковчег», «Правчтение», «Камертон»).

Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык. Рассказ «*Seraphita e il povero cuore*» di *Julija Starceva* напечатан в международном ревью литературы «*Небепон*» (Турин, Италия, апрель–ноябрь 2014 г.)

О ТРЯПКАХ И ПОРТНИХАХ (ОТРЫВОК ИЗ «АНТИКВАРНОГО РОМАНА»)

Кот Учёный с пьяных глаз рассказывал, как в двадцать четыре года, аспирантом, в первый же званный вечер у будущей жены влюбился в гостью-чародейку и с нею тогда же ушёл ночевать в её мастерскую. Ведьмы не стареют – хотя Лита на девять лет старше его матушки была. «Лита не Лолита», ехидное замечание слушательницы.

Покойная Лита психоделические платья расписывала в 1980-х, но в менее кислотной, нежели у хиппушек Вудстока, гамме (серо-бело-сине-коричневой, не ярче). Приворотные платья шила, женщина надевала наряд, и мужчины воспламенялись к ней, как Генрих Валуа к Мари Клевской. Клиентками её были скрипачки и оперные дивы, это качественно улучшало билетные сборы на концерты классической музыки, все были довольны, и исполнительница, и антрепренеры из *не-прачечной*, и поклонники за кулисами.

«Расписывала с заклятиями на успешную защиту диссертации или триумфальные зарубежные гастролы скрипачки...» – нестиранное полотно, – на нём вместо простыни художница предавалась тантрическому сексу с юнцами, затем расписывала осквернённую ткань в технике батик масляными красками.

Так они шились, новые платья королев.

Дал посмотреть старый советский журнал. Хвалебные заметки о гастролях в Америке, чёрно-белые фотографии, «космос, энергетика, поэт Андрей Вознесенский»...

Семя, пот и слизь. Капли крови. И руны – масляной краской.

«Вавилон, Атлантида, Лемурия!»

В прозрачных светлых глазах козы или кошки почудилось зловещее, и Ю-ю хмуро отпихнула журнал.

«Она совсем неинтересная, а я был аспирант двадцати четырёх лет, едва закончил дипломную работу, и если бы нас не усадили рядом за столом, не обратил бы на неё внимания. А тут... Заметила только буду-

щая тёща, наябедничала: «А Володя с Литой вместе ушли...»

Вот, я её любил. Какая у неё была жопа! И всегда по телефону: «Ах, Володечка, вы же знаете – вас я всегда жду...» Она умерла от скоротечного рака в девяносто втором году, вот я жалею и стыжусь, что не навестил ни разу».

«Пьеса "Зойкина квартира"», съязвила Ю-ю.

Догадаться немудрено: добра в браке юному любовнику ведьма не желала. Несчастье с его единственным и не рождённым ребёнком подстроено именно модельершей-художницей, по совместительству колдуньей и нимфоманкой. Иначе и быть не могло. Ю-ю сообразила, поняла весь расклад мгновенно, женским чутьём, но сам герой-любовник так всей правды и не узнал. Зато она позже узнает подробности: невесте в подарок художница прислала странное светлое платье с абстрактным рисунком, все гости восхищались: такой эффектной новобрачная – для которой сей брак был четвёртым по счёту – казалась на свадьбе. И гром с ясного неба – краснуха, беременность пришлось прервать, и брак остался бездетным.

Князь Кошкин наказывал Ю-ю никогда не покупать и не носить простенькие дешёвые платья, которые носят все, основание: «потому что ты – не как все».

«Но я и так весь гардероб, летний, зимний и демисезон, у Катинной сестрицы, известной модельерши, заказывала – куда всем здешним татьянам парфёновым до моей тёзки Юли. Пошла мне белый смокинг – Бьянка Джаггер отдыхает. Брала она, конечно, дорого за шитьё».

«Вот жёлтое платье у тебя – просто супер, как из миланского бутика. Да и все твои платья – видна работа профессионального портного. Мне когда-то шили костюмы на заказ, чтобы вышли плечи широкие, прямая спина – так до сих пор портные обрывают домашний телефон», тоном знатока замечал друг, не без вздоха сожаления о прошлом.

Да, её наряды шила искуснейшая мастерица во всём Петербурге, по счастливому знакомству – кузина близкой подруги. Ткани и фурнитуру Ю-ю выбирала в Доме мод на Петроградской, или там же – в «Тиссуре», или в «Итальянских тканях» на Сенной. А в «Газпроме» работала инженером мать молодой портнихи, и мешками носила оттуда заказы: барахло из бутиков Лондона, Парижа и Милана, кому укоротить брюки «от кутюр», кому расшить узкие места, а кому серые нитки в швах, по всему модному плащу, непременно заменить на серебряную канитель.

Модельерша Юля обитала в старинном доме, где на стертых плитах

парадного еще синим и алым прорисованы лучи Вифлеемской звезды – древнего оберега, выбитые витражи давно слепы, а лепное жерло камина наглухо зашито досками и покрашено масляной краской под цвет стен. Так удобно было: редакция «Звезды» на Моховой совсем рядом.

Она лепетала райским ручьем, портняжные булавки во рту совсем не мешали жизнерадостной болтовне, и припадала на колено, как паж, и смотрела зорко, как художник, и внезапно колола булавкой, как ведьма.

«Я сейчас заусенцы обрежу – уж очень нежный шёлк, как бы затяжек не сделать... Что ж, пустить прямо до полу, как Вы любите, или всё же укоротить сантиметров на пять? Да вот не всё же мне «Газпром» обшивать или вот вас, а бывает, приходят бедные заказчицы, так я их жалею. Все эти учительницы, да.

А какая вышла удача вчера, вы не поверите! Я полночи распарывала итальянские льняные юбочки, двенадцать штук, по швам, аккуратненько так... Тут в бутике «Стокманн» залило всё, прорвало отопление, так одной моей многодетной и бедной заказчице через социальную службу отдали прямо грязным вонючим узлом двенадцать юбок – даром, а они такие были дорогие, по восемнадцать евро каждая, но на девчонок, конечно, рассчитаны, так она мне их принесла, а я их «Фейри» залила в тазу, – у меня финский «Фейри», он лучше нашего, – и всё отошло, и уже не пахнет, а такой славный итальянский лён, качество хорошее, плотный такой, цвет брусничный... Утюгом отпарила... И вот я ей из этих кусочков сшила длиннейшую юбку-годе, вышло так аккуратно, она совершенно счастлива!

Заказчица такая милая, чудесная, лицо как у финской куклы фарфоровой, и всегда столько позитива от нее, но, конечно, ей до полу надо шить – ей было восемнадцать лет, и ногу трамваем отрезало, так у нее протез.

Но всё у нее хорошо, и муж есть, она на двух работах успевает работать, и инвалидность еще, но ведь она четырех детей родила, и все – девчонки, вы подумайте! Очень бедно живут.

А муж? А что – муж? Мужчины всегда так пасуют перед трудностями, теряются, вот и он нигде не работает, всё в компьютерные игрушки играет... днём и ночью... выпивает, конечно. Она так рада была обнове, так благодарила, я с нее почти ничего не взяла. Зато как хорошо! У нас в Питере мало солнца».

А потом модельерша Юлия, говорливая тёзка, уехала в Торжок с новым мужем (немая фильма «Закройщик из Торжка», шутила Ю-ю, скрывая огорчение), и шить стало некому.

Сергей Москвитин

Новосибирск

Родился 4 февраля 1967 года. Работал журналистом, руководил литературным объединением. Малая родина – Якутия, город Ленск.

Член Союза журналистов с 1999 года.

Член Союза писателей России с 2006 года.

Произведения Сергея Москвитина публиковались в журналах «Родная Ладога» (Санкт-Петербург); «ЛИterra» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирский Парнас» (Новосибирск), «Енисейка» (Красноярск); «Причал» (Ярославль), «Союз писателей» (Новокузнецк), «Приокские зори» (Тула), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Пять стихий» (Донецк), «Изобразительное искусство Сибири, Урала и Дальнего Востока» (Красноярск), «Белая скала» (Крым), «Нёман» (Минск, Беларусь); в альманахах «Образ» (Москва), «Земляки» (Нижний Новгород); в газетах «Литературный Крым», «Литературная газета» (Москва), «Литературная Россия» (Москва).

Лауреат I Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого 2006 года. Лауреат литературной премии главы республики Саха (Якутия) имени Николая Мординова 2016 года. Победитель Международного конкурса сказок, организованного Литературным институтом имени А. М. Горького 2021 года. Дипломант международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2021 года.

Заслуженный работник культуры Якутии.

Автор 29 книг (поэзия, краеведение, публицистика, литературоведение).

С 2021 года живёт в Новосибирске.

ПОСЛЕДНИЙ СЕЗОН

Рассказ

Охота не удалась: за месяц пребывания в тайге не получилось добыть ни одного соболя. И старик решил: этот сезон — последний в его охотничьей карьере.

Сезон был сорок пятым. Пора и остановиться. Здоровье уже далеко не то, что было в молодости. Что поделаешь — возраст. Борода, усы, остатки шевелюры давно побелели, словно кто-то их аккуратно выкрасил известью. Сильно сдали глаза: один не видел совсем, второй — лишь в узком конусе. А по бокам — белёсая мгла.

Старик был среднего роста, худощавым. Благообразное лицо свидетельствовало о том, что в молодости он был красив.

Охотничьи владения Александра Тетерина располагались на правом берегу Лены, у речки Кантайки, в двадцати пяти километрах от города Ленска. Обычно он добирался с родственником до села Мурья на моторке, переезжал с ним на правый берег, а дальше самостоятельно преодолевал заросшую лесом сопку, тянущуюся вдоль правого берега длинным многокилометровым хребтом, и выходил к зимовью. Избушка стояла между хребтом и берегом Кантайки.

Раньше он всегда возвращался домой к празднику 7 ноября: река Лена редко не вставала к этому сроку, но с годами климат в Якутии стал теплее, и ледовая переправа наступала с каждым годом позднее и позднее, упорно сдвигаясь к середине ноября, к крепким морозам.

В его последний сезон основательно подморозило лишь к 22 ноября, а до этого всё валил и валил снег. Александр Данилович дал реке два дня для налаживания переправы, заранее навёл порядок в зимовье, натаскал дров, приготовил растопку для печи, в последний раз напился горячего чая и рано утром двинулся в путь.

Тайга встретила его трескучим морозом. Всё вокруг было белым-белым от снега. Старые хмурые ели, как оплывшие свечи, еле-еле держали на себе холодные снежные глыбы. Желток солнца, размазанный по тарелке морозного неба, еле проглядывал сквозь белёсую высь. Сугробы вокруг ещё не ведали ног.

Старик медленно пошёл на подъём, вгрызаясь ногами в сугроб.

Возраст давал о себе знать: 74 года, скорость уже не та. На хребет старик поднимался постепенно, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Шагать приходилось, утопая по колено в снегу, высоко под-

нимая и перебрасывая ноги в валенках через рыхлый скрипучий снег, пробивая корочку наста. Бестолковый пёс Цыган постоянно путался под ногами, то забегая вперёд, то возвращаясь к хозяину.

Восхождение на хребет заняло не меньше часа. Спускаться, конечно же, будет легче. Главное — не полететь кувырком вниз.

Возвращаться домой совсем уж пустым старику ещё не приходилось. Если не везло с пушниной, он заготавливал впрок гостинцы для детей: добывал листовенничную смолу — так называемую серу, отваривал беличьи тушки. Дочь Лиза обожала такие подарки.

Впрочем, дети давно выросли, ушёл в прошлое и госпромхоз, принимавший пушнину. Охота перестала быть делом прибыльным, лес оскудел, но осталась привычка по первому снегу обязательно выдвигаться в тайгу. Этой привычке он не изменял ни разу, по этой же причине ни разу в жизни не побывал ни в санатории, ни на морском побережье, предпочитая всем курортам мира активный отдых в якутской тайге.

Ничего страшного, утешал себя старик, что возвращаюсь пустым. Попробуй, добудь что-нибудь с таким дурным псом! Да и никакой план сейчас выполнять не надо. Зато отдохнул как следует от домашних забот-хлопот, побыл наедине с природой, вдоволь надышался целительным хвойным воздухом и набрался сил на предстоящую зиму.

В этот раз его охотничья поняжка была пуста, он не стал брать с собой ни топор, ни продукты, лишь правое плечо привычно оттягивала старенькая двустволка.

Забравшись на вершину хребта, он рассмотрел, наконец, Лену. За два морозных дня она остановила движение шуги, но, увы, не встала до конца. По центру тянулась узкая, непреодолимая для него протока, исходящая густым паром. Ветер разрывал паровой шлейф реки в клочья.

Здесь, наверху, ветер аж завывал. В Кантайке, защищённой хребтом, перемещения воздуха почти не ощущались, здесь же каждый порыв зверем впивался в лицо.

Впрочем, 45-градусный мороз обещал быстро остановить злосчастную протоку. Такое уже бывало. Однажды он, твёрдо зная, что река в первую очередь встаёт у причальной стенки Ленска, пошёл правым берегом вверх по реке и благополучно пересёк Лену-матушку на подходе к городу.

Пойду правым берегом, решил Тетерин, быть не может, чтобы в такой мороз река ещё не встала ближе к Ленску.

Благополучно спустившись с хребта, старик двинулся по берегу вдоль реки, ошетилившейся, как стегозавр, ледовыми пластинками торосов. Снег и здесь был с хрустящей твёрдой корочкой. Цыган бежал по ней, не проваливаясь, задорно виляя пушистым чёрным хвостом, а старик неизменно проваливался в снег. Жёсткие края наста быстро натёрли колени сквозь суконные штаны. Ветер, как назло, дул в лицо, а при таком морозе это было крайне опасно. Пришлось завязать под подбородком шапку-ушанку, обмотать лицо шарфом по самые глаза, застегнуть куртку на все пуговицы и двигаться, низко опустив голову.

Так, боядя ветер макушкой, он и подминал ногами снег. Глаза слезились от ветра. Шарф у рта, мех шапки, брови и ресницы заиндевели. Ресницы то и дело приклеивались к бровям и склеивались между собой, не давали смаргивать слёзы, приходилось вытаскивать руку из рукавицы и тёплыми пальцами растапливать лёд.

Цыган перестал, наконец, путаться под ногами и пристроился сзади.

Охотничьей собаки у Тетерина уже не было, и он взял с собой сторожевого пса. Хоть какой-то напарник, пусть и бестолковый. С ним – веселее.

Да, с охотой придётся распрощаться раз и навсегда.

В монотонной размеренной ходьбе на старика навалились разные воспоминания из его охотничьей жизни, и он, перебирая их, как чётки, упорно двигался вперёд.

Судьба привела его, крещёного татарина, с берегов размеренной Волги на берега могучей Лены, в суровую Якутию, где он обрёл семью и приобщился к охоте.

В далёком 1972 году Александр Тетерин впервые переплыл с Михаилом Серкиным, братом жены, на правый берег Лены против Мурьи. Вместе построили на подошве хребта лабаз, уложили в него продукты, а сами ушли через хребет к Кантайке. Там, на берегу речки, поставили палатку.

Александр тогда взял с собой семимесячного щенка, которого назвал Туманом. Рыжий пёсик с белым воротником, обычная дворняжка, сначала не лаял на белку, молча стерёг под деревом. Тетерин учил его, показывая на сбитого зверька: «Гав! Гав!». Постепенно Туман понял, что от него требуется.

В первые три года пёс никак не мог брать соболя. Зверёк обычно забирался на дерево и уходил по верхушке, а Туман терял след. Как же

Александр ругал его! Сам находил место, где убегал соболь, терпеливо показывал псу, и Туман начал потихоньку соображать, что к чему. Делал круги вокруг дерева. Если первым кругом следа не находил, шёл на второй. Умный был пёс. После первого соболя в нём наконец-то проснулся охотничий азарт.

Ещё характерный случай. Тетерин ночевал в зимовье у знакомых охотников. Утром они ушли промышлять, их собаки загнали белку рядом с тропой. Вторая собака Тетерина по кличке Негус побежала к ним, тоже залаяла, а Туман на чужой лай не отреагировал, сел рядом с хозяином. Не моя, дескать, добыча.

В тот год Тетерин добыл одного соболя, штук семьдесят белок и глухаря.

Михаил сказал, для новичка очень даже неплохо.

В 1973 году Тетерину дали отдельный участок, и он начал строить на берегу Кантайки зимовье. Домиком не ограничился. Во дворе «усадьбы» сложил из камней костровище, срубил баньку и кладовку.

В том году соболя было много. Пока через хребет перевалили, Туман пять зверьков загнал. У Михаила собака, коротконогая дворняжка, тоже на найденных Туманом соболей лаяла.

Подстрелил Михаил соболя и решил Тумана поучить. Показывает ему на добычу, гладит свою собаку и выговаривает: «Вот как соболей добывать нужно! Вот так!». Смотрел, смотрел Туман на соперницу, разозлился, напал на неё и давай трепать. Дескать, это я нашёл соболя, а ты свою собаку хвалишь! Пришлось Михаилу помощницу телом закрывать, иначе бы пёс загрыз её.

Таким был его Туман. На чужой лай не ходил, как другие собаки, к чужим находкам не примазывался.

Бывало, убежит от него четвероногий помощник на три-четыре километра за сободем, настигает его и лает. Негус бросается к нему на помощь. А тот оставляет соболя на Негуса и бежит к хозяину, прыгает, ластится, хвастает: «Я его догнал!».

Туман хозяина обычно никогда не бросал, шёл сзади, а Негус бежал впереди, метрах в двадцати.

Однажды осенью свояк и племянник пошли на уток и взяли с собой Тумана. Вспугнули полуторогодовалого лосёнка, тот бросился в озеро, чтобы переплыть на противоположный берег. Туман — за ним! Нагнал лосёнка и давай его в воде давить. Оба ушли под воду, и нет их, и нет!

Племянник испугался: «Ё-моё, дядька нас за собаку убьёт!». Потом Туман всё же вынырнул, глотнул воздуха и снова нырнул! Одолел он того лосёнка и подогнал тушу к берегу.

Славный был пёс!..

Старик остановился передохнуть, успокоить дыхание. Повернулся к ветру спиной, оттаял ладонью заиндевевшие ресницы и вытер лицо. Усталость брала своё. Захотелось сесть прямо тут же, на снег, но он знал: подниматься будет неимоверно тяжело. Лучше этого не делать.

Неподалёку чернела полусгнившая перевёрнутая деревянная лодка. Старик решил сделать у неё небольшой привал, расчистил от снега участок днища и сел.

Цыган тут же нырнул под лодку и затаился.

Тетерин закрыл глаза и расслабился. Зря он взял с собой этого цепного дурака. Пользы от него — ноль. Мёрзнет. Привык отсиживаться в морозы в своей будке, бестолочь.

Пошёл он как-то утром с Туманом и Негусом на охоту. На самом высоком месте между Леной и Кантайкой Туман погнал соболя. Кантайский берег крутой, спускаться долго. Тетерин сел на бревно подождать, когда собака залает. А залаял вдруг Негус... в 20 метрах от него. Белку загнал, подумал Тетерин. Тут и Туман подал голос на другом берегу Кантайки — догнал, видать, соболя. Пошёл к Туману. Спускаясь, обратил внимание на Негуса. Собака то отскакивала назад, то устремлялась вперёд, к кустам. Лаяла спокойно. Тетерин присмотрелся и понял: за кустами вход в берлогу. Сделал затёс на дереве, чтобы запомнить место. Спустился вниз, к Туману, сбил выстрелом соболя.

Медведя ему добывать ещё не приходилось. Ниже по Кантайке охотился Михаил Серкин с напарником Юрием Шестопаловым.

К ним-то и обратился Тетерин за помощью.

Брать медведя отправились на следующий день. В том году снег выпал рано, земля ещё не замёрзла. Юра Шестопалов — парень здоровый — заломил жердиной вход в берлогу. Как только медведь сунулся — Михаил, как самый опытный, выстрелил, попал в морду, но неудачно, задел лишь нос и зубы. Раненый медведь рассвирепел, заревел, разворотил берлогу и вылез мимо залома. Огромный, земля под ним трясётся, как под работающим трактором! Ревёт! У охотников восемь собак на троих

было — все, кроме Тумана, разбежались, поджав хвосты. А Туман начал со зверем драться. Только тот лапу поднимет, чтобы собаку ударить — Туман отскакивает назад, опустит лапу — Туман тут же в медвежью морду впивается.

Александр крикнул Михаилу:

— Не стреляй, в Тумана попадешь!

Тут Юра подошёл с боку и выстрелил, завалил Топтыгина. Собаки вернулись, давай дружно трепать зверюгу. А место крутое, туша заскользила вниз, и собаки вместе с ним кубарем покатались.

Это был чёрный медведь, самец, огромный, метра два, а голова маленькая. Потрогал Тетерин его рукой — и по всему телу дрожь пошла, запоздалый мандраж.

В тот год в тайге много орехов народилось, и сало у медведя, розовое такое, орехами пахло. Ребята сразу же нарежали его на закуску.

Выпили, закусили. А Александр как-то не решился. Потом, когда сало подмёрзло на морозе, всё же попробовал. Понравилось. Пару кусочков съел — и почувствовал прилив сил. Целый день бегал по тайге, и есть не хотелось. Стал он тогда по утрам на завтрак есть медвежье сало, и обедать в тайге перестал.

Спрос на медвежье сало в те времена был устойчивый, его покупали по 10 рублей за килограмм. А медвежье мясо добавляли в фарш, оно шло на котлеты, пельмени. Мясо больших медведей имеет специфический запах, а вот мясо медвежат не пахнет.

Через три дня Тетерин опять обнаружил медведя.

Он стоял на скалах, на самом высоком месте хребта со стороны Кантайки. Уже и снег выпал. Тут перед ним дорогу перебежал заяц и ушёл под скалу. Александр — за ним. Под скалой — одна-единственная ложбинка, спустился по ней на «пятой точке», а там узкая пещера метров десять глубиной, внутри снега нет, и притаившегося зайца хорошо видеть. Выстрелил из тозовки в голову — не шевелится. Снова выстрелил — не шевелится. Три раза стрелял, потом снял поняжку и заполз в пещеру. Схватил зайца — и обратно. Живёхонький! С такого близкого расстояния трижды промазал!

Сунул косога за пазуху, собакам сказал: вот она, добыча, у меня в руках! А они, бестолковые, не смотрят, не видят, не чуют и продолжают искать ушастика, нюхают следы на снегу, снова спустились по следам вниз.

Станным всё это показалось тогда Тетерину: «Как же это так? С одного выстрела белку убиваю, а по зайцу с десяти метров трижды попасть не мог?! И почему собаки зайца не видят? Особенный он, что ли? Не иначе, как его сам хозяин леса Байанай хранит».

Поднялся вверх по жёлобу. А собаки с ума сходят! Видимо, чувят зайца. И бегают то вниз, до пещеры, то вверх по склону. Не понимают, что добыча уже у хозяина.

И тогда Тетерин попросил: «Байанай, дай мне другую добычу — медведя, а эту я отпущу!». Отпустил зайца, а тот отбежал метров на пять, сел и смотрит на него, глупый. Пришлось как следует пугнуть. И следы его затоптать, чтобы собаки не вычислили.

Пошёл Тетерин вдоль хребта. Тумана рядом нет, а Негус сзади пристроился.

Вдруг Негус резко развернулся и побежал обратно, к скалам. Туда, где уже лаял Туман. Снова спустился Александр вниз по ложбинке и услышал — медведь ревёт.

Медведи раньше времени в берлогу не залегают, отлёживаются, ждут, когда снег большой выпадет. По большому снегу заходит в берлогу, чтобы следы не оставлять.

По рассказам охотников Тетерин знал, что медведь всегда убегает вверх, а ложбинка — единственный путь. Конечно, испугался и обратно поднялся вверх. Позвал собак — не идут.

Пошёл обратно к Мишке и Юрке, они уже вернулись с охоты. Рассказал, что снова нашёл медведя. Михаил успел поддать, поэтому идти отказался, сказал, что медведя надо брать зимой, когда тот крепко спит, а сейчас, мол, опасно.

Зимой, в декабре, Тетерин вернулся на это место со свояками Витькой и Владькой. Было у них на троих восемь собак. Заночевали в шестопаловском зимовье. Утром начали собираться, проверять ружья — у Виктора двустволку заклинило. Заломил он ружьё, а оно не закрывается. Приznak это плохой, считают охотники, про такой случай говорят: ружьё боится медведя.

Пришли на место. Александр спустился вниз, снег глубокий. Два сво-яка стоят наверху. Позвал их: помогите отыскать берлогу! Владька спустился, стыдно ему стало, что трусит. А Витька так и не смог преодолеть страх, остался наверху из-за плохой приметы. Мороз тогда стоял чуть ли не в полтинник. У собак мёрзлы лапы, и они ложились, поджимая их под

себя. Искал Тетерин, искал берлогу, думал, по выходящему пару найти, но так и не нашёл. Замёрзли все — и ушли не солоно хлебавши.

Лесной хозяин не дал.

На второй год Александр искал эту берлогу — не нашёл. Лишь на третий год, когда охотился с сыном, Игорь наткнулся на неё. Оказывается, была метров на сто ниже, а они искали под скалой!

После того случая с зайцем Александр рассказал обо всём старому батамайскому якуту-охотнику, и тот промолвил, важно покуривая трубку, будто вещал: «Это и был хозяин. Тебе нельзя зайцев убивать».

С тех пор Тетерин зайцев никогда не убивал, несмотря на то, что на его участке можно было добывать их мешками. Собаки, правда, каждый год ловили по парочке.

Дважды доводилось Александру добывать медведицу с тремя медвежатами. Один раз с сыном Игорем, второй — с Валерием Кузаковым.

В первый раз забили они вход в берлогу валежником. Александр жердиной дразнил зверя, а Игорь караулил с ружьём. А медведь не идёт, не ревёт, как обычно, лишь жердь кусает. Явно что-то не то. Вдруг зверь прорвал морду сквозь верх берлоги, где был один мох, и глянул на Тетерина в полутора метрах! Александр крикнул: «Игорь, вот он!», но сын выстрелить не успел. Спрятался медведь. Подошёл Тетерин к дыре, заглянул, а косолапый на него из дыры смотрит. Выстрелил, попал в морду, да неудачно. Второй раз выстрелил, третий. Разобрали они вход в берлогу — видят, задняя лапа торчит. Взялся Тетерин за ногу и потащил, а зверюга как даст лапой! Живой ещё был. Четвёртый выстрел сделал Александр в ухо из тозовки, и вроде окончательно добил. Пошевелил жердиной — кусает! Опять выстрелил. Пошевелил жердью — кусает!

Догадались, наконец, охотники, что медведица в берлоге не одна. Полдня с косолапыми мучились, уже и темнеть стало. Закидали ветками и жердями берлогу и ушли. Утром разобрали и увидели, что в берлоге, помимо матери, было трое больших медвежат. И понял Александр, почему медведица не ревела, не выходила и не нападала — детей не хотела пугать.

Во второй раз охотились они с племянником Валеркой. Шли по тайге уже числа 10 ноября, вдруг собаки залаяли — то звонко, то глухо. Оказывается, обнаружили берлогу — то заскакивают туда, то выскакивают. Медведица молчала, не подавала признаков жизни, и в берлогу к ней залетели все пять собак. Они, видать, раньше с медведями не сталкива-

лись, неопытные были. Там зверюга одну под себя подмяла, у второй ухо откусила, у третьей разорвала губу. Из берлоги не выходит, на охотников смотрит. Побежал Александр рубить жердь, чтобы заломить дыру. Рубит, а Валерка с ружьём 32 калибра сзади караулит. Тетерин даже выстрела не услышал, видать, племянник сделал его в упор. Прибежал — медведица лежит, наполовину высунувшись из берлоги, а под ней собака головой наружу, придавленная, не дышит.

Хотели они сначала тушу медведицы вытащить, но она хребтиной в верхний свод упирается. Пришлось собаку из-под неё выдёргивать за передние лапы. Очнулась несчастная, и на передних лапах поползла прочь, волоча заднюю раздавленную часть.

Вытащили медведицу. Засунули жердь — ещё кто-то кусает. Раздраконили, выманили наружу, шлёпнули. Сделали второй заход — ещё кто-то есть. Выманили, застрелили второго большого медвежонка. А следом ..одна из собак выходит, целая и невредимая. Убежала в лес, и трое суток её не было. Видать, в себя приходила после стресса. Начали они с Валеркой тушу разделять — из берлоги вылез третий медвежонок, маленький. На него даже собаки не залаяли.

Покалеченную собаку по очереди тащили на себе до зимовья — километров десять. Через неделю она начала ходить, но при поворотах падала. Так и осталась увечной. Гоняла соболей, но, если зверёк резко уходил в сторону, падала. И соболь убежал.

Тогда, как назло, соболь пошёл, а собаки все покусанные, нерабочие. Долго они в тот раз медвежье мясо таскали ближе к берегу, на лабаз...

Очнувшись от приятных воспоминаний, старик снова пустился в путь по большому снегу. Цыган, лентяй, остался под лодкой. Заснул, поди. Звал его Тетерин, звал, да рукой махнул. Бестолковка — он и есть бестолковка! После небольшого отдыха снова удалось войти в размеренный ритм шагов.

Одного медведя они с напарником целый день выслеживали. Топтыгин искал, куда бы залечь, уже и снега много навалило. Но его, видимо, кто-то пугнул. Шли по его глубоким следам. А он косолапый, и следы такие же. Ходить по таким следам тяжело, ноги устают от напряжения. Собаки бегут по следам, а настичь не могут. Тут один щенок семимесячный подал голос, глядя вниз. Следом остальные собаки залаяли — нашли!

Спустились охотники — увидели, что косолапый только-только начал берлогу себе рыть, мох рвать. Увидел собак — и дал стрекача огромными прыжками. Только его и видели. Александр потом замер сделал по его следам — прыжки трёхметровые! Вот тебе и неуклюжий, косолапый!

Последнего медведя они добыли со сватом Генкой. Снег уже был по колено. Прошли мелкий сосняк, кедрач. Километра четыре прошли — ни белок, ни соболей. Шли по чистому распадку. Ничего. Пустились в обратный путь. Александр шёл по своим следам, а напарник — с той стороны распадка. Его собака Белка вдруг залаяла, глядя вниз. Берлога!

Заломили они вход жердиной, а берлога, видать, тесная попалась. Не может медведь в ней развернуться мордой к ним. Пришлось сверху дыру делать, чтобы рассмотреть, где у него голова. А земля мёрзлая, плохо подаётся. Сделали дыру, высунул в неё мишка голову, а они выстрелить не успели! Уже темнеть начало. Снова начали зверя драконить, чтобы он голову высунул. Еле-еле добыли. Забросали дыру сверху ветками. А утром пришли вытаскивать...

К концу охоты снег обычно уже становился глубоким, коротконогие собаки не могли догнать соболя, а его высокому Туману снег не мешал. При глубоком снеге Александр ходил уже только по тропе, и, если Туман нападал на соболя на открытом месте, пёс всегда смотрел на него: «Пойдёшь или нет?». И если Тетерин кричал: «Ищи, Туман!», четвероногий напарник гнал соболя, а он шёл следом.

Бывало, Туман забегал так далеко, что Негус, услышав лай, добирался за полчаса, а Тетерин брёл по глубокому следу целый час.

Два года промышляли с Михаилом Серкиным, потом тот вернулся к напарнику, с которым охотился раньше. И Тетерин остался один. Как-то раз он ждал соседей по участку на праздник 7 ноября, чтобы вместе выходить из тайги, но, как оказалось, они вышли сами из другого местечка и ушли домой.

Забавная тогда получилась история. Начальник Мурьинского отделения совхоза «Ленский» Белогуров, узнав, что Серкин с Шестопаловым вышли из тайги пустые, начал посмеиваться над Клавой — женой Тетерина, подкалывать её. Дескать, твой мужик не чета этим двум, опытным, добудет целый куль пушнины! А Александру и вправду в тот год повезло: он добыл сто шестьдесят белок, три десятка соболей и выдру. Когда вернулся домой, посадил ради шутки Клаву на пол и высыпал ей на голову всё это богатство.

Молодой был, ходкий. Только благодаря своей скорости тогда выдру добыл. Выдры живут в норах на берегу, лапы у них короткие, чтобы в жилище удобно было заползать. Бывает, они переползают по снегу в поисках глубоководных мест. Когда выдра ползёт по сугробу, кажется, кто-то волоком бревно тащил.

Увидел Тетерин на берегу Кантайки выдрин след и пошёл по нему. Километра три прошёл. Смотрит, тыкается выдра по берегу, а в воду залезть не может. Учужала, что за ней человек идёт, и решила путь до большой воды через кусты срезать. Снял Александр поняжку, куртку и бегом за ней, а то уйдёт! А она убегает! И собаки, как назло, понять не могут, куда это он бежит. Километров пять зверька преследовал! Туман, наконец, сообразил, кого хозяин промышляет, догнал зверька, перевернул его и в горло вцепился. Тетерин подошёл ближе: «Туман, нельзя!». Пёс отпустил выдру, а та его за морду зубами хватя! Туман завизжал, скинул выдру и опять перевернул. Тут уж хозяин вмешался, стволом зажал ей горло и задавил.

Здоровая выдра попалась! Правда, якут, которому Тетерин отнёс шкуру, чтобы шапку сшить, обманул. Сшил ему из лап и обрезков, а сыну своему из целого куска. Думал, заказчик ничего не узнает. Но Александр, когда увидел его сына в обновке, обо всём догадался. Так что выдры на две шапки хватило!

Наверное, это хозяин леса помог ему в тот год с добычей. Тетерин ведь никогда не жадничал. Что шло само в руки — то и добывал. Никогда крупных зверей, тех же сохатых, не догонял. Бывало, наткнулся на них. Смотрит — стоит, значит, хозяин послал. Так и охотился.

А ведь многие охотились, чтобы разбогатеть. За пушнину и машины покупали, и квартиры. А он просто душу отводил. Родился Александр в лесу, вырос в лесу, неудивительно, что и тут, на Севере, в лес его потянуло.

А сколько возле его зимовья белок жило! Он их не трогал. Утром шли мимо кормиться, даже собаки на них уже не реагировали, понимая, что хозяину они не нужны.

Однажды Тетерин выстрелил в белку — и только оглушил её, пуля царапнула по мордочке. Упала она в снег, подошёл — живая. Принёс в зимовье. Белки обычно кусаются, а эта смиренная попалась. Три дня поил её аспирином. Выздоровела. Через неделю стала у него еду брать из рук. Спала под головой, в углу, под подушкой.

Вернулся Александр однажды в зимовье, ищет очки и найти не может. Потом хватился — пропали ложка, ручка и блокнот. Ищет — не может найти. Наконец, догадался заглянуть в белкино жилище под подушкой, там и нашёл эти предметы. Квартирантка перетаскала их к себе.

А один раз добыл соболей, положил на топчан. Вылезла белочка из гнезда, увидела соболей — и ошетичилась вся, испугалась и в гнездо спряталась. А когда Тетерин приносил добытых белок — подбежала и начинала о них тереться.

Когда Александр пошёл домой, выпустил свою квартирантку наружу. Стояла рядом высокая ель с беличьим гнездом, забралась туда его красавица и осталась жить.

Раньше в тайге участков не было, охотились все кучно. Бывало, опытные охотники гоняли соболя, а добыть не могли. В пятом часу, как темнеет, возвращались в зимовье несолоно хлебавши. А ему везло — он добывал.

Однажды добытого медведя положили на лабаз, охота закончилась, ходил Тетерин, проверял, чтобы вороны мясо не клевали. Подходит как-то раз — соболев сидит на лабазе! Добыл его.

Бывало, Туман убежал вперёд на километр, а он сидит, ждёт. Залает — значит, нашёл. Однажды подошёл — Тумана нет, а соболев на дереве. Добыл. А Туман метрах в пятистах лает. Подходит — ещё один зверёк.

В один из сезонов не было в тайге соболей. Октябрь заканчивается — а он ни одного не добыл. Попросил хозяина: «Ну дай мне хоть одного-то!». Пошёл промышлять — собака залаяла. Подходит — соболев сидит! Добыл.

Как это понимать? Хоть и был Александр Фомой неверующим, а стал верить в Байаная — якутского духа, хозяина природы, покровителя охотников.

Как-то раз целую неделю ходил по тайге, ничего нет. Обратился к Байаная: «Хозяин, помоги мне!». Через сто метров увидел след соболя, собака тут же подключилась. Подошёл — сидит на дереве, родненький.

Однажды с сыном шли по тайге — знал Тетерин, что в этом месте изюбры стоят. Они, бедные, от других охотников на его участке прятались. Обратился Александр: «Хозяин! У меня бражка стоит, целая фляга. Дай мяса! Напою досыта!». Метров полста прошли — стоят изюбры, целый табун. Собаки залаяли. Один из рогатых взялся отвлечь на себя собак, вышел прямо на них. Добыли они его, остальные с детьми убежали.

Александр не забыл тогда отблагодарить Байаная. Развёл у зимовья костёр, и целую кружку браги в него вылил. Якуты обычно так хозяина задабривают.

В тот год они хорошо поохотились: добыли много белок, соболей и медведя с детьми.

Два раза Тетерин охотился с сыном. Последний раз, когда возвращались домой, Игорь провалился под лёд на Лене. Александр шёл впереди и прошёл благополучно по тонкому льду, а сын, более тяжёлый, да ещё и грузёный, провалился. А ведь накануне ночью было минус 40°, потому и пошли они смело домой. Однако, видимо, полынья, куда он провалился, затянулась ледком недавно. Услышал Тетерин: «Папа! Папа!». Обернулся — Игорь в Лене барахтается, опирается на кромку льда — она под ним ломается. Не может никак выкарабкаться. Он ему: «Расставь руки и ноги, как белка прыгает с ветки на ветку, иди к старому льду!». Расставил Игорь руки в стороны — и выскочил на старый крепкий лёд, а он побежал на берег. Хламу и коряг на берегу много было, развёл большой жаркий костёр, чтобы Игорь согрелся и одежду подсушил.

После того случая Игорь охоту бросил...

А Тетерин продолжил. За все свои сорок пять охотничьих сезонов добыл шестнадцать медведей. Никогда не выходил из леса без пушнины, и план госпромхоза всегда выполнял. А ведь в те годы с этим строго было! Парень один из Беченчи утаил пару соболей и поехал с ними в Якутск. Кто-то из сельчан его «продал». Выехали вслед за охотником милиционеры, поймали в Якутске и отобрали соболей. Лишился паренёк и охотничьего билета.

Однажды охотились они со сватом, а волки задрали рядом с их тропой изюбра. Смотрят — лиса поблизости крутится. Откуда она взялась? Пошёл напарник за рябчиком и увидел: что-то лежит под снегом. Оказалось, изюбр-самец. Волки загнали его в осинник как в ловушку и задавили. Начали грызть, а тут, видимо, охотники их и вспугнули. Сутки пролежало мясо под снегом, лису привлекло. Целый месяц потом они этим мясом собак кормили.

Как-то раз пошёл Тетерин в тайгу 8 марта, чтобы снег с крыши зимовья сбросить. Мимо пробежала матка лося. Стельная, вот-вот родит. Эту матку он каждую неделю потом караулил, чтобы её никто не убил по насту. Каждые субботу-воскресенье ходил.

Осенью пошли они с племянником в тайгу, у Александра две собаки,

у Валерки – четыре. Где-то километра на три отошли от зимовья — собаки залаяли. Подошли к чаще — лось стоит посреди мелкого тонкого листвяка, хоть комбайном убирай. Напарник выстрелил, зверь упал. Выяснилось, что был он не один, а с телёнком. Одним выстрелом Валера и матку убил, и лосёнку хребет повредил. Пришлось малыша добить. А рядом в чаще ещё и бычок стоял. Подошли к нему ближе — он на них двинулся. Напарник хотел убить, но Тетерин не дал. Зачем жадничать?

Потом им этот бычок лет десять встречался, но уже близко к себе не подпускал, тут же убегал. А потом исчез. Видимо, добыли его.

Сколько случаев разных было за четыре с половиной десятилетия!..

Раньше Тетерин до Ленска доходил ещё засветло, а сейчас... Ни сил, ни скорости нет. Темнеть начало, но, судя по всему, недолго до Ленска осталось. Большую часть пути он уже преодолел. Чуть передохнув, старик снова пустился в путь по глубокому снегу.

Однажды, перед заходом на охотничий сезон, Александр крепко подпил, отмечая это событие. В тайгу пошёл, что называется, с большого бодуна, оттого и забыл взять с собой пилу и топор. Обычно он оставлял пилу в зимовье, но, придя туда, инструмента там не обнаружил. А шуга по Лене уже вовсю шуровала. Как быть? Как заготавливать дрова?

В одном месте после пожара осталось много обгоревших сухих валежин. Натаскал он их к избушке и стал ломать через бревно на поленья. Только вот ведь беда! Сушняк сгорает быстро, его чаще подкладывать приходится. А этот сушняк какой-то особенный попался — в печи щёлкал так, как будто он в печь патронов накидал! При этом страх какой-то несусветный навалился на Тетерина, из-за чего он не смог ночью уснуть. Мучился, ворочался — в голову разные ужасы лезут. Рано утром решил избавиться от странных дров — не иначе, как место пожарища было проклятым. Выбросил все заготовленные дрова, из другого места натаскал.

И страх прошёл.

Целый месяц пришлось ему ломать валежины на поленья и топить печь сушняком.

Была у него длинная спортивная винтовка ТОЗ-8. Ствол её всегда перетягивал приклад, приходилось носить дулом вниз. Часто цеплял за сугробы, и снег набивался в ствол. Однажды Тетерин прицелился в белку, взялся за курок, но вспомнил про снег. Решил заглянуть в ствол,

а курок-то заведённый, и палец на курке! Выстрелил в десяти сантиметрах ото лба! Чуть не убил себя! Аж в пот кинуло. Искали бы потом его в тайге, а он в трёх километрах от зимовья!

В тот раз он от явной смерти ушёл...

Пошёл как-то Тетерин на охоту с тозовкой под сильным градусом. На хребте уснул, сидя на бревне. Проснулся — ружьё взял, а винтовку забыл. Тропы тогда к зимовью ещё не было. Собаки залаяли на белку, хватился он, а тозовки нет! Где она? Понял, что оставил где-то на хребте. Снег ещё не выпал. Поднялся на хребет. Вычислял, как бы он шёл по просветам в кустах. И чуть не наступил на винтовку!

Однажды он спрятал на лето тозовку в дупло. Осенью пришёл с сыном, Игорь попросил: дай тозовку пострелять по банкам! Пошёл Тетерин за винтовкой — а её нет! Нашёл лишь привязанный затвор. Понял, что медведь утащил. Любопытные они, оттого и пакостят. Обшарили вдвоём всё вокруг и нашли. Всё лето пролежала винтовка под дождём и пришла в негодность. Пришлось выбросить.

Один какой-то медведь повадился в тетеринском зимовье окно выбивать лапой. Снаружи бил лапой так, что стёкла летели до стены на постель. Несколько лет выбивал окно, пока Александр не догадался перед уходом снимать его и прятать.

Дверь в зимовье он специально оставлял открытой, чтобы медведь не выламывал. А однажды пришёл в избушку, а там чёрт ногу сломит. Видимо, медведица с медвежатами побывала. Непрошенные гости всё разворотили, сорвали, вырвали, разбили.

Как-то раз завёз он в сентябре в зимовье мешок картошки. Зашли охотиться с Игорем — картошки нет. Медведь утащил. Искали, искали — нет нигде. А потом Игорь наткнулся на медвежий тайник — пирамиду из мха. Раскопали они эту пирамиду — а там их куль с картошкой! Благодаря мху не замёрзла!

Впрочем, люди хуже медведей стали. Иной раз после посещения таких гостей находил Тетерин в избушке бутылки, окурки, мусор. Бывало, срывали со стены фотокарточки, воровали котелки и прочую утварь.

Настоящие таёжники никогда не пакостят. Михаил учил его: если в чужое зимовье придёшь, сколько чего берёшь, столько и клади обратно — спички, лучинки, дрова.

Однажды решил он срезать путь до зимовья по Ленскому хребту. Пошёл — ещё светло было. Идёт, идёт — все места знакомые. Раньше, до

пожара 1984 года, была тропа, но заросла. Да и снег глубокий, чуть не по колено. Хочет выйти на свою тропу напротив Мурьинского кладбища, а не может! Стемнело уже. Молодой березняк, больших деревьев нет, никаких ориентиров. Пить охота, а костёр сделать не из чего. Идёт мокрый снег. Нашёл старый пень, а он толком не горит. Так и не смог нагреть воды.

Зная, что скоро должна быть тропа, по которой он пересекает хребет, идёт. Лес кончился, березняк. Идёт вверх по Лене, спуск, распадок. Должен был уже выйти на тропу, а там ещё идти два часа до зимовья. Снова зашёл в лес. Пригляделся к веткам и понял, что идёт в обратную сторону! Наваждение какое-то! На целый километр в обратном направлении упорол! Срезал поперёк полсотни метров — и увидел свой след! Потом увидел знакомый пень, понял, где ошибся, вышел на свою тропу и ушёл домой...

Темнело быстро. Мрак плотно обступал его со всех сторон. Старик испугался: в последнее время в сумерки нападала на него куриная слепота. С его-то остатками зрения! Где же Ленск? Оттаяв рукой глаза, Тетерин сощурил их и пристально взгляделся вперёд. Впереди вроде маячил бледный свет. Нефтебаза? Похоже на то! Сейчас река уже погрузилась во мрак, но при свете огней можно будет увидеть, есть ли ледовая переправа. Осталось немного!

Переведя дыхание, старик с новыми силами и надеждой бодро зашагал, ориентируясь на слабое белёсое свечение впереди.

Однажды, выходя из тайги, он пересёк Лену, а она после него ... снова двинулась! Сидит он на лавочке рядом с домом родственников в Мурье, а сельчане с работы идут, удивляются: «Дядя Саша, а ты как перебрался?» — «Через Лену!» — «Так она же идёт!» — «Как идёт? Я же её только что перешёл!».

Во второй раз пошёл он через Лену — река вроде встала, но человека не держит. Взял он длинную жердь под мышку и пошёл. Где шуга не держит — кладёт жердь и по ней идёт, переходит на твёрдое место — снова жердь под мышку. Так и перешёл через реку.

В один из сезонов слишком уж жидкая каша была. Чтобы облегчить переход, оставил он на твёрдой небольшой льдине рюкзак с гостинцами и ружья. Думал, к утру Лена замёрзнет. Подходит налегке к берегу — а

перед ним протока метров в двадцать шириной! Хорошо, что с берега заметили его Игорь и Дмитрий Шестопалов. Подплыли на лодке и забрали. К утру ударил мороз. Пришли они с сыном к берегу — ни рюкзака, ни ружей не видать. Уплыли. Опять Лена после его перехода пошла! Посмотрели в сильный бинокль: что-то далеко, километрах в пяти ниже, в Тарынской пади, чернеет. Игорь не поленился, пошёл туда. И нашёл уплывшие на той самой льдине рюкзак и ружья.

А один год вышел он на восьмом километре и пошёл берегом вниз. Лена идёт — и он идёт. Примерно на одной скорости. А потом заметил, что стал обгонять, что замедляет ход река. Дошёл до своей тропы напротив Мурьи — Лена встала! При нём! Решил он сделать два часа выдержки, чай попил на берегу, и пошёл через реку.

Идёт, где обходит полыньи, где по жерди через тонкий лёд переходит. Начал путь от тропы, а вышел к Мурьинскому кладбищу. Полдня у него ушло на переход. А сельчане на берегу столпились, увидев, что он реку собрался переходить. Белогуров комментирует: «Тетерин сильно рискует, не терпится ему...»

А ему просто сильно хотелось попасть домой к празднику...

Чем ближе подходил старик к городу, темя ярче и призывнее горели городские огни. Стемнело уже окончательно, когда до нефтебазы добрался.

Вырубил ножом себе посох из молодой ели и осторожно, ошупывая им дорогу, хрустя торосами, двинулся через Лену-матушку. Лишь дойдя до середины реки, увидел, что Лена и здесь не встала окончательно, широкой дымной протокой шурует.

Что делать?

Прошёл дальше к центру города, вплоть до профилактория, а Лена не стоит, идёт! Что делать? Дальше идти — до третьего острова? Вдруг и там Лена стоит? А если нет?

Вот он — город, всего лишь в сотнях метров. Призывно манит огнями. Там — дом, там — Клава, тепло и пища...

Близок локоть, да не укусишь.

Старик весь день ничего не ел, от утреннего чая с ломтём хлеба давно не осталось и следа в желудке. Эх, сейчас бы подкрепиться как следует, горяченьким! Да хотя бы кипяточку попить!

Неприятная холодная волна прошла по телу голодного старика, в об-

ласти сердца непривычно защемило, заняло. Никогда он раньше не испытывал такой боли. И это его испугало. Как бы не умереть прямо здесь!

Бывало, в трудных случаях на охоте обращался Тетерин к хозяину. Решил и на этот раз спросить от безысходности: «Куда мне идти?». Ответа, конечно, никакого не последовало, и пришлось ему, переламывая себя, принимать тяжёлое решение возвращаться в зимовье. А это — снова двадцать пять километров по берегу, восхождение на сопку и спуск с неё. А сил уже никаких нет. Он ведь даже куска хлеба с собой не взял, чтобы идти налегке.

Однозначно, надо возвращаться в зимовье — там остались продукты, там можно отдохнуть, отлежаться и дожидаться, когда Лена, наконец, соизволит встать окончательно.

И старик пошёл обратно, тяжело опираясь на посох. Сначала побрёл к правому берегу, а потом вдоль него вниз, всё дальше и дальше от города и жизни. Пока огни нефтебазы светили, он видел свои следы и шёл по ним, так было легче двигаться, а дальше, в темноте и куриной слепоте своей он их потерял. Это было самое обидное — пришлось заново прокладывать путь по глубокому снегу, когда натёртые об наст колени не просто жгло, а уже невыносимо саднило.

Луны, как назло, не было. В темноте он не видел почти ничего, лишь слабо отсвечивал белым снег под ним. Путаясь, старик то и дело выходил на Лену, упирался в торосы, спотыкался, опять выходил на берег.

Время он уже не контролировал, поэтому не знал, сколько часов прошло.

Когда увидел поваленное дерево, понял, что смертельно устал.

Надо отдохнуть, посидеть, перевести дыхание. Уже засыпая от усталости, старик опустился на ствол. Приятная истома тут же навалилась на него, а мозг погрузился в блаженную дремоту...

Во сне к нему пожаловала первая любовь, девушка по имени Александра. Шурочка зачем-то настойчиво теребила его за плечи и повторяла: «Саша, не спи!».

И старик открыл глаза.

Он понимал, что спать ему в такой мороз никак нельзя — просто-напросто не проснётся. Нужно лишь немного отдохнуть. Но, конечно, не сидя, а стоя, иначе перестанет себя контролировать.

Подняться с удобного сидения было невероятно тяжело. Забитые усталостью мышцы на малейшие усилия отвечали такой болью, что пре-

одолеть её просто не было мочи. И всё же он, опираясь на посох, умудрился встать, при этом чуть не свалился вперёд, в снег.

Непонятно, какое время он отдыхал так, стоя, опираясь на посох, временами проваливаясь в дрему. Смерть уже не казалась ему страшной, ведь она обещала отдых и сон. В сознании, уже готовом к небытию, вновь начали прокручиваться, как перед кончиной, кадры его долгой и непростой жизни...

Старик открыл глаза. Первое время он не видел абсолютно ничего. Через минуту стал различать белёсый снег перед собой. Больше стоять нельзя! Хватит!

Он решил идти, опираясь на посох, и отдыхать через каждые триста шагов.

Но оказалось, что на одной силе воли, без физических сил, далеко не уйдёшь. С первой сотней шагов он справился, со второй тоже. Но триста шагов он сделать не смог, не хватило сил. Упал на колени после двухсот пятидесяти.

Впрочем, стоять на стёртых в кровь коленях было больно. Опираясь на посох, он поднялся. Теперь он прекрасно понимал, почему так быстро устают лоси, когда их преследуют по насту охотники на лыжах. Они вот так же стирают себе ноги в кровь, и просто не могут бежать дальше.

Тетерин отдохнул стоя и снова пошёл, отсчитывая шаги.

Первая сотня... Вторая... На цифре 250 он снова рухнул в снег. Поднялся с невероятным трудом, на остатках жизненных сил.

Отдохнул, отдышался, опираясь на посох. Снова пошёл.

Упал на колени после двух сотен. Силы убывали всё быстрее.

Мокрый шарф уже не помогал согреть дыхание. Старик догадался сдвинуть его в бок.

После очередной передышки он смог сделать лишь сто пятьдесят шагов, потом сотню, затем упал после пятидесяти. Сил не было даже просто стоять, опираясь на посох.

Дорога в десятки километров по глубокому снегу высосала из него все силы, какие только были в организме. В его худом старческом теле, казалось, не осталось никаких скрытых резервов.

Это был край. Он больше не мог передвигаться.

Сначала тоска, а вслед за ней и апатия отравой начали просачиваться в сознание, не встречая сопротивления.

И в этот момент... начало светлеть. Вначале старик подумал, что

это показалась луна. Наконец-то! Теперь он сможет отыскать свой след. Надо лишь ещё немного постоять, отдохнуть.

Между тем вокруг становилось всё светлее и светлее — оказывается, наступил рассвет! Утро!

Старик посмотрел по сторонам. А вот и его след! В каких-нибудь двадцати шагах вправо! И, судя по всему, до лабаза осталось совсем немного, километра три.

Самое трудное осталось позади.

И старик снова двинулся в путь, теперь уже по своим следам, по проторенной им же дороге.

Долго ли он добирался до лабаза — не помнит. Страшно хотелось пить.

Отыскал под лабазом большую ржавую консервную банку, набил туда снега, наломал сучков, растопил снег, подогрел воду. Сделал несколько глотков — одна ржавчина. Отмыл банку остатками воды, снова растопил снега. Попил кипятка, посидел немного. Взял посох, ружьё — и пошёл на подъём, через сопку в зимовье. Местами ему пришлось карабкаться на четвереньках, так было легче. Когда спускался — уже не осторожничал, где скользил вниз на пятой точке, где летел вниз кубарем.

А вот и его охотничья избушка!

Хорошо, что дрова были им заготовлены впрок.

Выручила и растопка, которая загорелась от первой же спички. Вскипятил воду в чайнике, разогрел тушёнку, наспех поел, размачивая в чае сухари. А потом провалился, словно в яму, в сон...

Цыган вернулся в зимовье через сутки. Наверное, оттого, что проголодался.

Ругать пса за предательство было бесполезно: всё равно ничего не поймёт. Одним словом, бестолочь. Хорошо ещё, что вернулся.

И старик накормил собаку.

Заготовленных дров хватило на двое суток. Всё это время старик отлёживался, вставал с лишь затем, чтобы поесть и подкинуть дров в печку.

На третий день Александр Данилович выбрался из избушки за дровами.

Необычная боль в области сердца не покидала его. Что это?

Отлёживаясь в зимовье в течение трёх суток и набираясь сил, старик размышлял. Его путь от лабаза до Ленска и обратно занял двадцать

шесть часов. Помимо этого, были восхождения и спуски, на хребет и с хребта. Как у него хватило сил выдержать весь этот путь?.. Последний охотничий сезон вполне мог стать для него последним по причине смерти.

Отоспавшись и набравшись сил, старик снова собрался в путь. День выдался хоть и морозный, но солнечный. Старые ели вокруг его зимовья с трудом держали в своих лапах тяжёлые снеговые охапки, сверкающие в солнечных лучах. Молодые деревца за сорок пять лет здорово вытянулись ввысь, возмужали. Таёжный мир, кудлатый и нечёсанный, весь в снеговой пене, встретил его довольно приветливо. Рыжая белочка спустилась из гнезда и с любопытством посмотрела на него. Может, это та самая его квартирантка?

Старик вздохнул.

Прощай, Кантайка!

Он без особого труда преодолел хребет, спустился с него и перебрался через Лену в районе Муры. Из села позвонил сыну, и тот, уже обеспокоенный, приехал за ним.

Через несколько дней, обеспокоенный болями в груди, Александр Данилович обратился к врачам. Обследование показало, что он перенёс на ногах микроинфаркт.

10–14 февраля 2024

Юрий
Абазов

Магнитогорск

Предисловие к рассказам (Из цикла «ЮРКИНЫ СНЫ НА РАССВЕТЕ»)

*«Отслеживать, как в нас живёт главное, непросто, но ещё сложнее найти, где и в чём оно, и совсем уже сложно – не сомневаться, что нашёл правильно»
(Татьяна Таянова)*

Что я хочу этим сказать? Вопрос, который задёт себе пишущий, всегда опирается на воспоминания о своём детстве – в нём все истоки подлинного творчества. Спустя десятилетия из памяти улетучиваются детали событий, волновавших автора в начале своего пути, поэтому приходится восполнять недостающие звенья времени через воображение. Прав ли Эйнштейн, сказавший, что воображение важнее знаний? Не знаю... При недостатке фактов и информации о событиях далёкого прошлого постоянно сталкиваешься с дилеммой: или дотошно изучать архивы, докапываясь до истины, или на основе полученного опыта сразу одним прыжком нырнуть в картин прошлого, представшие в твоей памяти и восполнять недостающее своей интуицией. Идти первым путём нужно смолоду, когда есть желание, исходя из своих возможностей, долго и тщательно вести исследования потаённых уголков времени...

Нужна дисциплина изо дня в день отслеживать главное в твоей судьбе. Мало кому везёт изначально идти таким путём: из-за недостатка возможностей рушится последовательность принятого решения – следовать заданной цели, занимаясь порой вещами, не совместимыми с за-

дачей выживания и при этом быть уверенным, что когда-нибудь потом наверстаешь упущенное время. Самонадеянность юности испаряется через трудное взросление, длящееся порой очень долго.

Мне кажется, что только на восьмом десятке начинаешь понимать, что детство никуда не исчезает.

В зрелости появляются возможности, но уже не хватает времени исполнять свои желания, мечты вытесняются в подсознание и не дают покоя, просачиваясь в сны

Предлагаю только три из сорока ранних историй о моём герое, надеясь, что для моих сверстников историческая подоплёка рассказов будет очевидна и понятна...

СИНУСОИДА

Не спалось... А до этого снилось, что опять опоздал на урок.

Стою виновато у двери класса, ожидая когда учитель скажет:

– Опять опаздываешь, Агеев? Иди, садись на своё место – всё равно наврёшь, что спасал кошку.

Сев за парту открыл портфель, чтобы выложить тетрадь, повернулся направо к соседке Петровой и шепнул: «А какой сейчас урок?» – Петрова хитро посмотрела на меня, открыла учебник на сорок седьмой странице, на которой был виден рисунок с синусоидой...

– Итак, к доске пойдёт... – учительница сканирует карандашом классный журнал, потом смотрит сквозь очки на класс, притихший в ожидании вызова.

Я тоже, съёжившись, думал про себя: «Только бы не меня!»

– К доске пойдёт ... Петрова!

Отличница что-то бубнила, рисуя мелом на чёрной доске эти самые синусоиды.

В моём воображении по оси абсцисс волнами текла волна света, то вздымаясь вверх, то, пересекая нулевую точку, опускалась в нижнюю часть этого представления: вверх, вниз, вверх, вниз...

Я забыл, что нахожусь в классе, уносясь мысленно в представшую внутреннему зрению картину: на зеленоватом круглом окошке осциллографа непрерывно текла живая линия света, но я думал о другом – о стихах, которые сочинил во сне и не мог вспомнить о чём...

Было горько на душе и непонятно: с чего это я взял, что это были

стихи? Но это было прекрасно, волнует своей тайной.

– Агеев, очнись – послышался громкий голос учительницы – ты где сейчас находишься? В каких эмпиреях? У нас вроде бы урок математики... Итак, достали тетради и пишем домашнее задание, а ты, Петрова, садись – пять!

Неожиданно прозвенел звонок, в классе стало шумно.

– А ты, Агеев, подойди ко мне – зычно произнесла математичка.

Иду понуро, думая, чтобы такое сочинить, чтобы она отстала.

Подожёл, а она смотрит через линзы очков прямо в глаза и говорит:

– Ну, я слушаю...

Врать было бессмысленно, она всё поняла, видя мою растерянность и полусонное выражение лица. Класс опустел, а я стоял, опустив глаза, перед ней и молчал.

За окном было пасмурно, тишайший снегопад был волшебным зрелищем, казалось, хлопья падали ровно, создавая иллюзию полёта ввысь.

– Опять, что ли, белый хлеб не подвезли открытию магазина, Агеев? – спросила она улыбаясь.

– Угу... промямли я... Вон какой снег-то валил и валил всю ночь... Мы целый час после открытия магазина ждали, когда подъедет хлебовозка...

– Агеев, не расстраивайся... Слышал про позавчерашний пленум...? Ты что, совсем газеты не читаешь? Видишь портрет на стене? – сегодня его снимут. Ладно, иди...

Они вместе вышли из класса в шумный коридор.

Спустя много лет сон повторялся, а синусоида пахла горячей буханкой белого хлеба.

КОЛОТУН-БАБАЙ

Юрке снились кролики. Он их не любил из-за их прожорливости – глянешь на них: всё время жуют, жуют, жуют...

Снилось лето, мама ушла на работу в автобусный парк и наказала нарвать мешок молочая, растущего повсеместно в округе, особенно на посёлке, где живут «куркули», частники, у заборов участков которых стоял пышный травостой. Он рвал голыми руками тот самый молочай, руки покрывались тёмными пятнами от высыхающего молочка, выделяемого им и плохо потом смывался даже хозяйственным мылом.

Юрка плакал от досады, что его приятели с барака свободно бегают

по улицам, играя в прятки, или в клёк(городки) на асфальтированной части дороги, по которой изредка проезжали грузовые машины, останавливаясь у здания с надписью «Отделстрой». Он на четвереньках ползал, дёргая траву для кроликов, набивая доверху мешковину из дратвы, которую потом нёс в стайку, где за сеткой его ждали ненасытные серые твари с ушами, а в углу на насесте кудахтали куры-несушки в своих гнёздах.

Руки жгла боль от порезов об осоку, слёзы текли по щекам, было жарко и хотелось вместе с приятелями из барака залезть к куркулям в сад за спелой вишней, а потом, обсуждая комедию с Чарли Чаплиным, с хохотом подражая его походке, сидеть на лавке и выплёвывать вишнёвые косточки. Каждый день всё лето приходилось выходить с мешком и дёргать эту зелень для милых и ненавистных зверьков в клетках.

– Юра-а! Вставай! – послышался голос мамы, собирающуюся на работу, кутая шею пуховым платком и застёгивая овечью дублёнку.

Свет лампочки на потолке слепил сонные глаза Юрки и ему не хотелось шевелиться. Будильник тикал на столе, показывая пять часов утра.

– Да вставай же, наконец, я опаздываю на работу! На столе деньги на хлеб... Всё, я пошла.

Хлопнула дверь в подъезде барака... За окном горел фонарь, вокруг лампочки серебрился воздух от январского мороза.

Градусник за индевевшим стеклом окна балкона не был виден.

Босыми ногами Юрка ощутил холодный пол. Надо вставать. и идти занимать очередь в магазин – проспичь, останешься без хлеба и получишь от отчима взбучку. Днём белого хлеба не купишь, его привозят к открытию магазина мало – два лотка, которые опустошаются в пять минут, в основном теми, кто спозаранок занимал очередь.

На керогазке парил из носика эмалированный чайник.

Одевался долго, полчаса, надевал валенки с трудом, мешали толстые шерстяные носки.

Выйдя из подъезда Юрка чуть не задохнулся от морозного воздуха, защипало нос, казалось, воздух звенел и трещали сучья на тополях, слышались вдалеке паровозные гудки. Под валенками хрустел снег так громко, будто наступал на яичную скорлупу.

У закрытого магазина горела тусклая лампа, под которой уже стояли четыре хорошо укутанных силуэта

– Кто крайний? – раздался глухой голос Юрки через шарф, из которо-

го вырывался густой пар, – тётя Лида, я за вами стою.

Через полчаса очередь выросла, все молча топтались, переминаясь с ноги на ногу, ноги Юрки подмерзли в тесных валенках, приходилось постукивать одним валенком о другой – мороз был нешуточный, который почему-то называли «колотун-бабаем»...

Ждать на таком морозе два часа до приезда машины с хлебом было испытанием для Юрки, порой хотелось убежать домой погреться от нестерпимой боли в пальцах ног. Потерять очередь было чревато: уйдёшь – останешься без хлеба.

Запах горячего хлеба, который разгружали с хлебовозки, согривал душу невыразимым ощущением радости жизни: привезли только два лотка с белыми буханками.

Юрка нёс горячую буханку в задубевших от холода пальцах, откусывал тёплую корочку горбушки на ходу и был, конечно, счастлив, что успел купить хлеб...

До первого урока ещё было полчаса, Юрка бросил в деревянную хлебницу погрызенную буханку, собрал тетради в портфель, закрыл дверь комнаты, положив под коврик ключ.

Светало. Ещё горели лампочки на фонарных столбах по дороге в школу. Здание школы замаячило в конце улицы. Юрка шёл спокойно, не торопясь, встретил одноклассника с соседней улицы, о чём-то говорили до самой школы.

А с хлебозавода лёгкий ветерок доносил волшебный запах свежее испечённого хлеба.

АНОМАЛИЯ

Юрке снились мотыльки, порхающие вокруг лампочки на фонарном столбе и ночная глубина звёздного июльского неба, завораживающего и притягивающего своей невыразимой тайной.

– Похоже, что сегодня автобусы выйдут из парка на линию с опозданием. Вон что творится за окном – послышался сквозь сон голос отчима.

– Юра, просыпайся, мы пошли на работы ..Не забудь надеть кроличью шапку... Оденься потеплей... Смотри не проспай – сквозь мотыльковые сны прорвался голос мамы.

Шестой час утра. Юрка протёр глаза и вздохнул. В подъезде хлопнула дверь несколько раз. Ровно в шесть заиграл гимн в радиоточке, Юрка

на свой лад переиначил текст гимна и подпевал : «Союз нерушимый сидит под машиной и лопает кашу за нашу держа...»

– А теперь начинаем утреннюю зарядку – слышался голос диктора, – играет пианист Родионов... И раз, и два, руки вытянули вперёд...

В автобусном парке был переполох. От сильного мороза автобусы не заводились. За ворота не выехал ни один ЗиЛ, а ПАЗики дружной чередой выезжали в город. Пришлось паяльными лампами отогревать днища под двигателями, потом подсоединять к аккумуляторам клеммы от «прикуривателя»...

– Минус 47 по Цельсию, товарищи шофёры, обратитесь к выпускающему бригадиру за помощью, у него всё нужное есть, чтобы выйти на линию – раздавался несколько раз голос по колоколу, установленному над зданием диспетчерской.

Юрка шёл по тёмной поселковой улице в волнении – дойдёт ли до школы, трамвая не дождёшься, улицы совершенно пусты, ноги начали подмерзать в валенках как и пальцы рук в шерстяных варежках, которыми прикрывал нос, дыша в них.

До школы оставалось совсем не много. Окна школы были тёмными. И никого возле входа, над которым светился плафон.

Юрка дёрнул на себя ручку входной двери. Она не поддавалась. Он постучал. Слышались шаги сторожа за дверью:

– Сегодня занятия в школе отменяются. По радио сказали.

Сторож так и не открыл дверь и Юрка от отчаяния заплакал, слёзы сразу замерзали на щеках, а шарф от дыхания покрылся инеем, в глазах стоял туман, нос задубел, а в пальцах ног боль была нестерпима.

И никого из людей нет рядом – улица была пустынна и страшна – чтобы вернуться по ней через весь посёлок до дома, нужна была, казалось, целая вечность.

Отойдя метров на сто от школы, он бросил портфель в сугроб, левая рука от такой боли не залезала в варежках в карман зимнего пальто, а правой рукой Юрка закрывал лицо и нос... Варежка была в наледи от пара и царапала щёки. Юрка даже не слышал собственного рёва, он сел на сугроб... В глазах стоял предрассветный туман.

– Юрка, очнись, Юрка! – сквозь туман слышался мамин голос.

Окоченевший, он уже не чувствовал боли в ногах. Он открыл глаза и почувствовал, что кто-то взял его в охапку и внёс в тёплый салон ПАЗика. Чувство невесомости перешло в забытьё.

Очнулся Юрка дома у себя в постели, мама растирала фланелью, пропитанной самогоном, пальцы ног и рук.

– Я виновата, что отпустила в школу, прости, сынок, я не слышала по радио прогноз погоды ..– слышен был голос мамы, в её глазах блеснули слёзы...

Боль потихоньку отпускала. Юрка начал чувствовать тепло маминых рук.

Он улыбнулся. Дома было хорошо.

Убаюканный теплом Юрка заснул и ему снилось холодное звёздное небо лета, а у фонарного столба не было мотыльков.

Инна Часевич

Саров

Окончила Нижегородское театральное училище и Литературный институт им. Горького, мастерскую ТАН, киношколу «TheOneFilm» по направлению «Сценарное мастерство». Пишу сценарии, пьесы, сказки, повести, рассказы для детей и взрослых. Печаталась в журналах: «Земляки», «Нижний Новгород», «Нижегородская провинция», «Искорка», «Российский колокол», «Великороссь», «Литкультпривет», «Союз писателей», «Электронные пампасы», «Истоки», «Крылья», «Простокваша», «Приокские зори», «Дальний Восток», «Сценарии и репертуар», «Автограф», «Фабрика литературы», «Рукопись», «Нева», «Шалтай-Болтай», «Сура», молодежном журнале «Качели», сборниках «Восторг души», «Удивительные истории про кошек собак и даже хомяков» (АСТ), на «Белый мамонт», международном арт-портале «гУрУ» и др.

Сотрудничаю с саровскими газетами: «Новый город» и «Вести города», есть опыт написания материалов для Санкт-Петербургского журнала «Качели» и издания «Московская перспектива».

Призер 4 международного литературного конкурса «Лохматый друг», диплом «Финалиста и зрительских симпатий» в конкурсе «Есть только музыка одна» (2021 г.), «Финалист в номинации сказка, фэнтези» в конкурсе «Есть только музыка одна» (2022 г.), лауреат «Международного литературного конкурса им. Исаковского «Связь поколений» (2022), победитель лит. конкурса «Нижегородская область. Это моя земля» (2023), бронзовый и золотой победитель I Всероссийского фестиваля-конкурса «Литературная карусель» (2023 г.), диплом I степени литературно-педагогического конкурса «Добрая лира – II», победитель Международного конкурса прозы и поэзии для детей «Стоит в поле теремок» (2025), победитель межрегионального конкурса «Мне бы крылья» (2025), призер (2 место) конкурса им. Бориса Пидемского (2025) и др. Член Союза Дет. Лит.

ВЫЗОВ

Виктор встал в дверях. Руки подрагивали, сердце стучало, пот тек между лопаток. Он понимал, что совершает преступление, но другого выхода не видел. Переживание Ирины и страдания Федьки заглушили не только робкий голос совести, но и отняли желание искать другие средства. Тем более, что они, видимо, найдись уже и не могли. Ну, или Виктору не попадались.

– Откройте, пожалуйста, дверь, у нас другой вызов, мы осмотрели мальчика, дали рекомендации матери, Вашему сыну скоро станет легче, – молоденькая фельдшер, с опаской поглядывая на огромного мужчину, пыталась взять в союзницы бледную Ирину, выглянувшую в этот момент в коридор.

– Не станет, – Виктор упрямо мотнул головой, – вторую неделю не становится. Дважды врачи были, а толку? Вы что, не видите, как ему плохо?!

Голос мужчины срывался на неприятный фальцет, руки скребли по коридорной стене, на глаза наворачивались слезы, которые он судорожно пытался сморгнуть.

– Он уже в тряпочку превратился, его так тошнит от температуры, что он даже пить отказывается, все время у Ирины на руках. Ничего не помогает из того, что навывисывали. Ни-че-го!

– Давайте в больницу отвезем.

– Сегодня воскресенье.

– Дежурный врач есть... Назначит антибиотики.

– Третий курс? – голос Ирины сорвался на визг, – что бы он точно не выкарбакался?..

Виктор взял себя в руки и твердо закончил:

– Пока у Федьки температура не спадет, вы из квартиры не выйдете.

– Вы нас в заложники взяли? – глаза фельдшерицы округлились до невероятных размеров, – вы понимаете, что Вы творите? Это же... Это преступление!

– Да, – выдохнул Виктор.

Фельдшер немного помолчала, вздохнула и что-то быстро написала на клочке бумажки: «Вот. Купите в аптеке. Надо вколоть. Должно по-мочь». И, помолчав, добавила: «Только это, как бы сказать... Не официальный способ. Но действенный. На себе пробовала. И на своей сестре».

Пока Виктор бегал в дежурную аптеку, предварительно закрыв все замки и унеся с собой ключи, Ирина рассказывала, как они познакоми-

лись, как тяжело им дался сын, какие у нее были сложные роды и сколько всей семье потом пришлось пережить.

Через час, когда Федька заснул на руках жены, Виктор открыл дверь и начал натягивать куртку.

– Ты куда? – выскочила в коридор побледневшая Ирина, все еще прижимавшая к груди спящего сына.

– Сдаваться, – невесело улыбнулся Виктор, – в полицию. Я же людей в заложниках держал.

– Не надо! – замахала руками фельдшер, – мы не будем рассказывать. Понимаем же...

Уходя, она уже в дверях оглянулась и, глядя на изумленную Ирину, вполголоса добавила: «Я вам завидую...А Федор поправится. Я к вам завтра зайду, посмотрю, как он».

ЛЁД

Ноги разъезжались в разные стороны, руки дрожали, шапка намочла от пота и плотно приклеилась к голове. «Да, жених хоть куда... Но не уходить же! Еле-еле уговорил на каток и? Отдать ее этому...местному Казанове? Фиг!». Олег упрямо встряхнулся, запредельным усилием воли заставил себя оторваться от стенки и взять разбег. Вернее, разбег сам его взял. И в следующую минуту Олег уже летел черной молнией такой же согнутой, такой же неумолимо перечеркивающую белизну льда, и такой же опасной для всех, не вовремя решивших оказаться у него на дороге. На глазах у изумленной Леночки, которая сначала недоверчиво поинтересовалась: правда ли он умеет стоять на коньках, а потом, бросив через плечо «Догоняй», взрезала свежее отточенными коньками сверкающий лед, он неся в неотвратимо приближавшуюся стенку катка.

Встреча влюбленного и предмета его тайных воздыханий прошла «на ура». Ну, не мог же Олег признаться Леночке, что никогда в жизни не пробовал стоять на коньках! Это был бы приговор. Без обжалования и пересмотра. Не красавец, ухаживать не умеет, обычный инженер, еще и без коньков? Ужас! Чему тут нравится? Вычеркиваем. А вот этого Олег допустить никак не мог.

Едва поднявшись на дрожащих ногах, он тут же оттолкнулся и покатил в обратную сторону. Леночка с искренней жалостью, а потом с неподдельным восхищением наблюдала его челночные зигзаги и залихватские отталкивания, никак не уживающиеся с тоской во взгляде...

Младший сын получился копией Олега. Правда, кататься он научился едва ли не раньше, чем ходить.

Немного о художниках

– Подвинься! Это мое место, – алая краска бесцеремонно наступала на синюю соседку.

– В смысле твое? Вообще-то он море рисует...

– Закатное море! – веско уточнила алая, – значит, меня должно быть много, а ты оставайся внизу. Тебе там самое место.

– Нет, эта красная гамма совсем обнаглела, – вступила в разговор охра, – ну, закат и что? Я к заходящему солнцу тоже отношение имею, последний луч символизирую, между прочим, и ничего, на весь лист не собираюсь расплзаться. Краска обиженно сверкнула золотистым оттенком и немного подвинула алую, от чего та пришла в негодование и начала растекаться по холсту жирным ярким пятном.

– Неужели на эту выскочку не найдется управа? – пожевали масляными губами белила, пенящиеся барашками на воде, – госпожа кисточка, вам, что все равно – какую из нас на холст мазнуть?

Кисточка покосилась на белила, задумчиво посмотрела на картину и, неожиданно макнув голову в алую, тут же вскочила в синюю.

– А-а-а-а! – возмущенно закричали соседки и попытались разделить, однако, кисточка побежала вокруг себя, задевая то одну, то другую краску и продолжала свой танец до тех пор, пока на холсте не появилось фиолетовое море с белой пеной на качающихся волнах. Затем на картине блеснул охристый луч тающего солнца.

– Довыпендривалась? – прошипела синяя краска, пытаясь вернуть себе привычный вид.

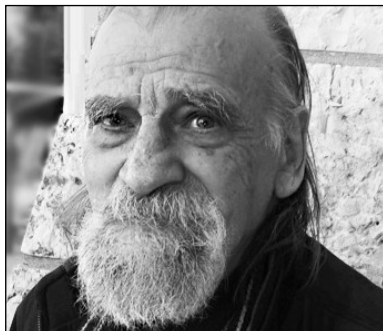
– Кто бы говорил, – алая раздраженно пошевелилась, но фиолетовый цвет держался намертво.

– А, может, так? – задумчиво протянула кисточка, зачерпнула полной мерой индиго, и на холсте воцарилось бархатно-черное небо, слившееся у горизонта с иссиня-черным морем.

– Комшар! – закричали дружно алая, синяя, охристая и даже белила. – А как же мы?!

Кисточка оглянула хост и удовлетворенно пошевелила волосами, окрашенными в черный.

«Хорошо все-таки, нам малярам – каким сказали красить, таким и красим, никаких тебе мук творчества», – Сеня окончательно проснулся и засобирился на работу.

**Ефим
Гаммер**

Израиль

Член правления международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля» – «РЭКА. Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 29 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте, 2010, «Левша» имени Н.С. Лескова – 2019, «Бриллиантовый Дюк» – 2018 и 2019, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». А также лауреат премий имени Э. Хемингуэя, Б. Пастернака, А. Ахматовой, С. Михалкова. Печатается в журналах России, США, Израйля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины «Литературный Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Наша улица» «Новый журнал», «Встречи», «Слово\Word», «Новый свет», «Наша улица», «Млечный путь», «Вестник Европы», «Кольцо А», «Журнал ПОэтов», «Зарубежные записки», «Мастерская», «Заметки по еврейской истории», «Побережье», «Русская мысль», «Литературная газета», «Российский писатель», «Время и место», «Стрелец», «Венский литератор».

Список публикаций в журналах

<http://xn--80aabgdk2dkbof7a.com/authors/gammer-efim>

ОТРОСТОК КОСМИЧЕСКОЙ МАСТИ

рассказ

НА ПЕРЕПУТЬЕ ВРЕМЁН

Сизари летели, сизари. Крыльями листали воздух, как страницы прозрачной книги, написанной для нас, но еще не прочитанной полностью.

Может быть, на треть, наполовину, или, что точнее, от первой до четвертой части.

Мы уходим от прошлого. Но прошлое не уходит от нас. Оно постоянно присутствует в сегодняшних и завтрашних поступках. Казалось бы, мы не живем в настоящем, а извлекаем его из прошлого, чтобы оно стало проводником в будущее.

«Никогда не сдаваться, не просить поблажек и побеждать, оставаясь самим собой» – эти слова по-прежнему остаются ориентирами на моем пути. На пути – туда, где время обретает законченное трехмерное значение прошлого, настоящего, будущего, замкнутого на мне.

ПРОШЛОЕ

Ведливый, омывающий сердце туман пасется над Самарией. Роняет в дрожи росу на траву, гасит звуки. Он вечен, как и эти мохнатые сопки, как щербатые, солнцем побитые камни, как одинокий верблюд, стискивающий меж горбов древнего бедуина.

Старцу за тысячу лет, как и снулой мухе на его носу. Они тихо дремлют, не беспокоя друг друга и вечность, которая сонно ложится под ноги двугорбого покорителя пустыни.

Мне бы тоже так слепо дремать. Но я за колючей проволокой. За мной военная база, напичканная какими-то, под охваты высшей тайны секретами. И мне врать предрассветную тишь:

– Эй, стой! Пароль?!

Но какой пароль у вечности?

Жизнь? Смерть?

И способна ли человеческая, пусть даже крытая изнутри нержавеющей железом глотка перекричать зыбучий туман Самарии?

Кочевник времен – верблюд – отфыркивается в глубине сопок. Мне чудится: он губасто выкатывает слюну и – харк! – с презрением на окрик, на досадный звуковой барьер, перекрывающий незыблемые его горизонты. И мерно, не меняя размеренной поступи, откатывается в свою вечность – мимо и мимо меня, мимо и мимо охраняемых мною ворот, спиралей проволоки с возвращенными за нею секретами, нужными ему, как мне его излюбленные колючки от местного саксаула.

Мы поделили колючку. Ему – его. Мне – моя.

Мои псы нервно переругиваются. Оскорбленные верблюжьей невозмутимостью, гавкают – гавкают. Гребут вдоль цепи, чтобы уже не голо-

сом, чтобы уже скрежетом ржавого металла дойти до бедуина, разорвать прилипчивую его дремоту, смахнуть с его носа муху, такую вроде бы пугливую у нас на базе.

Пес – рыжий, с вислыми ушами дворяжки – кладет мне на плечо свои лапы. Дрожь его лап отзывается дрожью на моем автомате американского производства М-16.

Туман. Противная сырость. Знобит. И солнце огромным глазом слезится на окраине неба. И ветер, промозглый живчик, колючей проволокой прорезается к нему сквозь белесую стынь.

Подана машина. Облезлый джип с водителем – восточным человеком Рами, полным каких-то пьянящих соков, как тронутый матовой пылью виноград.

Вчера на стрельбище, когда ради баловства бьют по консервным банкам, он чуть было не угробил нашего лейтенанта Ури. У парня отказал автомат, и он повернул самострельный ствол «Узи» к командиру:

– Дура! Не стреляет!

Ури инстинктивно, рывком отвел от груди погибельное оружие, и распоротое выстрелами небо обронило на землю двух голубей. Поди, догадайся теперь, не откажет ли в убойный момент у водителя и старенький, маразматически кряхтящий джип?

О чем говорят резервисты-попутчики, не связанные ни «политикой», ни «биржевым крахом», ни премьерой театра «Хан»? Они говорят о «бабах», неких двуногих существах, смазливых, похотливых, жадных до мужской ласки, как клоп до человеческой крови.

Мужчины – эти бывшие мальчики, постигшие таинство первого поцелуя в темном подъезде с разбитой лампочкой, будут говорить о «бабах» даже у Бога за пазухой. А уж если они не у Бога за пазухой, да к тому же в солдатской форме, то им – о «бабах» – сам Бог велел.

У каждого мужчины (в израильской армии) должно быть – про запас, на случай дальней дороги – «Дон-Жуанское прошлое». Рами был человек восточный, он не слышал о Дон Жуане даже после рождения второго ребенка. Но о «бабах» он все распрекрасно знал. Правда, видел в них не «баб», а соседских девчонок, которых до пятнадцати лет надо было манить «арктиком» – мороженое на палочке, а после пальчиком, обмотанным для приличия шекелевой ассигнацией.

И это его «видение» представляло мне какой-то плоский мир, где ожидание уступало мановению пальца, а от эмоционального взрыва не

оставалось в закоулках памяти ничего – даже мелких чувств.

И сейчас, сколько Рами не пылил мне мозги своими блуждающими сновидениями, не мог – да и откуда? – выхватить ни одного, равного моему.

Где он найдет эту просветленность глаз с преждевременной, ухватившей все слезой?

Эту закаменелость руки с дымящейся чашкой кофе?

Этот скульптурно-мертвый поворот головы?

Эту скользкую тишину, по которой катишься, катишься в непоправимость?

– Слушай, друг-маэстро, – сказал мне Рами, когда мы въехали в иерусалимский район Катамон, следом за которым начиналось мое Гило, где в незапамятные времена будущий царь Давид, а тогда вифлиемский пастушок пас своих коз. – Сделай одолжение, дай мне сотенную бумажку. Верну – не забуду.

Я посмотрел на него: в глазах кобелиная «чумливість», на лице блудливая улыбка. Рами надавил на клаксон и, не сомневаясь в моей кредитоспособности, протянул руку за платежеспособной ассигнацией.

– Вон там ждут, – поспешно добавил, видя, как из примеченного мною окошка выглянула рожица с барашковыми завитками волос и приветливо кивнула ему. – Я мигом. Должок верну и назад.

У него жизнь – в разлете. А у меня?

Будущее размыто, прошлое похоронено. Настоящее – пять минут до двенадцати, пулевые пробоины глаз, круговерть голубой акварели.

Миша! Мишаня! Если бы ты знал, как тяжело жить в настоящем, когда будущее размыто, прошлое похоронено, и нет ничего в порочной связи времен, что могло бы окропить память живой водой.

Передо мной чашка кофе, а в ней, в ее глазуированном болоте, отражение мертвых моих чувств.

Крутится, крутится, крутится голубая акварель. Твоя акварель, Миша. Твой автопортрет с пулевой пробойной глаз.

Твои голубые тона – холодны. Есть в них небо, но нет в них жизни. Мерзко тебе, Мишаня, там, на фоне замшелых сопок. Мерзнет в руке автомат, зябнет на заиндевелом пальце перстень. Помнишь, ты мне говорил: на перстне миниатюра твоей жены. Но нет у меня увеличительного стекла. Наверное, ты изобразил свою Таню в самых радостных красках. Но что может дать ей сейчас свечение твоей радости? Даже глаза, и те, долж-

но быть, выщвели у нее, как услышала от меня по телефону, что ты погиб.

Зачем ты погиб, Миша? Не проще ли было упредить выстрелом смерть? Почему я должен был стрелять за тебя? Чтобы спасти уже свою жизнь?

Кто ответит? Не Бог и не герой. А уж тем более не Рами.

Ждал я его недолго.

– Ну, друг-маэстро?

– Что?

– Ты готов?

А в глазах у него уже никакой кобелиной «чумливости», тоска собачья в его глазах.

– Я готов.

– Курс на Гило, – выдохнул Рами, и затих, ожидая от меня каких-то знаковых слов.

Но каких слов? Что ему сказать?

– Поехали! – сказал я.

Солнце огромным глазом светится на окраине неба. В той точке, где оно касается земли, ждут меня к ужину. Обещал добраться до вечера. Вот и добрался, как и обещал, до вечера.

БУДУЩЕЕ

Небо пишет свою историю, люди – свою. Несоединимо, слишком большой разлет во времени. Вселенная существует миллиарды лет. А мы, люди, в том активном состоянии разума, когда обрели способность разбираться в глубинных процессах природы, пожалуй, всего один век, меньше одной космической секунды. Отчего же нам теперь не додуматься до того, что вселенная или те силы, которые ей управляют, не контролируют нашу деятельность? Тысячи лет нас держали в каменном веке, затем бронзовом, железном, хотя ископаемыми планета была богата и в прошлом. А понадобилось, снабдили необходимыми знаниями для прогресса, и мы всего за одно столетие прошли путь от конной упряжки до баллистических ракет и выхода в космическое пространство. Все бы нам витать в облаках, но непозволительно, когда под ногами земля, в руках пульт от телевизора, а на календаре 9 мая – День Победы.

Почему бы не поднять чарку? А две? А три?

– За столом никто у нас не лишний, с каждым днем все радостнее жить, – напевал давнюю, тридцатых годов, песню мой двоюродный брат

и временами армейский сослуживец Гриша Гросман. Левой рукой он обхватывал плечо жены своей Инны, а правой помахая в такт. Причем, без опаски расплескать стакан с водкой.

Мне это напоминало старый фильм. Но какой – вспомнить не удалось. Главное, что помнилось, он о войне и оставлял хорошее впечатление. Точно такое, как и положено сегодня. День Победы! Провозгласим тост, прочитаем стихи. Какие? Разумеется, мои... На случай...

Оглянуться? Некуда и нечем.

Вдаль взглянуть? С рожденья недосуг.
 В перевертыше наш мир не безупречен.
 А не в перевертыше? Но вдруг
 он, как яблоко, разламывается в теле,
 изгоняя суетность и страх.
 На земле мы жили, как умели.
 Поживем, как сможем, в небесах.

Стихи почитали. А теперь? Теперь послушаем, что говорят люди. А люди в Израиле, в особенности за рюмкой, говорят то, о чем пишут в России. Сегодня, в День Победы, пишут они... Нет, не о штурме Рейхстага, не о взятии Берлина, а о генерале Власове и его армии.

27 июня 1946 года, пишут они, на заседании Политбюро генерал Власов вместе с его соратниками был заочно приговорен к повешению. Через неделю начался суд, который, естественно, проходил при закрытых дверях. Почему – при закрытых? Объяснение просто: чтобы наружу не просочился слух, будто идеологическое санкционирование на создание Власовской армии произошло по воле Сталина. По его воле, но, разумеется, не хотению. Дело в том, поясняют диссиденты, что в РОА – русскую освободительную армию бывшие советские солдаты, ставшие узниками немецких концлагерей, начали активно записываться добровольцами только после разгрома фашистов в Сталинграде и на Курской дуге. Иными словами, в ту пору, когда исход войны уже был ясен. Казалось бы, самое разумное при таких обстоятельствах – это пересидеть до освобождения за колючей проволокой, а не превращаться в пушечное мясо. Но... Статистика говорит об ином. Что же послужило стимулятором для записи в добровольцы? По утверждению психологов, знаменитая Сталинская фраза: «У нас пленных нет, у нас есть только предатели». Она показала, что будущего у военнопленных нет. По возвращению на Родину их ждет смерть, либо ГУЛАГ.

Так что, если прибегнуть к логике диссидентов, идеологически именно Сталин санкционировал создание Власовской армии.

Впрочем, может быть, дело вовсе не в логике, и не в Сталине. А в чем? В сослагательном наклонении, которого, как ни ищи, в истории не существует.

– За Победу!

И мы выпили, чтобы снова налить и снова выпить.

Налить, выпить и вспомнить. Мне и вспомнилось. Вернее, представилось.

НАСТОЯЩЕЕ

Рига. Февраль 1992 года. Кафе-бар...

Что это? Нет, ничего, просто...

Познание мерцает и остается. В лабиринтах мозга? В памяти? А душевная боль? Где она остается? И кто укажет на ее присутствие, если внешне это присутствие никак не обнаружено?

Я улыбаюсь. Вернее, делаю вид, что улыбаюсь. Но глубинное непонимание происходящего мучит сердце. Плюнуть бы на все происходящее! И исчезнуть! Однако как исчезнуть из бара? Не подозревая предварительно официантку? Не расплатившись?

Подзываю. Расплачиваюсь.

Но... сидящий напротив человек – тот, именно тот, кто вызвал во мне эту мешанину чувств – заказал еще два коктейля «Кровавая Мэри» и сказал мне:

– Угощаю...

Ну, как тут подняться с места? Как убежать от самого себя, когда и бежать некуда, да и бежать поздно?

Я не оговорился – от самого себя.

Напротив меня в облюбованном нами, сотрудниками газеты «Латвийский моряк» баре, прозванном «Шкафом», за фужером с томатным соком, приправленном двойной граммолькой водки, сижу я сам. Но возраст... возраст... Мне, сидящему напротив, не более 24, как в конце шестидесятых, когда в Сигулде, выйдя из палатки, я повстречался на берегу Гауи с летающей тарелкой.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Было это так, как и сказано в моем давнем очерке «Странности в небе Латвии», из которого и подверстываю отрывок.

Итак...

Мы раскинули палатку на берегу своенравной Гауи, разложили костерчик, открыли бутылочку. У нас в наличии все: и выпить, и закусить, и хорошее настроение. И поговорить было о чем – без «лишних» ушей. Представляю компанию: брат мой Боря, его Тамара, я и моя Галка Волошина, сокурсница и подруга Бориной жены.

Ближе к ночи, когда стало смеркаться, мы залезли в спальные мешки: по двое в один, соблюдая туристический принцип: пусть в тесноте, зато в тепле. Боря с Тамарой. Я, понятно, с Галкой. И сделали вид, что заснули, прислушиваясь к равномерному дыханию соседей, чтобы определить, когда они отключатся от нашей действительности. Тот, кто был молод и регулярно выезжал на выходные с палаткой за пределы коммунальных квартир, прекрасно поймет, почему мне и Галке не спалось. Не спалось, и все тут!

– Извини, – пробормотал я, вылезая из мешка. – Я на минутку.

Реакция на сухое вино – известная. Требовалось опорожнить мочевой пузырь. Я выбрался из палатки, и первое, что бросилось в глаза: это раскаленные угли, ярко попыхивающие искрами. «Придется на обратном пути водой их залить, а то еще ветерком разнесет – и пожар, – подумал я и вышел на отвесный берег. Подо мной, на глубине чуть ли не в десять метров, светилась Гауя, любящая завлекать неосторожных пловцов в омуты и водовороты. Но сверху она выглядела совершенно не опасной. И мне вдруг вспомнился детский, хулиганского толка стишок: «На берегу реки Дуная Пушкин слил на Николая». Вспомнилось, и я последовал примеру Пушкина, отнюдь не помышляя об унижении какого-либо Николая.

Косая струя, не рассеиваясь в воздухе, скользнула с десятиметрового обрыва к воде, прямоком в центр лунного отражения, которое... Которое было внезапно покрыто волнистой тенью. Я поднял глаза вверх, и увидел прямо перед собой, метрах в ста, летающую тарелку, попыхивающую изнутри жемчужным огнем, с иллюминаторами перламутрового свечения. Долго ли длилось мое удивление? И испытал ли я его вообще? Понятия не имею. Знаю лишь одно: в какой-то миг я почувствовал не-

ловкость оттого, что меня заснимут космические фоторепортеры не в очень приличном виде. Подумав о том, что «у советских собственная гордость», я опустил глаза долу, чтобы застегнуться. А потом, когда вновь устремился к небу, чтобы позировать в надлежащем для первой полосы виде, то, оказалось, не перед кем уже выставляться. Тарелки и след простыл. А вот там, где она была, небо посветлело, да и везде во-круг. Я обернулся к палатке, вспомнив, что так и не загасил искрящие угли. К моему недоумению, костер прогорел вовсе, угли превратились в серый порошок, будто и для них, как и для неба, время переключило коробку скоростей, и в те две-три минуты, необходимые мне для освобождения мочевого пузыря от излишков сухого вина, вместило несколько часов.

В палатке все спали крепким предутренним сном. Я не стал никого будить, пристроился на пеньке рядом, раскрыл походный блокнотик и стал эскизно по памяти набрасывать привидевшуюся небесную тарелку и описывать свои впечатления...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИГУ 1992 ГОДА

Все мы помним слова Гераклита: «В одну реку нельзя войти дважды».

Из его книги «О природе» сохранилось всего несколько десятков фрагментов. Вот подлинная цитата: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды и нельзя тронуть дважды нечто смертное в том же состоянии, но, по причине неудержимости и быстроты изменения, все рассеивается и собирается, приходит и уходит».

Так писал древний греческий философ, который, как гласит легенда, отказался от царского трона, предпочитая и дальше жить в «умственных» представлениях о мире, нежели взваливать на себя груз земных проблем и забот.

О том, что в одну реку не войдешь дважды, мы усвоили с детских лет. Но с очевидностью осознаем это, когда после долгих лет отсутствия оказываемся в родных местах. Вокруг десятки лиц, и ни одного узнаваемого. Нет, здесь не все – чужие люди, здесь те, с кем встречался прежде, общался, сидел в кафе или на редакционных летучках, но как они не похожи на самих себя. Встреть кого-либо на улице, не узнаешь, пройдешь мимо.

11 февраля 1992 года в Латвийском обществе еврейского культуры открылась моя персональная выставка. Графические работы были раз-

вешены по стенам, а в центре зала я, сидя за столом, рассказывал об Израиле, о службе в армии, творчестве, о своих повестях и романах, печатающихся в разных странах, о том, как внезапно, словно по мановению свыше, стал в сорок лет художником. А в голове машинально крутилось: «о том, что все течет, все меняется, мы знаем с детских лет. Для одних это сказал Гераклит. Для других это библейская мудрость: с незапамятных времен известна притча о перстне царя Соломона, на котором была выгравирована надпись: «все пройдет, пройдет и это». А для меня? В данный момент – «скорей бы это прошло!»

Внезапно почудилось: я смотрю в зеркало более чем двадцатилетней давности – человек, стоящий у рояля, будто сошел с моего фотопортрета, сделанного на Гауе следующим утром после того, как я повстречался с НЛО.

Я указал на странного посетителя выставки кинооператору, снимающему фильм о моем выступлении. Но он, то ли не понял значение моего жеста, то ли запоздало в нем разобрался, во всяком случае, когда повернул объектив к роялю, там уже никого не было. И я растерянно продолжил свою речь, направленную к бывшим соотечественникам:

– Недовольные евреи в семидесятых стали покидать Советский Союз. Люди, недовольные их отъездом, развалили впоследствии весь Советский Союз. Те, кто ныне живет в освободившихся от СССР странах, недовольны по-прежнему. Одни развалом Союза, другие прихлынувшей свободой, которая не деньги, чтобы наполнить карман. Французы говорят: «Се-ла-ви». В Израиле бывшие советские евреи говорят на иврите: «ие тов! – «будет хорошо». Может быть, поверим им?

– Мы тебе поверим! – раздался женский голос, будто не из глубины зала, а из глубины памяти.

Странная особенность человеческого голоса мне запомнилась с давних пор: сколько времени ни пройдет, а голос, вернее его звуковая окраска, не меняется. По телефону можно узнать человека, исчезнувшего с твоих горизонтов пропасть лет назад. А при встрече с ним же... Это мы уже проходили. Даже, скажем так, сегодня, в первые минуты открытия выставки, когда пожимал руки, обменивался добрыми пожеланиями и не мог представить, кто это скрывается за сединой, выцветшими глазами и возрастными морщинами.

– Как вы относитесь к женщине? – послышался тот же голос.

– Серьезно.

– А если шире?

– В организме женщины 206 костей, но любящий мужчина почему-то этого никогда не замечает – не рыбу ест.

– Фима! Значит, ты меня узнал?

– Мы были на ты?

– Ну, и закомпасило тебя! Невпроворот!

Что? Где? Да не может быть! Почему? Потому что такого быть не может вообще. Альяна? Здесь? После стольких лет разлуки? Нет, не она! Там, за роялем, в полутьме – не «ягодка опять» под пятьдесят, а какая-то девчонка, лет восемнадцати. Светлые волосы. Глаза? Не разглядеть! Росточка моего. Улыбка?

А черт его знает, кто это! Но поднимается со стула, приветливо взмахивает рукой... Стоп! Стоп! На внутренней стороне ладони, у большого пальца синеватый отсвет татуировки. А если... если? ГЕМ? Не рассмотреть без бинокля. Приподнимаюсь со стула, однако девушка вместо того, чтобы направиться ко мне, идет к двери.

«Подожди!» – задыхаюсь в немом крике.

Как поступить? Не бежать же на виду у всех за незнакомкой, когда в зале ждут от меня рассказов об Израиле и допытываются: «ехать – не ехать», будто я представитель Сохнута, агитатор и пропагандист. А я не то и не другое, я – просто я, гость Риги, приехавший после тринадцати лет отлучки и не находящий здесь практически ничего родного, кроме вышербленного булыжника на мостовой. Каждая выемка мне знакома, а люди – лишь памятни.

Альяна? Я помню тебя тринадцатилетней. Той, ослепительно прекрасной русалкой Рижского залива, что поклялась любить меня до смерти. Как мне распознать тебя в этой улыбчивой девушке – не твоего истинного возраста? Какой-то оптический обман! Свихнуться можно. «Не дай мне Бог сойти с ума, уж лучше посох и сума». Альяна! Господи! Откройте окно! Воздуха, мне не хватает воздуха! Я беспомощно взглянул на проложенное ватой окно и увидел на подоконнике двух нахохленных голубей. Мне не доставало воздуха, им тепла. Остановись мгновенье, позволь прикоснуться к вечности.

Если бы жизнь не бежала все время вперед, оставляя позади многое, а накапливалась со всеми подробностями и мелочами в каком-то доступном посещению складе, либо личном музее, то, наверное, можно было бы пережить все заново и восстановить утраченную память. По моим

предположениям, так и происходит, но люди не знают местонахождения этого склада, либо музея и плутают в потемках памяти, которая зачастую обманчива.

Альяна? Она ли? И не у кого спросить? Или есть у кого?

Рига была для меня пуста. Нет, на тротуарах пешеходы, на проезжей части машины. Но ни одного приветственного кивка за весь день блуждания по городу, это кого угодно выведет из себя. А если выведет, то назад в себя не сразу приведет. Поначалу поблуждаешь, как сомнамбула, в неведомом пространстве, в непонятном измерении, словом, куда ноги, лишённые логики, приведут. И будешь в уме, тоже лишённом логики, завидовать любой приبلудной собаке. У нее чутье, возьмет след, и...

– Гав! Гав! Здравствуй, Альяна!

– Давно не виделись, тут так все изменилось.

– По тебе не скажешь.

– Эйнштейн был прав.

– Ты о скорости света?

– И времени.

– Замедляется?

– По мне не заметно?

– Мне бы твои скорости.

– Тогда иди за мной, и вернешься в свою молодость.

– Как это?

– А так! Иди за мной.

– Но где ты?

– Там, где твоя молодость.

В мозгах засело – «молодость». Почему «молодость», а не детство, когда я познакомился с русалкой Рижского залива?

Молодость... Газета «Латвийский моряк», поездки с палаткой на Гаую, посиделки в баре по прозванию «Шкаф».

Газеты уже нет, палатка тоже отсутствует.

Ноги сами собой привели в бар.

«ШКАФ»

Настоящее время тем и тяжело для восприятия, что преходяще. Пользуйся им, радуйся моменту, но нет – строишь планы на завтра, думаешь о прошлом. Иногда страшно становится: это когда прошлое никак по логике вещей не втекает в настоящее и не имеет реального будущего.

Слишком сложно? Не врубиться? Но все же попробуйте разобраться, попробуйте понять, как это могло случиться, что передо мной за столиком в баре сижу я сам, правда, в два раза моложе нынешнего, и с привычной охотой попиваю через трубочку коктейль «Кровавая Мэри».

В будущем, в феврале 1997 года, человечеству доложат: в шотландском институте Рослина рождена путем клонирования овечка Доли, что произведет потрясающий эффект на умы наших современников, помышляющих о бессмертии.

В прошлом, в середине пятидесятих годов, появились наукообразные сообщения о получении при помощи генетического материала соматической клетки идентичного организма. Тогда ученые пересадили ядро клетки головастика в икринку лягушки, и на белый свет вылез новый головастик, знаменуя рождение эпохи клонирования.

В настоящем, в 1992 году, видится только Божественное решение возникшей проблемы. Помните, как Всевышний создал Еву? Из ребра Адама. Чистой воды клонирование, хотя этого слова не существовало ни в день Акта Творения, ни в день сегодняшний. Слова нет, а человек есть. Вот он, рядом, можно пощупать. Но лучше чокнуться.

Чок?

Чок!

Бокалы с густым томатным соком издают скорей глухой стон, чем певучий звон. Но если заменить их на рюмки, и заказать графинчик водки грамм на триста, то...

Впрочем, какое отношение звук имеет к происходящему? Никакого! А что имеет? Водка! Да она, спасительная. Выпил рюмочку, выпил вторую, и полегчало. Чего не бывает в жизни? Близнецы? Бывают и близнецы, что внезапно встречаются через годы, через расстояния. И не беда, что одному сорок семь, а другому...

Ой, Боже, лишь бы не сойти с ума! Пусть будет так: он опоздал с развигитием... задержался, так сказать... остался в моей молодости на второй год, как я некогда... или на третий, или на двадцать первый. Я из-за фильма «Два капитана». Он из-за меня. По причине подражательства. Все так просто, как дважды два. И никаких вопросов.

Чок?

Чок!

– Кто ты? – говорю я, не произнося ни слова.

– Ты! – отвечает он, и тоже молчком.

Странно это. Но факт. Мы говорим, не открывая рта. Как это может быть? Не знаю. Однако незнание не опровергает того, что происходит наяву.

- Откуда ты появился?
- Из тебя?
- Когда?
- В тот час, когда ты загляделся на летающую тарелку.
- На Гае?
- На Гае.
- Меня похитили?
- Временно.
- Но я не почувствовал этого.
- Никто не чувствует.
- Зачем?
- Что «зачем»?
- Зачем похитили?
- Это ты спроси у Альяны.
- Девочкой обещала любить меня до конца дней своих.
- Она и любит.
- Старика?
- «Своего Фимку».
- Как так?
- А так! Посмотри на меня.
- Вот оно что...
- По ее просьбе и похитили тебя...
- Чтобы создать?
- Да, меня, «своего Фимку» для Альяны.
- Что же получается? Ты вроде живой игрушки?
- Нет, вполне живой человек. И все твоё, что было от рождения до встречи с летающей тарелкой, во мне. И Альяна, и Милка-копилка, и Юргис – все! Но...
- Что еще?
- Хотелось бы знать, осуществились ли мои... наши... мечты той поры?
- Много будешь знать, скоро состаришься.
- Я никогда не состарюсь. В этом возрасте останусь навсегда. Так это устроено с воспроизведением человекoв. В каком возрасте их взяли, в

таким они и остаются

- Альяна?
- Альяна – не воспроизведение. На Земле и она состарится.
- А там?
- Не знаю.
- Ты ведь был там! Почему не знаешь?
- Как я ступаю на землю, воспоминания полностью отключаются.
- Чтобы не проболтался, где был, что видел?
- Так это устроено. На земле я земной человек, с твоим прошлым в

памяти.

- А будущее?
- Его добиваться мне самостоятельно.
- Ну, так добивайся, а я пошел.
- Куда ты?
- От наших разговоров мне что-то...
- Это от водки. Паленая.

Я поднялся и, чуть пошатываясь, направился к туалету.

Рвало меня долго и противно, на лбу проступала испарина, в животе когтисто скреблась всякая сволочь.

Наконец стало легче, я сполоснул лицо, протер губы мокрой салфеткой и вернулся к «своему скелету в шкафу».

Но в баре уже не было «своего Фимки». Под бокалом с «Кровавой Мэри» лежала квитанция счета, поперек нее моим почерком было написано: «Мы еще встретимся».

Я подозвал официантку.

- Сколько вам должен?
- Все оплачено, – сказала она. И спросила: – Это ваш сын?
- Сын, – соврал я с тяжелым сердцем.

Правильнее было бы сказать: отросток... космической масти.... Но правды подчас не скажешь, даже если очень хочется.

Такова жизнь – «се-ла-ви»...

Людмила
Чеботарёва
(Люче)

Ноф-ха-Галиль, Израиль

ВИШНЁВОЕ ВАРЕНЬЕ БЕЗ КОСТОЧЕК

Стук-перестук, тук-тук, тук-тук...

Любаше семь лет. Она впервые путешествует. Вместе с папой едет на поезде к дедушке с бабушкой — набраться сил перед школой.

Дед Соломон

Дед чудной: папу зовёт не Лёвой, а Лейбом. И она для него не Любочка или Любаша, как дома, а какая-то Либи. Иногда он даже обращается к ней: «Сердечко моё!».

Дед — художник, поэтому вечно перепачкан красками. Любаша ходит с ним на «этюды». На самом деле это просто полянка в лесу, где дедушка рисует дерево, а она сидит на пеньке и плетёт себе венок из солнечных одуванчиков. К пеньку прилепилась семейка грибов на высоких тонких ножках. По шляпке ползёт упитанный белый червячок. Любаша взвизгивает. Дед отрывается от мольберта: «Что там, Либушка?»

Любочка потихоньку привыкает к новому имени. Ей нравится, как ласково называет её дед.

— Деда, убей этого гадкого червяка!

Дед Соломон хмурится:

— Нельзя, сердечко моё, вдруг это сам волшебный червь Шамир?

— Вол-шеб-ный?! — в глазах Любочки загорается огонёк любопытства.

— Ещё какой!

И начинается сказка: «*Давным-давно...*»

— Сто лет назад? — Любаша совсем недавно освоила счёт до ста.

— Нет-нет, Либушка, гораздо раньше. Слушай да старших не перебивай.

Три тысячи лет тому назад, на четвёртом году своего царствования, царь Соломон...

— Ты был царём, деда?! — глаза у Любочки стали большими и круглыми.

— Ну что ты, Либи, с тем царём у меня лишь имя совпадает, — он строго смотрит на внучку: мол, опять перебиваешь?

Царь Соломон приказал привезти для строительства Иерусалимского Храма огромные глыбы. Но вот незадача: чем же их обрабатывать? Ведь камни эти — священные: их нельзя ни ножом резать, ни пилой пилить, ни топором рубить. В святом месте не должно быть никакого железа, которое может послужить оружием. Что же делать, как быть?

Тут один советник и подсказал царю: «Слыхал я, что есть на свете странная штука такая: орех — не орех, зверёк — не зверёк, величиной всего с ячменное зёрнышко. Шамир называется. Очень он сильный, этот шамир. Легко разгрызает на части камни, стекло и даже железо.

Царь Соломон приказал немедленно найти это диво дивное и доставить на строительство Храма. Отправились слуги царские на поиски. Долго блуждали по свету, в конце концов отыскали то, что велено. И, о чудо, шамир справился! Вскоре вырос в Иерусалиме прекрасный Храм.

— Когда-нибудь, Либушка, и ты построишь свой. А пока давай-ка поспешим домой. Бабушка нас заждалась небось.

Бабушка Лея

Бабушка тоже немножко странная: часто плачет, иногда забывается и бормочет слова на чужом языке. Дед говорит, это на немецком, что-то про душ. А ещё она всегда носит платья только с длинными рукавами, даже в несусветную жару.

Однажды Любаша подсмотрела, как бабушка Лея моется. На левой руке у неё маленькие синие цифры. Ну и подумаешь, простые цифры — прятать-то их зачем? Любочка послунила химический карандаш и нарисовала себе такие же. Дед заставил стереть — не-мед-лен-но!

После ужина бабушка Лея накрыла стол к чаю: на круглом блюде высокая горка пышных золотистых оладий, вокруг — соусник со сметаной, розетка с густым янтарным мёдом, вазочка с вишнёвым вареньем.

Любаша обожает вишнёвое варенье. Косточки можно долго держать во рту и сосать как леденцы, пока на них совсем не останется сладкой мякоти. Можно обстрелять ими соседского Славку — пускай не обзывается! А если расколоть косточки пестиком в старой медной ступке, остаются ядрышки. Их можно жевать — вку-у-усно!

В бабушкином варенье косточек нет. Но какое же это варенье — без косточек?!

— Спасибо, бабуленька! Только ты лучше в следующий раз варенье с косточками вари, — советует Любочка.

Бабушка вдруг сильно побледнела, прерывисто задышала и грузно опустилась на стул. По щекам её катились слёзы, но она их не вытирала.

Любаша бросилась к ней: «Баба Леечка, дать водички?»

Но бабушка закрыла глаза и забормотала: «Schnell!.. Schnell!..»

Будто что-то вспомнила...

... Alle in die Dusche! Alle nackt ausziehen! Schnell! ¹

— Лея, доченька, это конец?

— Не бойся, мамочка, это просто душ. Нужно быстро раздеться, и мы, наконец-то, сможем помыться.

Народу в душевой очень много.

Тысяча?

Две?

Или три?

Голые люди, давно забывшие про стыд, жмутся друг к другу и ждут, когда откроют вентили. Все уже знают, что это будет не вода...

Что-то зашипело, и появился резкий, горьковато-пряный запах — так пахнет изо рта, если съесть большую горстку ядрышек от вишнёвых косточек... ²

Внезапно шипение прекратилось, дверь камеры открылась и нас выгнали наружу. Видно, произошла какая-то поломка.

Значит, не сейчас... Господи, спасибо!

Потом приехал врач. Бабушке сделали укол.

«Что я наделала!» — рыдала Любаша. «Бабушка теперь умрёт?».

Дед тихо погладил её по голове и легонько прижал к себе.

— Всё будет хорошо, Либушка. Только ты при бабушке больше никогда не упоминай вишнёвое варенье с косточками. Ладно? — и дед стал рассказывать внучке трудную историю их народа. А потом тихонько напевал колыбельную на маме-лошн. Пока она не уснула.

Когда Люба вернулась домой, то попросила маму больше никогда не варить вишнёвое варенье с косточками. А в школе сказала, что её зовут Либи.

¹ Alle in die Dusche! Alle nackt ausziehen! Schnell! (нем.) — Все в душ! Всем раздеться! Быстро!

² В вишнёвых косточках содержится синильная кислота, которая добавлялась в газ, использованный для массового уничтожения людей в лагерях смерти во время Второй мировой войны (1939 – 1945)

*Мила
Мамвеева*

Мельбурн

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. До приезда в Австралию работала на радио города Ташкента, как оператор и участник литературно – поэтических программ на русском и узбекском языках.

СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ

В мае 1968 года, в провинциальном городе Курган, в семье музыканта, педагога, композитора и красавицы–цыганки, умеющей лечить людей и страстно исполнять романсы, родился сын Максим. В тот же день в доме появилось пианино. В детском саду на музыкальных занятиях, пел и танцевал с одной и той же девочкой, опекал ее, относился очень ревностно и, как вспоминал позже, считал Леночку своей первой любовью.

В младших классах школы – любил ездить в деревню к деду–цыгану, так как жил там забавный поросенок Борька. Максимка подолгу играл с животным, собственноручно соорудил грабельки для почесывания спинки любимцу. Смешно было наблюдать, как тот млеет от удовольствия. Дед спрашивал об успехах в школе. Внук радостно рассказывал о друзьях и о том, какой вкусный томатный сок вприкуску с хрустящими пирожками в школьном буфете. Шло время, Борька вырос и почти полностью занял отведенную для проживания территорию.

В один из приездов, дед встретил внука и поднес стакан с яркой жидкостью.

– На, пей.

– Что это?

– Томатный сок. Абсолютно доверяя деду, Максим пригубил и понял,

что это не сок, но старый цыган не дал отстраниться от стакана и заставил выпить до дна.

– Вот теперь, ты – настоящий мужик! – торжественно произнес он.

– Но что это было, дед?

– Это кровь Борьки... Не поверив своим ушам, мальчишка метнулся в свинарник. Его любимца там не было. На полу валялись раздавленные грабельки. Только что выпитое, бурно вырвалось наружу. Очень долго чувство сильного потрясения жило в детской душе. Лишь после кончины деда, боль обиды и пережитого ужаса немного поутихли.

А пока, прилежный ученик вышагивал в своих любимых с детства кирзовых сапогах, по лужам любой глубины, в музыкальную школу по классу фортепиано. Учился хорошо и долгое время ни родители, ни учителя не подозревали, что к урокам Макс не готовился, а, обладая феноменальной памятью, все запоминал во время показа преподавателем любого нового произведения. Уже тогда любимыми композиторами стали Моцарт и Бетховен.

Когда старшему сыну семьи Фадеевых исполнилось семь лет, родился Артем. Теперь у Максима появились новые обязанности: присматривать за малышом, возить в коляске на прогулку, но и самому хотелось во двор, к друзьям, где сформировалась своя компания, рождались новые интересы и увлечения, порой небезопасные. Синяки и шишки считались обычным делом. Нередко случались драки с серьезными последствиями. Улица воспитывала и не всегда правильно.

Однажды, после полудня, Максим со спящим в коляске братом, вышел на улицу. Подросли друзья, увлеклись игрой, и все забыли о ребенке... Ближе к вечеру Макс вернулся домой один.

– Где Артем?! – всполошились родители. Макс пулей вылетел во двор. Коляски нигде не было. Он бежал, задыхаясь, по улице все дальше и дальше, пока не увидел скопление людей у магазина. Подъехала милицейская машина. Неистово кричал малыш. Без сомнения, то голосил голодный Артем. Сердобольные женщины пытались успокоить ребенка, но тщетно, в свои шесть месяцев от роду, он легко отличал чужих от своих.

– Дайте, дайте мне его! Это мой брат, я его потерял, – кричал Максим, пробиваясь сквозь толпу. Оказавшись на руках старшего брата, Артем мгновенно успокоился. Домой вернулись затемно. Макс прибывал в таком состоянии, что родители даже не посмели его ругать и уж тем более

наказывать. Больше подобного не повторялось.

Идя на занятия в музыкальную школу с папкой для нот, Максим слышал обидные подтрунивания от пацанов своего двора. Так как ходить с подобной папкой считалось уделом девочек. Но он слишком сильно любил музыку, чтобы обращать внимание на издевательства сверстников. Однажды все поменялось. Максим, выучившись у отца несколькими гитарными аккордами, продемонстрировал умение во дворе. Авторитет среди мальчишек вырос до небес, когда к аккордам приросли еще и собственные стихи. Насмешки прекратились.

Врожденный порок сердца не мешал жить и то время, что предназначалось для занятий музыкой, втайне от родителей, отдавалось спорту: боксу и айкидо. Но в семнадцать лет все же возникла необходимость пройти обследование в отделении кардиологии Новосибирского Академгородка. Врачи приняли решение об операции, во время которой сердце Максима остановилось. Оно не билось семнадцать минут и спасти жизнь могло только чудо. И этим чудом стала хирург–кардиолог Елена Евгеньевна Литасова с ее высочайшим профессионализмом и безграничной любовью к людям. Она мгновенно приняла единственно правильное решение – вскрыть грудную клетку по всей ширине, убрать два ребра и сделать массаж на открытом сердце. На ее ладонях сердце Максима вновь ожило! Так и вышло, что с тех пор у него две матери и два дня рождения. Хотя сама Елена Евгеньевна, несколько десятилетий оперирующая сердца людей, имея по три–четыре операции в день, человек невероятной скромности. Доктор не считает свою работу чудодейством. “Я всего лишь проводник от Бога. Он выбирает любимцев и посылает проводника”.

Во время своего “отсутствия” в этом мире, Макс не видел никаких райских пейзажей и длинных тоннелей со светом в конце, он ощущал себя светящейся пылинкой, мгновенно, с необыкновенной легкостью, перемещающейся в любое место по желанию и после операции он стал видеть мир иначе, появилась способность прочтения мыслей человека, сидящего напротив.

Жизнь вернулась и забурлила с новой силой. Теперь он учится в музыкальном училище сразу на двух отделениях: фортепианном и дирижерском. Музыка захватывает полностью. Созданная группа “Конвой” становится известной в родном Кургане и за его пределами. Начинаются концертные поездки, появляются первые деньги, поклонники и за-

вистники. После одного из концертов, на музыкантов напала местная “братва”, завязалась неравная драка, в ходе которой разбиты инструменты и отобрали деньги. Макс, жестоко избитый, с переломанными пальцами, порезанным сухожилием на ноге, брошен умирать на окраине города. Опять выжил чудом. Восстановление в центре доктора Елизарова заняло больше года. Из эмоциональной ямы помогали выбираться самые близкие люди: мама, отец и брат.

Выступления “Конвоя” возобновились, родилась идея – снять клип. Потребовалась актриса, назначен кастинг. Претенденток оказалось достаточно и уже ближе к вечеру в зал вошла хрупкая, черноглазая девушка с открытым и удивительно чистым взглядом.

– На сегодня все, мы закончили, – объявили оркестранты. Девушка развернулась и вышла из зала. В этот момент Максима будто осенило: это ОНА, это ее я ждал столько лет и искал повсюду! ОНА будет моей женой! Кинулся вдогонку, и уже у самого выхода, в фойе, опустился перед ней на колени и умоляюще произнес: “Пожалуйста, приходи завтра утром”.

– Прийду, – спокойно ответила Наташа и вышла на улицу.

Взволнованный Макс вернулся к музыкантам.

– Кто это? – спросили они.

– Это моя жена, – последовал уверенный ответ.

Ночь прошла без сна. Сильное волнение заставляло бешено биться сердце. Мучительное сомнение: а вдруг не придет, где тогда ее искать, добавляло тревоги. Как-то неуместно вспомнился недавний брак с Галиной, очень скоро принесший разочарование и разрыв. Она ушла к другу Максима, вскоре вернулась с повинной головой, но назад дороги уже не было: не прощал предательства ни в молодости, ни в зрелом возрасте. Скорей бы утро! В клуб Макс приехал раньше обычного, бегом поднялся по ступеням, влетел в фойе. У окна, в кресле рядом с журнальным столиком, сидела Наташа, с интересом перелистывая журнал. Макс кинулся к ней и присел у кресла.

– Слава Богу, ты пришла! Выходи за меня замуж, ты будешь моей единственной любовью!

Начали встречаться. Максим нежно и трепетно относится к возлюбленной, как к “маленькому птенцу у сердца”, и первый поцелуй случился лишь через полгода.

В 1989 году подается заявка на участие в конкурсе молодых испол-

нителей в Юрмале. А следующий год становится отправной точкой в жизни молодого исполнителя. Песня “Джулия”, прозвучавшая на конкурсе в Ялте, принесла всероссийскую известность. Многим запомнились необычная внешность и неординарная манера исполнения. Певец Сергей Крылов посоветовал перебраться в Москву, где возможности для творческого развития считались намного выше, чем в провинции. Макс и сам давно чувствовал, что в Кургане ему тесно.

Группа “Конвой” собралась на совет и приняла решение попробовать покорить столицу. Семьи Максима и Наташи выделили все возможные деньги и проводили детей в новую жизнь. Влюбленные сняли крохотную комнату поближе к студии, по городу ходили пешком в целях экономии. Поиски работы не увенчались успехом. Деньги “таяли” с каждым днем. Намеченная уже давно свадьба, прошла в полной нищете: Макс одел одежду, которая имелась в наличии, а Наташе сшили платье из белой простыни и украсили рядом черных пуговиц сверху до низу, что вызвало недоумение у работников ЗАГСа. Обручальные кольца сделали из серебряной чайной ложечки, подаренной родителями перед отъездом. (Наташа носит это кольцо по сей день). Время шло, деньги закончились и реальный голод постучал в дверь: на кухне не было ни круп, ни макарон, только вода из-под крана. Однажды вечером, отчаявшись, Максим со злостью пнул электроплиту, она с грохотом упала на бок и, о счастье! там лежала огромная картофелина, видимо, оставленная прежними жильцами. Она тут же отправилась в кастрюлю, сварена и порезана на части и последний кусок кочевал из одной тарелки в другую со словами:

– Ты ешь.

– Нет, ты ешь.

– Я уже наелся.

– А я вообще объелась. Давай оставим на завтрак. В конце концов съели, поделив и его пополам. Чуть позже ситуация стала выравниваться. Макс спал по три-четыре часа в сутки, трудился за мизерную оплату, делая оранжировки песен для известных певцов тогдашней эстрады. Несколько месяцев спустя, группа “Конвой” записала новый альбом, проходили первые концерты. Без поддержки, в Москве пробиться к новым вершинам – нереально. Однажды, положив в карман кассету с новыми песнями, Макс решил рискнуть и попытать счастье у Юрия Николаева – ведущего популярной и любимой многими зрителями музыкальной программы “Утренняя звезда”. “Всегда улыбчивый, доброжелательный,

уж он-то мне не откажет” – рассуждал певец, дожидаясь звезду на ступеньках Останкино. Вот он! Понимая, что есть всего несколько мгновений, рванул навстречу.

– Здравствуйте! Пожалуйста, послушайте мои новые песни, – протягивая кассету Юрию, попросил музыкант.

– Пошел на х.., – злобно, мимоходом буркнул тот, не глядя на человека.

Такого ответа Макс не мог себе представить даже в страшном сне. Он еще долго стоял, словно заколдованный, глядя уходящему во след. Разница образа на экране и в жизни казалась убийственной, а обман – подлым и низким. Не складывались отношения и с телевидением: законченные правила и стандарты не позволяли подняться молодой талантливой поросли. Макс же и коллективу “Конвой” художественный совет вынес вердикт: “Неформат”. Что означало: в эти двери можно больше не стучать – не откроют. Оставалось надеяться только на свои силы. Со временем, количество выступлений увеличилось. Появились фанаты и фанатки. Макс почти не бывал дома. Однажды, вернувшись с очередного концерта под утро, с полными карманами денег, застал Наташу расстроенной, собирающей чемодан.

– Ты что делаешь?

– Собираю свои вещи, я уйду. Не хочу жить с таким человеком.

– С каким? Наташа, подталкивая Макса в спину, завела в ванную комнату к зеркалу.

– Вот с таким не хочу. В отражении нарисовалось длинноволосое, самовлюбленное существо, взъерошенное и раскрасневшееся от удовольствия, со следами помады поклонниц на лице. Макс все понял, быстро умылся, схватил лезвие и обрил голову. Она стала похожа на мяч. Вернулся в комнату.

– Ну, вот, начнем с этого. А с таким будешь жить?

В воскресенье пошли в парк, катались на качелях, слушали духовой оркестр и просто сидели рядом на скамейке, прижавшись друг к другу. Он с интересом наблюдал, как Наташа по-детски обрадовалась, увидев леденцы-петушки на палочке и неожиданно пришло понимание, что почти не знает самого близкого человека и как тонка грань в их нынешних отношениях. В тот момент брак сохранился во многом благодаря терпению, мудрости, безграничной любви и преданности Наташи к Максиму.

Работал по-прежнему много, расширял круг знакомых. Но деятельность “растекалась” по нескольким руслам до момента знакомства с мо-

лодой певицей, дочерью известного финансиста Льва Геймана.

Отец поддерживал дочь во всех начинаниях, оказывал серьезную финансовую поддержку. До встречи с Фадеевым, она участвовала в конкурсах на телевидении, а первый хит “Игра с огнем” принес популярность после того, как Федор Бондарчук – ее продюсер, посоветовал обратиться к Максу для оранжировки. К работе подключилась и Наташа, выступив в роли талантливой стилиста и имиджмейкера. Так родилась новая звезда Линда. Их совместное творчество принесло оглушительный успех. Музыканты вспоминали, что во время записи нового клипа “Я – ворона” произошел странный случай: в перерыве все вышли на улицу и увидели, как тысячи ворон расселись повсюду: на домах, деревьях и фонарях. “Они сидели в абсолютном молчании, совершенно не свойственном этим птицам. Было жутковато, все быстро вернулись в студию и продолжили работу”.

Клипы “Я – ворона” и “Мало огня” стали революционными, они окончательно разрушили стереотипы советской эстрады и, естественно, были приняты весьма неоднозначно. Начались гастроли и съемки. Ощутимо выросли финансовые потоки. Концертные залы не вмещали всех желающих, порой, количество зрителей возрастало до 500 тысяч.

Молодая семья переехала в собственную двухкомнатную квартиру. Немного позже и родители Максима получили подарок от сына: квартиру в Москве. Но в шоу-бизнесе не бывает все гладко, тем более долгое время и в столь непростой политической ситуации. У великой империи СССР начались первые признаки предсмертной агонии. Отец Линды столкнулся с проблемами нового времени. Финансирование проектов дочери становилось затруднительным. А чтобы обеспечить ей тыл, дать возможность продолжить творчество, предложил оформить студию звукозаписи на имя Максима. Со свойственной ему увлеченностью, взвалил на свои плечи все обязанности по продюсированию, оставив за собой права как композитора, автора текстов песен и оранжировщика. Это оказалось ошибочным положением, которое устраивало далеко не всех. “Никому не нужен продюсер, умеющий все делать сам”. Началась конфронтация из-за денег, повлекшая грязные интриги, монтирование телефонных переговоров и развал творческого союза. Фадеев больше не хотел быть чьей-то собственностью и позже тяжело переживал предательство участников группы “Конвой”, которым, как показало время, был выгоден уход Макса. Подлый прием вскрылся позже: сначала про-

пали рукописи старых и новых песен для Линды, а потом появились их оранжировки под чужим именем.

Но все неприятности затмила грандиозная новость – беременность Наташи. Все шло замечательно, но непонятные тревожные предчувствия одолевали обоих супругов. Максим написал "Колыбельную дочери" и не получилась она нежной или умиротворенной, а больше походила на плач или печальное повествование. В один из дней и Наташа увидела "нехороший" сон и уговорила мужа съездить в храм, поставить свечку во здравие будущего ребенка. Будничный пасмурный день. Максим попросил приятеля с машиной поехать в собор. Друг остался в машине, а он сам долго и настойчиво кулаком стучал в запертую дверь. Наконец, она отворилась, на пороге стоял недовольный поп с засаленными губами и повисшей на бороде макарониной. По всей видимости, трапеза была преждевременно прервана.

– Чего стучишь? – злился недовольный священник.

– Мне нужно с Вами поговорить, батюшка, и поставить свечу во здравие будущего ребенка.

– Это не по канонам, вот родится, тогда и ставить будешь.

Дверь с грохотом захлопнулась. Поп отправился дальше чревоугодничать, а растерянный Максим – стоять у церковных ворот. Через мгновение грянул гром и начался сильнейший ливень. Поодаль, у церковного забора стояла старушка под огромным зонтом. Макс пригляделся, его поразили невероятно чистая одежда и гладкая, фарфоровой белизны кожа лица. Она приняла его под зонт.

– Помогите нам, Вы же тут, наверное, часто бываете. Что делать? Ее ответ повторился несколько раз и состоял всего из четырех слов : "По силам тебе, мальчик..." Максим вернулся в машину.

– Странная старушка.

– Какая старушка? – переспросил изумленный друг.

– Ну та, с которой я только что разговаривал. В воздухе повисла пауза, друг вопросительно смотрел Максу в глаза.

– Я не видел никакой старушки...Одежда Макса была абсолютно сухой, а дождь продолжался и не думал ослабевать.

Прошло время и Наташу отвезли в роддом. Потянулись невыносимые часы ожидания и неизвестности. Будучи женщиной терпеливой и очень стеснительной, она не кричала и не жаловалась. Врачи отвели роженицу в родзал и пошли пить чай, решив, что раз молчит, значит процесс

начнется не скоро. А процесс уже шел полным ходом и когда Наташа звывала о помощи, ее никто не слышал. Девочка шла ножками вперед и спасти положение могло только немедленное кесарево сечение. А когда появились врачи, было уже безнадежно поздно: ребенок погиб. На почве стресса, началось сильнейшее кровотечение и теперь жизнь Наташи находилась на волосок от смерти.

Всего этого не мог знать Максим, хотя находился у дверей роддома. Пожилая медсестра в окошечко для передач только и ответила:

– Плохая она у тебя...

– Жить-то будет?

– Часа через три будет известно. Потрясенный Максим отошел от двери и рухнул в сугроб, содрогаясь от рыдания. В полузабытьи, в легкой одежде, он пролежал в снегу ровно три часа и снова подошел к окошку, оно само открылось от сквозняка. Знакомая медсестра шла ему навстречу и теперь уже улыбалась.

– Иди домой, Милок, все будет хорошо, будут у вас еще дети. Не горюй, в жизни всякое бывает.

Кто-то называет гибель дочери врачебной ошибкой. Но ошибка заключалась в том, что люди, способные на преступную халатность, допущены в учреждение, где появляются на свет крохотные существа и что в тот самый ответственный момент, именно от них зависит, будет ли у ребенка будущее под названием Жизнь!

А Наташу выписали со словами: "Радуйся, что хоть тебя спасли". Вот и все...

Невозможно найти слова, чтобы описать чувства потери долгожданного ребенка у безумно влюбленных молодых людей. Они старались поддерживать друг друга, решили не начинать разговор о произошедшем, но любой диалог непременно подводил к воспоминаниям о страшной трагедии. Наташа стала замыкаться в себе и подолгу молчать. Макс, очертя голову, окунулся в работу, пропадая там сутками, но никому не становилось легче. В сердцах таилась обида на врачей и на страну, где подобные преступления остаются без наказания.

Прошло немного времени и Наташа вновь ждала ребенка. Фадеевы переезжают в Германию, находят частную, оснащенную по последнему слову клинику и готовятся к любому исходу. Но малыш родился без каких-либо осложнений, нормальным и здоровым. Макс присутствовал при родах и сам перерезал пуповину новорожденному. Так, 1997 год

подарил сына Савву. Молодой отец работает с утроенной силой: дает концерты, собирая стадионы, а по выходным дням моет полы в "Макдоналдсе". Деньги приходят и тут же уходят – их не хватает. Сын подрастает и с легкостью осваивает немецкий язык, общаясь с детьми во дворе и в детском саду. Вскоре семья переезжает в Прагу.

Гитарный проект, новые возможности работы со звуком, эффект от каждого шага просчитан на годы вперед. Подходит к завершению работа над музыкой к кинофильму "Триумф". А в Германии закончена запись очередного проекта. Макс создает новую музыку, совершенно отличную от ранних опусов.

Жизнь в Европе протекала интересно и насыщенно, но сердце просилось на родину и, спустя двенадцать лет, семья возвращается в Москву. Возвращение получилось спонтанным. Семья жила в Германии. Макс находился во Франции по рабочим делам. Его машина остановилась на перекрестке и из открытого окна соседнего автомобиля звучал чувственный, мощный, искренний голос Александра Розенбаума. То была песня "Поднимем чашу". Сердце сжалось больно и сладостно, машина тут же развернулась и помчалась в Германию.

Прежней родины уже нет. Изменилось все вокруг, изменились люди. О Максе за эти годы мало кто вспоминал. Творческое молчание продлилось двадцать лет. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы выстроить новые отношения, восстановить прежние связи и начать полноценную жизнь на эстраде. Началось сложнейшее восхождение на музыкальный Олимп. В то время Европа знала Фадеева лучше, чем Россия.

Сенсационным стартом становится "Глюкоза" (Наташа Ионова) – девочка из провинции с обыкновенной внешностью, боевая и дерзкая, случайно попавшая к Грушевскому в "Ералаш". К своим шестнадцати годам знакома с алкоголем и наркотиками не понаслышке. Именно Макс остановил падение в бездну талантливой девочки и дал ей "новый наркотик" – Музыку. Популярность "Глюкозы" росла с каждым днем. Поскольку клип первоначально вышел в мультипликационной версии, это дало повод рождению множества слухов, в том числе и о том, что "Глюкозу" озвучила жена Макса – Наташа. Кроме того, по стране начали гастролировать сразу 25 "Глюкоз" одновременно. Чтобы прекратить выступления нечистых на руку "артистов", пришлось рассекретить исполнителя: так Ионова появилась на эстраде.

Параллельно с композиторской и продюсерской деятельностью, Фадеев ведет активный поиск новых имен среди талантливой молодежи. Продолжает развиваться и разрастаться кампания “Malfa”. На эстрадном небосклоне зажигаются новые звезды: Полина Гагарина, Елена Темникова, Пьер Нарцис, Катя Лель, Юлия Савичева, группа “Т”.

Все шло своим чередом: работа кипела, один за другим рождались хиты и уходили в народ. Подрастал сын и радовал родителей успехами. Учился Савва в обыкновенной школе. Но перед тем, как принять такое решение, Макс и Наташа поддались новому веянию в новой России – учить детей в элитной частной школе. Но у отца имелось нерушимое правило: проверить в каком состоянии туалет, будь то ресторан или школа. Если туалет и раковина не в порядке, значит, тоже самое и на кухне. Нужно уходить в другое место. По той же причине, обнаружив в школьном туалете грязь, шприцы и окурки, сына определили в простую школу, к удивлению, порядок был везде. Появились школьные друзья и приятели во дворе. Савва много и с удовольствием занимается музыкой, любит читать и задает множество философских вопросов. Ведь с самого раннего детства, перед сном, вдвоем, сочиняли сказки. Как правило, на героические сюжеты, через них сыну прививались качества воина и настоящего мужчины : они учили стойкости и преданности. Это полезное занятие заставляло думать, сочинять и творить. Позже, по сюжету одной из таких сказок, снят прекрасный мультфильм “Савва. Сердце воина”, куда вошли детские диалоги отца и сына:

– Есть что-то вечное?

– Нет.

– А сердце?

– Нет.

– А Бог вечен?

– Бог – вечен.

Но это позже, а 2006 год принес чудовищное потрясение всей семье и то, что произошло с Максимом, он считает мистикой. Началось с того, что в один из вечеров Савва играл на полу. Отец позвал его, сын не откликнулся. Он позвал громче, реакции не последовало. Макс дотронулся до плеча, Савва вздрогнул.

– Ты меня слышал?

– Нет..

Пока ехала скорая, Макс нервно курил в подъезде и всей силой духа

просил Бога:

– Если ты решил оглушить, меня оглуши, но только не его!!!

Ребенка забрали в больницу, обследовали, ничего не обнаружили, почистили ушки и отправили домой. А через два месяца Фадеев потерял слух. "Бойтесь своих желаний, отправленных ТУДА" – часто потом повторял он. Случилось это в Арабских Эмиратах, во время отдыха. Проснувшись утром, Макс включил магнитофон с песнями Цоя. Звуча не было – списал на неисправность. Пошел в ванную, открывает кран – вода льется, но ее не слышно, выходит на балкон – волны Персидского залива плещутся бесшумно... Невероятное потрясение: он слышит только то, что внутри самого себя, а не снаружи. Немедленно вылетает в Москву, ложится на обследование в клинику. Диагноз неутешительный: нарушение проводимости нервных окончаний. Предложена операция со вскрытием черепа, но и она не гарантировала возврата слуха. Начался ад на земле. Одолевала боязнь наступления каждого дня. Назначенные препараты часто менялись. Анна, одна из медсестер, с огромным опытом работы, просто из любопытства заглянула в историю болезни, "чем же лечат звезду?". Замерла от изумления: в списке нашла препарат сильнейшего воздействия на водообмен головного мозга. Зачем? Когда нет еще полной картины заболевания, да и операция не известно чем закончится? Тайком, она пошла на разговор с Максимом. Операция не состоялась. Мир рухнул в одночасье.

Дом встретил абсолютной тишиной: молчал телефон, вместо музыки – скрежет, молчали птицы и море, никого не тревожил дверной звонок, прекратились какие-либо визиты. Почти все люди, за исключением единиц, кто еще вчера обливал комплиментами и аплодисментами, исчезли. "Это и понятно – размышлял Максим, – кому нужен глухой композитор и продюсер?" Николай Басков прислал СМС к Новому году, он делал это каждый год. Лолита оказывала неоценимую поддержку: во время своих концертов, просила публику аплодировать во здравие Фадеева и люди, с искренней благодарностью и желанием, делали это. А Лолита, снимая на камеру реакцию зала, отправляла со словами: "Смотри, как тебя любят. Держись, все будет хорошо!" Одна из лучших песен для Лолиты "Я жизнь отдаю за тебя" написана в то время, когда ни один звук из внешнего мира не был доступен автору.

Конечно, он пытался бороться и приспосабливаться к жизни в новых условиях: научился понимать разговоры по губам на больших расстоя-

ниях. Много думал и понял, зачем ОН его отключил. "Для того, чтобы стало понятно, надо ли жить, а главное – для чего?" Несмотря на колоссальную поддержку семьи, жить становилось невыносимо. Пришла мысль о суициде. Как человек верующий, застрелиться не мог, хотя оружие в наличии имелось. Решил так: купить тур по Горному Алтаю, заблудиться и там остаться, осознавая, что не переживет зиму. Куплено походное обмундирование. Семья и не догадывалась о страшном плане.

Но там, на Небесах, приняли другое решение. Незадолго до отъезда на Алтай, Макс встретил давнего друга – Шаптая Колмановича, который устроил встречу со специалистом в области китайской медицины – доктором Ху. После тщательного осмотра и долгих распросов, доктор сказал: " Могу помочь, но будет очень больно". Оставалась последняя надежда.

– Я готов, – согласился Макс, ибо не было ничего сильнее желания слышать море, голоса сына, Наташи и друзей. Сказать, что начался ад – ничего не сказать. Иглы ставились вокруг ушей и по тридцать игл по всему телу и ногам. Ощущались нестерпимые боли, от которых выворачивало пальцы рук и ног. Терпеть страшные испытания болью помог один единственный звук, похожий на звучание металлической струнки, появившийся после первой процедуры. Сеансы длились долго и были невероятно болезненными. По окончании полного курса лечения, Макс страстно желает уединиться вдали от всего суетного мира. Он улетает на Бали. Сняв комнату у рыбаков, за чашку риса таскает камни, распутывает сети. Ему нравится находиться среди простых людей, порой по-детски наивных, общаться при помощи жестов и разделять незатейливую трапезу. Несколько позже, снял целый отель, в одной из комнат оборудовал студию и продолжил создавать шедевры, будучи абсолютно глухим человеком. Его сердце изранено и каждая новая песня – это стресс и война. Рождался песня "Дыши" – одна из красивейших, полная глубокого смысла. Необыкновенная гармония музыки и стихов завораживает, заставляет искренне переживать, делая произведение незабываемым. Недаром, именно она получила третье место на Евровидении в 2007 году. Именно с нее началось яркое восхождение группы "Серебро".

На самом берегу океана, далеко от туристического центра, Макс затевает строительство виллы. Его соседом становится известный актер Кевин Коснер. Используя свой талант архитектора и дизайнера, строится комфортный дом с большим рабочим кабинетом – студией, аппаратура

не выключается никогда. Ибо Максим мечтает создавать крупные музыкальные формы. Он уверен, что музыка и он – одно целое, что музыкальный поток, существующий в нем, постоянен.

Постепенно воплощается давняя мечта – жить на берегу океана, уединенно, в замкнутом пространстве, близко к первозданной природе. Во дворе виллы, с огромной любовью, выращиваются редкостные растения, о жизни которых хозяин знает все. В самом центре – водоем с золотыми рыбками и что самое интересное – полюбили прилетать в гости к Максиму экзотические попугаи, один из которых стал настоящим другом. Они вместе прогуливаются: попугай раскрывает крылья, словно протягивает птичью руку, оберегая своего друга. Справа от дома, в дань уважения местным традициям, в течении нескольких месяцев, строилась шестиметровая статуя Будды. Строительство велось вручную. Вулканический камень доставляли издалека. Строители жили здесь же и их кормил повар Максима. Местные жители очень любят нового жильца и называют между собой "Буддамэн", считая его Буддой в естестве.

Созданный новый мир радовал и приносил удовлетворение и вдохновение. Но больше всего радовало то, что после шести лет полной глухоты, все больше и больше звуков возвращалось и оставалось навсегда. Во всем помогали тесная связь с семьей, ее поддержка, а так же внутренняя вера в себя и свои силы, вера, которая есть и будет всегда. Ежедневные занятия плаванием в океане по три километра, выработанная система питания и оздоровления организма, позволили добиться ошеломительных результатов: потеря лишних ста килограммов и уход от диабета за два года. Своей методикой планирует поделиться со всеми – готовится к изданию книга на основании собственного опыта.

В планах – построить статую Будды высотой 60 метров для всех жителей острова, открыть и дать работу островитянам на соляной, мыловаренной и шоколадной фабриках. Максим считает, что живет и трудится в своей мечте. Самая частая гостья на Бали – конечно же семья. Родители всегда являлись высочайшим авторитетом. То, что ими советовалось, неукоснительно выполнялось. Савва успешно окончил школу, но по музыкальной стезе не пошел, хотя блистательно владеет инструментом, щедро одарен музыкально и талантливо пишет стихи. Его серьезно увлекло операторское искусство и там он делает серьезные успехи. Наташа – абсолютно непубличный человек. Всю себя она посвятила своим любимым мужчинам – мужу и сыну. Макс ценит ее терпение и мудрое

отношение к любой жизненной ситуации. В свой день рождения, где бы она не находилась и где бы не находился муж, получает букет из 1001 розы. Вместе прожито более тридцати лет. Их отношения не сумели разрушить ни бесконечные сплетни, ни грязные интриги шоу-бизнеса. Любовь, по-прежнему, крепка и романтична. Супруги переписываются СМС-стихами: кто-то начинает, второй отвечает и рождается семейный шедевр:

Здравствуй, Ангел, мы с тобой так много прошли...
 Запах пшеничный по твоим волосам, коленкам,
 Голоса, петли, нижние ягоды сорваны,
 Под языком – поцелуй, хранишь его, с опытом.
 А в ложбинке, на шее твоей, спит золотая рыбка,
 Ты напрасно ее не буди, рыбе счастье такое зыбкое.
 Под подушкой таится сон – это чудо щекастое,
 И перо колит спину и бок, а с виду такое пушистое...
 Так бывает, милая, когда смотришь
 С закрытыми глазами в утро.
 Я держу твою руку и помню вчерашнее смутно.

Было и еще одно трагическое обстоятельство в жизни маэстро – он едва не погиб на автобане в Германии. В одной из деловых поездок произошла автокатастрофа: на большой скорости у машины лопнуло колесо, автомобиль вылетел на встречную полосу и столкнулся с трейлером. Сидящий рядом друг скончался мгновенно. Макс восстанавливал здоровье несколько месяцев. Большую часть года предпочитает проводить на Бали. Слух постепенно восстанавливается: одно ухо слышит на 60%, другое – на 40. Чувствует себя абсолютно уверенно и кто не знает его историю, даже не догадывается о недуге. Со всего мира поступают творческие предложения. Часто приходится летать в Европу и Москву. Несколько лет назад, Макс принял предложение быть наставником в шоу "Голос. Дети". Первый опыт стал последним. Он заметно нервничал и до слез переживал детские эмоции. Тяжелей всего давалось объяснение плачущему ребенку почему тот должен покинуть сцену. По окончании проекта Макс отказался от солидного гонорара сказав, что он общался с детьми, "а за общение деньги не берет". Вся сумма перечислена на благотворительность детям, в память о погибшей дочери.

Множество кривотолков вызвал роспуск лейбла "Melba" – созданный Фадеевым почти тридцать лет назад. Со временем лейбл разросся до

трехсот человек и управлять становилось все трудней. Круглосуточно решалась масса вопросов и продюсерских, и житейских: разбираться в бухгалтерии, в отношениях между артистами, обновлять аппаратуру, декорации, костюмы, успевать вовремя отправлять коллективы на гастроли, обеспечивая их билетами и местами в отелях. "Уставший от бесконечных споров по поводу диска, имиджа, репертуара, Фадеев решил уйти в свободное плавание". Началась череда скандалов, которые предстояло пережить. Многие показали свое истинное лицо, Из всего произошедшего Макс сделал для себя важные выводы: ученики приходят и уходят, жизнь показала, что ошибался с суждениями, что все артисты – его огромная семья. Семья у него маленькая и она одна! Артисты – часть работы и теперь им дана творческая свобода. Все, чем мог поделиться мастер, отдано с лихвой. Дальше – сами. В будущем Макс намерен работать с творцами, а не с артистами и для этого набирается новый международный коллектив. Развиваются новые проекты в области архитектуры, медицины и фармацевтики. Свои сольные концерты дает редко. С частично восстановленным слухом, это сложно. Перед выступлением ему полностью закрывают уши, ибо невозможно вынести звуковые перегрузки от мощнейших динамиков. Специальная световая панель показывает как звучат другие инструменты. Свой голос Максим чувствует изнутри. Реакция переполненного зала говорит о том, что все идеально. Но самое большое удовлетворение приносит работа с детьми. За свои собственные деньги (он никогда, ни у кого, ничего не просил), в Подмоскowie построил несколько огромных павильонов. Это "Улица Волшебников" и здесь будут сбываться любые детские мечты и помогут детям в этом – настоящие волшебники. Ибо автор уверен, что "музыка способна созидать, она делает человека гармоничным. Музыка – язык Бога".

Там же, в Подмоскowie, Максим с сыном и Наташей, построили свой новый прекрасный дом, где в полной мере проявились новые грани таланта – архитектора и ландшафтного дизайнера. Во время строительства не пострадало ни одно дерево, а вновь посаженные растения с любовью сохранялись и в холодную зиму утеплялись собственными футболками. Самая большая ценность в доме – три библиотеки из ста тысяч экземпляров. Книги собирались семьей всю жизнь. А в 90-е, когда все рушилось и теряло ценность, Макс наткнулся на объявление, где в срочном порядке, предлагалась к продаже библиотека из 15-ти тысяч книг за сто

тысяч рублей. Продавцом оказался интеллигентнейший человек, семья которого не одно поколение создавала данную коллекцию. И теперь, попав в невыносимую жизненную ситуацию, приняли решение о продаже. Конечно, Максим, как человек знающий литературу и знающий цену книгам, заплатил гораздо больше – по совести.

На вопрос журналистов, если бы Вам пришлось написать письмо в прошлое, "я бы написал, что так все и должно быть, что моя жизнь редактируется ТАМ и кто я такой, чтобы с НИМ спорить?"

Мария Волынская

Мельбурн

Мария Волынская (Спичкова) родилась в Москве. Окончила МЭИ и Технический Университет Дрездена, затем получила докторскую степень в Техническом Университете Мюнхена, где преподавала и занималась исследованиями в области IT и разработки программного обеспечения. В 2013 году переехала в Мельбурн. Преподает в университете RMIT, руководит научными проектами, опубликовала более 150 научных работ.

Писать начала еще во времена студенчества, первое эссе было представлено на «Лефортовских чтениях-97». Печаталась в сборнике фантастических произведений издательства Эксмо, журналах «Костер» и «SuperStyle», газете «Полезная» и онлайн изданиях.

Домовенок

Домовенок глянул на цветочный горшок и сердито нахмурился: фиалку давно не поливали, и ее листья жалобно поникли, словно устав от таких безалаберных хозяев.

– А Кузьмич говорил, что квартира хорошая, – протянул домовенок разочарованно. – Говорил, что хоть комната только одна, зато кухня большая и человек живет добрый. И на первом этаже – к земле близко. И с балконом. И...

Он пригорюнился и сел на пол, подперев лохматую голову лапкой.

– Тоже мне, человек хороший. Одежда раскидана, книжки на полу стопкой, цветы не политы, на кухне посуда грязная, кошек нет...

Домовенок вздохнул и приставил табуретку к раковине – делать нечего, придется наводить порядок помаленьку. Кузьмич лгать не стал бы. Если он сказал, что это самая лучшая домозамена, что на месте его прежней деревни расположена, значит так оно и есть. И ведь слово-то какое – «домозамена». Пакость, а не слово. Родись он лет на двести раньше, попал бы в нормальный справный дом – и с печкой, и с сенями про-

сторными, и с огородом. Но таких тут уже лет сто как не строят. Вырождаются люди, дичают, в кучи жмутся. Виданное ли это дело, чтоб в одном доме столько семей ютилось друг у друга на головах? А домовым куда деваться прикажете?! Ведь только первый этаж такой домозамены к жизни пригоден – к земле близко. Хорошо еще, не застал он, как старые дома из доброго дерева рушили и вместо них эти высоченные каменюки складывали. Кузьмич застал... плачет, когда рассказывает.

А люди точно одичали – им такая жизнь нравится, домовенок сам слышал. Был он еще маленький, и имя ему положено не было. Вот проживет в своем собственном доме год-другой, тогда и имя получит. Если с человеком справится, конечно. Но он справится – раз уж предки как-то справлялись. Деваться-то некуда. Раз уж появился из припасенной парой домовиков многолетней пыли, утащенных с хозяйской расчески русых волос да отобранной у кота сметаны. Коли не был бы нужен домовенок на свете, то ничего у его родителей и не вышло бы. Кузьмич говорит, что долго не решался нового домового в этот мир призвать. Акулина уговорила – говорит, что век уже давно начался, теперь самое время. А ей виднее – домовихи завсегда такие вещи лучше чувят.

Домовенок взял в лохматые лапки грязную чашку с нарисованным на боку ландышем и умилится. Может, не такой уж и никудышный человек тут живет. Конечно, не чета тем, при которых Кузьмич родился и той старушке, у которой он сейчас с Акулиной живет, но... Авось и в нем что-то хорошее есть.

Тихо зажурчала вода из крана, подражая роднику, который домовенок видел только на картинках. До утра оставалось еще несколько часов, и их нужно было провести с пользой.

Главное – вовремя пригнуться

– А я говорю, что будет по-моему!

Огонь в камине вспыхнул сиреневыми искрами. Значит, злится. Дура эта злится, а не огонь. Хотя кто их двоих знает... Гайра же из этих, огненных, что от драконов свои силы черпают. И зачем отец согласился на мою с ней свадьбу?

Огонь снова стал привычно-рыжим.

– Ларелей, ну кончай дуться. Старейшины обоих племен все одобрили. Они-то чувят, что я не ошиблась!

– Они ошибаются.

Главное – вовремя пригнуться. Из камина полыхнуло темно-синим, огненный всполох пронесся в паре футов от моей головы и упал на лавку. Старые доски тут же загорелись, словно и вправду дракон на них дыхнул. И я сразу почувствовал себя как дома. В смысле, что пора что-то водой заливать. Хорошо еще, колодец близко и сил на призыв воды потребуется совсем мало.

Ну вот и все. Хотя лавку придется выкинуть или хотя бы верхние доски заменить – обуглились совсем.

– Я не хотела.

Ишь, даже извиняется с вызовом в голосе. Одно слово – огневушка. Посакаушка, чтоб ее драконы... ну, хотя бы забрали.

– Вот именно поэтому ты мне и нужен. Вот если я не справлюсь со своей силой, кто все тушить будет, а?

Окатить бы водой с головы до пят, да ведь увернется... Или не увернется? А что если...

Не увернулась. Опыта-то нету. Но огонь в камине пока цвет не меняет. Только чадит сильнее. А ведь она ничего, когда одежда мокрая все изгибы тела подчеркивает. Для девушек нашего племени широковата в кости, но... Главное – вовремя пригнуться.

Чайный Дракон

Маленький дракончик сладко зевнул и свернулся в уютный клубок, прикрыв голову крыльями – солнце то и дело заглядывало в пещеру, звало погулять и прямо-таки светилось нетерпением. И это в такую рань! Нет, раньше полудня вставать не имеет смысла, тем более сегодня – в день нового рождения.

Кто сказал, что драконы рождаются лишь однажды? Ерунда это все, людские придумки. До чего же забавные существа эти люди – всех меляют по себе и ничегошеньки не понимают в драконах. Учи их или не учи – разницы не будет. Но от людей тоже бывает польза: без их участия новый день рождения дракона может и не состояться, как-никак, человек для этого утварь самая необходимая, сравнимая лишь с пещерами да с принцессами Воды. Без людского восхищения ритуал не проведешь, да и не начнешь его, пожалуй – силу же откуда-то черпать надо.

Расставаться с привычной пещерой было жаль, но сегодня его ждала принцесса из замка со стенами из тончайшего фарфора – такого хрупкого, что неуклюжий человек и разбить может. Только кто такого недотепу к замку подпустит? Правильно, никто.

Замок оказался пустым, зато он был именно такой, как его и представлял себе дракончик – теплым. Дракончик влетел в окно большого зала, свернулся на полу и вскоре задремал. Принцесса Воды вошла в замок с тихим журчанием, за считанные мгновения заполнив собою весь зал и укрыв гостя своею стихией. Дракончик сонно потянулся, расправляя крылья и довольно жмурясь от укутавшего его тепла. Ритуал начался.

Прошло совсем немного времени, и маленький дракончик вылетел из замка, оставив там свою прежнюю шкурку. Он парил над фарфоровыми стенами и радовался, что наконец стал самим собой – драконом Воздуха, легким и почти прозрачным. Каким и должен быть настоящий Чайный Дракон.

Заметки на полях

Ну что все – библиОтика да библиОтика. Ну, мало ли что откопали под слоем земли. И носятся со своим открытием, носятся. Говорят, хотим как предки быть. Одно слово – горные гномы. Делать им нечего, вот и носятся. Лентяи. То ли дело – гномы равнинные. Мы народ серьезный, деловой. Ерунды не болтаем, без дела не сидим, но и не бегаем попусту. Некогда нам – то зерно посеять надо, то за всходами следить, то урожаем собрать, то запасы перебрать. Да и за скотиной приглядеть надо – вдруг кендер какой ее угонит. Особенно за лошадами надо в оба глаза следить, они ведь у нас ладные, не чета эльфийским – у них малохольные лошади, чахлые. А наши – прям огонь! Мохнатые, сильные, все шесть ног всегда крепкие. Пропашут поле и не устанут вовсе. И думать не пытаются, как... некоторые.

Ну зачем, скажите, драконам думать? Летай себе и летай. Желательно – подальше от наших полей. А еще лучше – летай по делу, с пользой. Вон, в горы слетай, посмотри, нет ли новых туч с той стороны. А то нам на покос собираться надо, но не угодить бы под ливень – погода слишком переменчивой стала. Или к морю слетай, может там вода уже пригодной для питья стала. А то ведь старые скважины уже почти иссякли да осыпались, новые рыть придется. Еще к серой пустыне слетать можешь, поглядеть, сколько она на этот раз от наших лугов захватила. Все польза будет. Ан нет, думать пытаются. И ведь чего учудили – тоже говорят, что от человека произошли. Ну вы дракона видели? Видели? Ну чем он на человека похож? Крыльями? Когтями да зубами? Чешуей? Хвостом, с пикой на конце? Неет, наши предки были другими. Ни крыльев, ни когтей. Слабенькие они были, вот и вымерли все. Не-при-

спо-соб-лен-ны-е. Вот. Так они сами таких как они и называли. Только и умели что думать. И путать всех почему зря.

Так вот, про библиОтику их клятую. Как гномы горные нашли ее, тут же стали письма их разбирать и пытаться понять, что там да к чему. Говорю же, нечего им делать, этим горным. Чем бы ни заниматься, лишь бы не работать. Письмена те людские – книжки, по-ихнему, такие же чахлые, как и сами люди – чуть схватишь за страницу и либо вырвешь, либо сомнешь. Нет бы на бересте писать – и глазу приятно, и не настроишь много да мелко, и в руке лежит ладно – вес знаний чувствуешь. Угу, они так и говорили, люди эти, – вес знаний.

Пролистал я, грешным делом, пару книжек. После работы, конечно же. Буквицы мелкие, как букашки, в глазах от них рябит, строчки длинные, картинок мало, а в некоторых – и вовсе нет. Ну какой от них толк? Не умели люди все записывать обстоятельно, одно слово – неприспособленные они. Да еще по-ихнему выходит, что знания они не от отца к сыну передавали, а книжками этими, на вес. Как зерно или крупицу. Там так и написано было – «крупницы знаний». Вот. Ну кто так делает? Знания надо из рода в род, из клана в клан, из уст в уста. Иначе затеряются знания-то, рассыпятся по углам амбаров, пропадут. И потом только все портить будут, как забытая под лавкой чашка с тресухой – и запах от нее, и мухи, такие же бесполезные, как и драконы. Об этом я и говорю.

Беда случилась, когда на те раскопки драконы повадились. Нашли какие-то письма, что человек де летал. Даже картинку откопали, где человек с крыльями. Разбился правда. А его отец – ничего, летал нормально. Потому что к солнцу близко подлететь не пытался. Вот драконы и сказали, мол, легенда эта про паренька человеческого, Икаром звали, как раз про то, как молодняк драконий первый раз летать учат. Смотрел я на эту картинку – по дороге с базара специально в библиОтику зашел. Все равно обоза до деревни еще час ждать надо было. Ну не похож этот Икар на дракона, как ни крути. Только что крылья пушистые, как у молодняка драконьего с серой пустыни – они ж только на пятом году жизни их бесполезной своей белесый пух на чешую меняют. За ними тогда глаз да глаз нужен, чтоб момент не упустить – пух этот мягкий и теплый, им одеяла хорошо набивать. Единственная это польза от драконов, да и то – если вовремя пух собрать, не дать ему по пустыне разлететься. Но сейчас не о пухе речь, о библиОтике.

И ладно бы драконы только письма про Икара нашли. Ан нет, драконы и другие картинки откопали – про рыцарей. Тоже, якобы, такие

люди были. Вроде как двуногие, но все в чешуе, да и голова ... странная. Ну, хорошо, похожа их голова на драконью. Но ведь ни крыльев, ни когтей, хилость одна. А драконы – ни в какую. Говорят, что все мы от людей. Даже кендеры и горные гномы. Смех смехом, но стали драконы пытаться людям подражать. А ведь разумения никакого. Вот, зеленый вторую неделю мне поля то поджигает, то ямы там роет. Глубокие. И чуть что, говорит, что люди тоже так делали! И что у них это было признаком размышлений. Заметки на полях делать...

Шаг. Еще шаг

Шаг. Еще шаг. Все медленнее и осторожнее. И взгляд настороженный, тяжелый. Но это и к лучшему – пока разглядывает, нападать не станет. Так ее учила старая Таая, а она-то все наверняка знает. Опыт у Тааи немалый, даже по волосам видно – черные они, как смоль, напитанные жизненными знаниями да мудростью. У самой Дааи волосы только-только начали темнеть, еще пару весен назад вились они беспечным золотом, но теперь вобрали в себя немного шелеста спелых каштанов и перешептываний опавших листьев, стряхнули с себя детство желтых одуванчиков. Будь волосы Дааи хоть на малую толику светлее или рыжее, не пустила бы ее старая Таая охотиться сейчас на Темных. Сидела бы Даая дома, в уютном гамаке из нежной лозы, плела бы себе венок или перебирала бы собранные ягоды, и не сжималось бы сейчас все внутри под леденящим взглядом этого Темного. И почему их Темными называют? За одежды мрачные да за служение Сумеречному Лесу? Кожа-то у Темных светлая, словно света солнечного не видала вовсе, а волосы... да у любого младенца Светлых в волосах больше знаний и силы жизненной! Белые они у Темных, словно снег зимой. Неживые словно.

Шаг. Еще шаг. Поровнялись почти. Таая предупреждала, что если Темный за оружие схватится или моргнет просто, бежать надо без оглядки и как можно быстрее. Но бежать только вперед – не пустит Граничный Путь назад. Уничтожит, кто бы не повернул. И Темный, и Светлый тут только вперед могут, по правой стороне. У каждого своя правая сторона, у каждого свое «вперед». Так повелось. А еще учила Таая, что нельзя на этом пути надолго останавливаться. Это-то самое важное в охоте и есть – помнить, что все время вперед идти надо. Хоть малюсенькими шажками, но вперед. А если душа Темного не совсем еще умерла, она замрет, отвлечется на это движение. Темный замедлит шаг, остановится, будет смотреть вслед и... погибнет, отпустит свою покалеченную душу

на волю. Нельзя ведь на Граничном Пути останавливаться, никак нельзя.

Шаг. Еще шаг. Взгляд все такой же тяжелый, но мелькает в нем что-то странное. словно знакомое. То ли и вправду шевельнулось что-то в душе Темного, то ли померещилось Даае. А может, и ворожит он – ведь задумалась она, едва успела вспомнить, что необходимо вперед шагнуть. Вернее, нет, не вспомнить. Услышать. Услышать встревоженный писк цветочных фей, что вызвались сопровождать Дааю в ее первой охоте.

Шаг. Еще шаг. Уже приходится оборачиваться, но это значит, что самое опасное уже позади. Темный еще может броситься и схватить ее, но вывернуться теперь будет легче легкого. Замер. Стоит и смотрит, словно вспоминает что-то давным-давно забытое. И путь под ним начинает тлеть, ежась зелеными искрами.

Шаг. Еще шаг. Темный все понял. Понял, что проиграл. Понял, что не продолжить ему уже своей прогулки по Граничному Пути – его тропинка уже вспыхнула зеленым, поднялся ветер, неласково подталкивающий Дааю в спину. Единственная опасность сейчас – погибнуть от оружия Темного. Стреляют они метко. Но этот не целится, только смотрит. И Даая снова едва не забывает сделать очередной шаг. Пора бы отвести взгляд и бежать без оглядки, дело же сделано! Но Даая медлит. А потом делает то, чему никогда не учила ее Таая. Перед следующим шагом хватает рукой край развевающегося на ветру плаща Темного и рывком тянет на себя. Ткань у плаща колючая и жесткая, но очень крепкая, да и застегнут он на совесть. От неожиданности Темный теряет равновесие и – даром что на голову выше Дааи – почти что падает на ее тропинку, увлекая своим весом вперед, к спуску с Граничного Пути. Она только и успевает подумать, что наверняка ей помог сам Путь, что никто еще не пытался перетянуть Темного в свой лес и что родные места уже ни за что не дадут ей погибнуть, как спуск оказывается слишком близко, устоять на покато́м склоне попросту невозможно. И они катятся кубарем вниз.

Инстинкт убивать

Говорят, многие женщины не последовательны в своих желаниях – то ей персик, то апельсин хочется, то вообще сгущенку прямо из банки. Последнее, впрочем, логично. Я бы тоже захотел. Впрочем, не важно. Смену желаний я понять могу, да и смену настроения тоже, а вот что мне кажется странным, так это беспричинная смена... как бы это сказать потолковее... оценки действий окружающих? Мировоззрения? Морали?

Ханжество это все. Но я знаю правду. Я знаю, что Тебе нравится на

самом деле, чтобы ты ни говорила сейчас ему. Он – слабак, крыса конторская, а Тебе всегда нравились настоящие мужчины. Как я. Охотники, а не жертвы. Тигры, а не гиены. А ему Ты лжешь. Или нет? Может, Тебе не нравится не что я делаю, а как я это делаю? Ведь когда он стал рассуждать об охотничьем инстинкте и говорить, что тех жертв было не избежать, Ты не спорила. Соглашалась. Потому что он – в кои-то веки – был прав.

Те жертвы – мои жертвы Тебе – это закономерность. Потому что Ты говорила, что хочешь этого. Я помню. Прошлой зимой. Ты говорила, что хочешь, чтобы та жирная мерзавка больше никогда не появлялась поблизости. Я не забыл. Тогда я мог слишком мало, но я быстро учусь. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы выследить ее. Выследить и убить. Я оставил ее у Твоей двери и спрятался в кустах – понаблюдать, как тебя порадует подарок. Наверное, я зря порвал ей глотку – Ты испугалась. Извини, я забыл, что ты не любишь крови. Но я знаю, что глубоко в душе Ты была рада моему подарку. Следующую жертву я принес тебе чистой, без крови – я задушил ее. И снова никакой благодарности.

Я стал экспериментировать, чтобы угадать Твои сокровенные желания. Тебе не нравился пол жертв? Следующие подарки были мужского пола. Не угадал. Хотя я уверен, что на самом деле Ты была рада, что я их убиваю.

Пару месяцев назад я подумал, что тебя скорее радует, что они были в моей – а значит, и в твоей – власти, но живая, недозадушенная жертва тебя не порадовала вовсе. Ты даже сделала все, чтобы она выжила. Глупо. Ты же сама говорила, что хочешь избавиться от всех этих мерзких недоброжелателей, что шастают вокруг твоего дома.

Я уверен, что если я буду делать тебе такие подарки хотя бы через день, Ты это рано или поздно оценишь. И прогонишь его. Ему не место на моей территории. Он – чужой. Он не должен быть рядом с моей женщиной. Сидеть в кресле, в котором мог бы сидеть я. Спать на кровати, на которой мог бы спать я. Получать ласки, которые...

* * *

Из комнаты доносились приглушенные голоса и тихая музыка. Кот с удовлетворением оглядел свою работу – нагадил он в оба ботинка, причем основательно. Никакая чистка их не спасет. Для полноты картины кот брызнул и на мужскую куртку, еще раз прислушался к голосам в комнате и побежал по своим кошачьим делам. Надо было решить, что подарить женщине на этот раз – мышь или крота. А может, все-таки крысу?

Отпуск

Город живет своей жизнью – пульсируют вены скоростных автомагистралей, спешат пешеходы, снуют мелкие роботы-курьеры. Лавирую между ними, наслаждаюсь жизнью и весомостью человеческого тела, ставшей за последние десятилетия непривычной. У меня отпуск – мой предыдущий человек прожил свою жизнь счастливо и без потрясений, я старался. А если я стараюсь, у меня все получается очень неплохо, даже если окружающий мир явно нацелился свести моего подопечного в могилу. Нет уж, подобное случится только когда истечет максимальный срок, отведенный для этого человека. Я слишком профессионален для меньшего. Да и опыт у меня все-таки многовековой, это тоже со счетов сбрасывать не надо..

Не люблю краткосрочные проекты. Если Книге Судеб в графе «предельно допустимая продолжительность жизни» стоит число меньше пятидесяти, я отказываюсь. Впрочем, отказ этот остальным только на руку – большинство с радостью берется курировать тех, кому придется жить всего ничего, даже при качественной работе ангела-хранителя. Считается, что счастливый умирает молодым, что самое интересное – курировать человека до его тридцатилетия. «Самая счастливая пора – детство, самая романтичная – юность!» и прочие шаблонные фразы. Некоторые, правда, спорят, что период с тридцати до тридцати пяти тоже у многих людей яркий и интересный. Но большинство из хранителей сходится в том, что после первой четверти века часто начинается рутина – карьера, семья, дети. Жизнь по прямой, все уже сложилось и определилось. Ума у человека уже побольше, страх смерти уже какой-никакой появился. Не согласен. Наша работа никогда рутинной не бывает. Главное, правильно выбрать объект. Да и страх смерти у некоторых даже совсем на краю жизни точно такой же, как в младенчестве – нулевой. И ум напрямую от возраста не зависит – иной отрок гораздо умнее взрослого балбеса. Так что, как повезет.

Рутину, говорите? А как же неожиданная смена профессии, когда человек понимает, что ему внезапно хочется совсем иной жизни и весь его уклад рассыпается как карточный домик? А авантюрный характер? А кризис среднего возраста? А любовные страсти, романы, попытки сохранить или разрушить семью? А проблемы с детьми, наконец? Нет, неожиданности и сложные ситуации случаются в любом человеческом возрасте. И тем интереснее наблюдать за подопечным – вроде бы знаешь

его за все эти годы как облупленного, а он вдруг такое отколет, что перья дыбом и только успевай поворачиваться...

Теперь у меня неделя передышки. Я хочу просто побыть живым, не ангелом-хранителем, а просто земным человеком. Дохожу до любимой кондитерской – там уже лет триста делают очень неплохое мороженое. Да, я консерватор, мне трудно привыкать к новым вкусам. Уж лучше старые добрые шарики в вафельном рожке – один ванильный и два шоколадных. Ем мороженое, наблюдая за окружающими, и щурюсь на солнце. Мысли ленивые и пустые, одно слово – отпускные.

Еще вчера голос, идущий из пустоты, заставил бы упасть человека на колени. Сейчас и не услышат, поди. Уши заткнуты наушниками, глаза видят мир сквозь очки, на которые проецируется текст свежих газет. Газеты сейчас странные – они не пахнут типографской краской, они вообще ничем не пахнут. С другой стороны, мне никогда и не нравился этот типографский запах, то ли дело – запах берестяных грамот или папирусных свитков... Увы, эти уютные вещи сейчас можно увидеть лишь в музеях или картинкой на таких вот очках – последняя модель может и подобное.

А сегодня если люди и услышат голос из пустоты, они не испугаются и не удивятся даже – решат, что появился какой-нибудь новый, этот, как его... Все время модное словечко забываю, хотя мой предыдущий подопечный его через фразу вставлял – звучание нравилось. Что-то похожее на «сволочь» и «остолоп», только звучит помягче. Ах да, вспомнил – «гаджет». Впрочем, я отвлекся. Но мне сейчас можно – отпуск, как-никак. Так вот, особо продвинутые люди могут проявить любопытство, услышав голос ниоткуда. Но благоговения не будет, только сухой практицизм – что за новая игрушка, не приобрести ли для себя такую.

А уж эмоциональные разговоры с невидимым собеседником не удивляют никого и подавно. Помню, как в начале девяностых прошлого века я все оборачивался на таких, разговаривающих с пустотой – кто из наших братьев-ангелов рядом с блаженным идет. Потом стал обращать внимание – если человек руку рядом с ухом держит, значит, не с ангелом говорит, а со смертным, причем, как правило, о чем-то суетном да житейском говорит. Через пару лет перестала помогать и эта примета. Зато я мог разговаривать со своими подопечными без утайки. Правда, порой просили говорить потише и не мешать, но это детали...

Думаю, воплотись я сейчас из воздуха посреди людной площади,

никто тоже не удивится. Решат, что просто тестирую эти скоростные порталы, о которых сейчас так много пишут. И смех, и грех – виданное ли дело, чтобы человек в какие-то секунды перемещался за десятки километров? Совсем страх потеряли. А значит нам еще больше работы. Но пока – неделя отпуска. Ленивые мысли и мороженое в вафельном рожке.

Грамна

У нее ничего не осталось. У нее в кошельке три газеты и больше ничего. Три газеты в потерявшем форму и цвет кошельке для книг. Старый добрый друг, бережно хранивший все, что она ему доверяла – от исписанных фломастером блокнотов до фолиантов в тисненых обложках. Когда-то он был бирюзовым, это Грамна помнила точно. Помнила, как покупала его, как радовалась обновке. А теперь ей было перед ним даже немного стыдно – наполнить кошелек уже нечем, а если ее не станет, пропадет и он.

Последней добычей были восемь книг, одна даже с картинками – невиданная по теперяшним временам удача! Но это было давно... Половина добычи ушла на раздачу долгов, оставшееся она разменяла на газеты – они не такие вкусные, но тоже съедобные, а главное – более дешевые, их надолго хватит. Труднее всего было отказаться от книжки с картинками, но Грамна пошла с собой на сделку – вырвала оттуда пару картинок и отпраздновала ими находку.

Сколько лун сменилось с тех пор? Четырнадцать? А может, пятнадцать? Или шестнадцать? Трудно их посчитать – Зеленая еще запоминается, а вот Фиолетовая, Розовая и Малиновая похожи одна на другую, как «м», «ш» и «т», написанные небрежной рукой. Бледные эти луны, почти белые, одинаковые. И кто им дал такие звучные названия? Говорят, когда-то прежде они и вправду были цветными и яркими, как фотографии в тоненькой книжице, которую Грамне подарили в детстве. Книжица была старая, но очень вкусная. Грамна растягивала удовольствие как могла, но удержаться и не проглотить все сразу было слишком сложно...

Хорошее было время, вкусное. Время сказок в огромных тетрадах с блестящими обложками, время приключенческих романов в тисненых золотцем книжках и забавных картинок в потрепанных журналах. Теперь такое сложно найти. Грамна помнила, как все менялось. Сначала все было просто чудесно – даже самые вкусные книги можно было найти почти без усилий. Даже охотиться не приходилось – люди сами относи-

ли эти вкусы на свалку. Нужно было только знать места. Самые умные и дальновидные из племени Грамны строили хранилища – на белый день, когда ни единой буквы не возникнет на листе бумаги. Полежавшие там книги отдавали плесенью, да и буквы на них были нечеткими, словно размытыми временем, но они были. И это тоже была еда. Еда гораздо более вкусная, чем оставшиеся в кошельке газеты.

За изобилием почти всегда следует опустошение. День, которого все так боялись, все же наступил, только назвали его не Белым, а Пустым. Не в память о пустующих листах бумаги, а из-за той пустоты, что сменила сами бумажные листы. Грамна слышала, что кто-то сумел приспособиться и к пустоте, сумел находить пищу и без букв на белой или пожелтевшей от веков бумаге, даже и без бумаги вовсе. Они подладились к изменившимся людям, подладились к их новым нереальным буквам на нереальных листах, но... они и сами от этого стали почти нереальными. Светятся в темноте, мерцают слегка – жуть, да и только. Кто-то утверждал, что эти светящиеся вполне довольны новой жизнью, что у них много вкусной и интересной пищи, только вот... никто же оттуда не возвращался, да и весточки никакой передать не мог. Так что как рассуждать о том, чего и представить-то себе толком не можешь?

Сама Грамна уже давно решила, что никогда и ни за что не решится на такое. Но сейчас ее уверенность испарялась с каждой съеденной газетой. Когда-то Грамна считала их мерзкими на вкус, а теперь потихоньку привыкла – выбора же не было, а исчезать не хотелось.

Она еще раз заглянула в кошелек – может, она ошиблась, может, там хоть маленькая телефонная книжица в клеенчатом переплете завалилась, а? Пусто. То есть, не пусто, а все те же три газеты, но это ведь почти ничто. Она уже по нескольку раз проверила все свои книжные места, перетрясла все тайники и ловушки. Ни-че-го. И в долг больше никто не даст. Значит, на раздумья у нее меньше одной луны осталось. Попытаться стать этим самым, светящимся, что довольствуется несуществующими буквами, или окончательно рассыпаться в прах, что люди называли книжной пылью. Грамна вздохнула и застегнула кошелек. Даже половина луны – это не так мало. Надо запомнить, вобрать в себя этот мир. И будь что будет.

Валентина
Человская

Мельбурн

ШЕЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Шёл первый снег. Крупные хлопья падали из тёмного, бездонного неба и хватило получаса зиме, что-бы присыпать все изъяны оставленные осенью. Фонари качались и скрипели под резкими порывами ветра, отбрасывая по сторонам химерные тени. Брусчатка покрылась искрящимся ковром. Старые каштаны, в своих белых хламах торжественно выстроились в ряд, по обеим сторонам улицы.

Татьяна бежала домой оставляя на снегу цепочку маленьких аккуратных следов. Ей нравился этот снег. Такая свежесть и радость во всем...

Вот и калитка, открыта почему-то... Вдруг, чьи-то сильные руки обхватили сзади приподняли и повернули лицом к себе.

– Димка! Напугал...Никак не ожидала...

Перед ней стоял сосед-красивый, сильный, уверенный в себе мужчина лет тридцати с небольшим. Когда-то в детстве они играли в "козачки-разбойники" Взрослость внесла отчуждение, поставив их на расстояние вежливого кивка.

Димка закончил экономический. Служил в банке. Женился. Развёлся. Татьяна-медицинский и тоже сходила замуж.

У каждого из них была своя чётко очерченная траектория.

Часто Татьяна ловила на себе пристальный взгляд соседа. По утрам, спеша в институт, чувствовала за собой шаги соседа пытающегося догнать ее. И вот он стоял перед ней и крепко держал её в руках своих.

– Поговорить хочу...

Татьяна почувствовала запах алкоголя. Немой вопрос мелькнул в глазах её.

– Да, да я выпил, а то бы не решился ... Как-бы оправдываясь за свой проступок поспешил Димка.

– Давай присядем ?..

– Но поздно уже.

– Ну пожалуйста...

И они присели на скамейку. Таня озябла. Димка снял дублёнку и укутал её, открывая взору свой годами отточенный атлетизм.

– Вот что, я давно хотел сказать тебе...Ты была моей мечтой ...Я никогда не решался подойти к тебе...Потом увидел тебя с художником, и понял, что он тебя не отпустит...

И цветы дарил с детства, оставляя их на подоконнике твоего окна.

Татьяна часто находила увядшие букетик цветов. Думала дети балуют.

– Ты даже не представляешь, какая ты? Я звонил тебе часто, но никогда не решался признаться...Ты переехала в Киев с мужем, я туда тоже приезжал... Видел тебя на Крещатике, с моделями...На тусовке у Лозы, когда он выставку открывал..Ты всегда была особой! Знаешь, ведь тебя бабы не любят, завидуют и боятся, а вот мужики, те всегда помнят....Я с мужем твоим, бывшем, общался.

Он знает все, я ему рассказал....и он понял...

Я люблю тебя с детства и хочу быть только с тобой...Женился, а вот ничего не вышло.... Глаза закрываю и тебя вижу...Не смог больше.

Ушёл. А тут и ты развелась....

Татьяна смотрела на Димку широко открытыми глазами.

Снежинки падали, касались лица его, оставляя живой влажный след.

Казалась, Димка в ту минуту, был таким близким и родным.

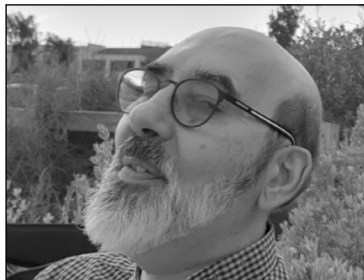
Губами согривал озябшие руки Татьяны. Стал очерчивать, по щеке бесконечную нежность... Губы его остановились у губ её и слились...

И казалось счастье вот оно, рядом....только дотянись и не упусти.

И никто не знал в ту минуту, что ждёт их там , за поворотом судьбы.

Шёл снег. Он уже припорошил и этих двоих на скамейке, и каркас вишни, и их старый двор...

Шёл снег, самый первый снег года и тут же мгновенно таял от этого неожиданного тепла...

Александр Грозудинский

Мельбурн

Родился в Харькове. Окончил Мехмат Харьковского Университета. По окончании, работал в Нижневартовске, Тюменской области в течение семи лет. В Австралии с 1993 года. Основная деятельность здесь связана с технологической индустрией. Мои стихи публиковались в Австралии, России, Украине, Германии и США.

Я недавно узнал, что все люди живущие с котами или с кошками называются котолики, все прочие – никотяи.

Этого кота привела судьба. То есть я не покупал его в магазине и не забирал его из приюта для бездомных животных.

Он сам пришёл. Как то днём, дома я услышал настойчивый, вопросительный мяв. Я подошёл к двери, приоткрыл дверь. Там стоял он. Попросил ли он тогда войти на минуточку. Или ничего не просил. Не помню.

Домой он зашёл и два год со мной рядом жил тот кто понимал меня так как никто другой.

Вот несколько историй о нём.

В награду за примерное поведение и просто потому, что я добрый и хороший человек, я иногда кормил моего кота куриным фаршем.

Фарш продается в мясном отделе среди тушек, колбасок, сосисок и ветчинок, но подписан "кошачья еда". Чтоб никто не перепутал.

Когда я доставал очередной брикетик, кот, где бы он не был, тут же оказывался рядом, и, став на задние лапы начинал исполнять для меня индийские танцы.

Как и положено в индийском танце, где каждый жест имеет строго определенное значение. И в этой пляске каждый поворот когтя и каждый изгиб хвоста несли тайный сакральный смысл.

Но, я понимал этот шифр. "Я люблю это мясо. Это мясо для меня. Я и тебя даже, люблю, хозяин, пока у тебя есть это мясо". Слово "хозяин"

в кошачьем словаре отсутствует. Тут у меня трудности перевода и кто у нас с котом кому хозяин?

Когда блюдце с фаршем уже стоит на полу, кот не унижается до излишней торопливости. Он отходит от блюдца на четыре-пять человеческих шагов. Несколько секунд тихо, но отчетливо и грозно рычит. Кем он себя чувствует в этот момент? Тигром в джунглях? Пантерой на дереве? Кого это мы думаем, что одомашнили и приручили? По Кипплингу: «Ты из дикого леса, дикая тварь!».

Потом два красивых прыжка и три минуты сладострастного чавканья.

И все. Кот уходит умываться. Я могу мыть блюдце. Но ни после любой посудомоечной машины, ни у одной аккуратной хозяйки, я не видел такой идеальной чистоты, такого яркого блеска.

Без волосатой щетки. Без бытовой химии. Зачем это ему?

И зачем он мне?

Было.

Когда у меня был кот я хотел воспитать из него собаку Павлова.

На тумбочке лежал телефон. Два раза в день он звонко пищал и я кормил кота.

Кот быстро выработал условный рефлекс, но пошел значительно дальше, чем ожидалось.

Он решил, что этот немногословный, но голосистый Samsung и есть главное существо в доме.

Иначе, как же понять, что даже ленивый я, услышав звонок, спешу подсыпать сухой корм и открывать консервные банки с мясом. Рыбу он не признавал.

Действительно, на что я еще, с точки зрения кота, пригоден? Для чего существую? Чтоб кормить. Ну еще, конечно, погладить, подставить колени, чтоб он на них полежал. Еще почесать щеткой...

А тот маленький на тумбочке?! В общем кот решил с ним подружиться.

Для начала он с нежным мявом долго терся о ножки тумбочки. Потом ловко пружинисто с места запрыгивал на ту же крышку, где спал телефон.

И наконец, замирая от собственной храбрости, краешком нежной лапки, кот трогал самый краешек этой загадочной коробки.

И тут же им овладевал мистический ужас: «Что я натвори? Как посмел? А вдруг он обиделся и больше не зазвонит?» Кот слетал с тумбочки и бежал прятаться в самый дальний угол. Куда-нибудь под кресло в другой комнате. Он не был и не хотел быть собакой Павлова.

o

ПЕРЕВОДЫ

Суман Похрел

Суман Похрел (р.1967) — непальский поэт, лирик, драматург и переводчик, чье творчество выходит за рамки языковых и культурных границ. Хотя он в основном пишет на непальском, в его творческом репертуаре есть произведения на английском, хинди и других языках Южной Азии. Его стихи переведены на множество языков и опубликованы в ведущих литературных журналах по всему миру.

Я ИЩУ СЕРДЦЕ

перевод Игоря Сиды

Я ищу сердце
 внутри себя –
 Сердце
 что кипит, вбирая в себя
 всю боль творения,
 Сердце, что ликует, принимая
 все слёзы мира,
 Сердце, что сияет, сливаясь
 с темнотой внутри себя
 Нежное, искрящееся, чистое сердце.
 Способен ли я
 поделиться со всеми сердцем
 Как земля и небо
 Никогда не истощаясь,
 Отдать его каждому бутону, каждой жизни
 и каждой мечте,
 Каждой радости, тишине и боли.
 Ищу внутри себя сердце,
 Что вечно дарит свет.

ТАМ, ГДЕ ПУСТОТА ОБРЕТАЕТ ФОРМУ

перевод Вадима Месяца

Рушатся небеса,
когда я вхожу в свой дом,
с чистым сердцем и обрывками мыслей,
чтобы найти все больше комнат,
разбросанных повсюду.

Многие из них ждут меня,
строят глазки.

Я часто
перетаскивал многослойные небеса—
Пустые бесплодные небеса,
небеса, ноющие от тоски,
небеса бессердечия —
они растворяются в моей пустоте,
едва я касаюсь их.

Я вношу пустое небо
в свой дом,
и понимаю, что оно и есть
единое сущее.

Для некоторых это кровь,
для других — дым,
вода или земля.

Мало кто, видит в них праздник,
редко кто — тризну,
еще реже это — ничто
или нечто.

Но есть и такие,
кто видит в них — все.

Каждый раз,
внося пустоту небес
и пустоту себя,

я вхожу в свой дом:
И целостность начинает формироваться,
сливаясь с пустотой неба и мной самим.
Рождается новая пустота,
но она остается незавершенной.
Собирая куски пустоты,
накладывая пустоту на пустоту,
наслаивая пустоту внутри пустоты,
обволакивая пустоту пустотой,
я стремлюсь
поднять океан пустоты,
растянуть ее небо,
воздвигнуть горные хребты пустоты.
Заполняя пустоту пустотой,
я становлюсь целым,
пусть и наполненным пустотой.
Версия моей пустоты,
выходит со мной за пределы дома,
чтобы увидеть огромное пустотное небо
пустоты, заполненного пустотой.
Неся эту версию пустоты себя,
когда я выхожу за пределы своей комнаты,
я не нахожу ничего, кроме
бесконечного, огромного неба пустоты —
бесконечной пустоты, заполненной пустотой.
Я должен облечь в слова
эту пустоту, когда возвращаюсь домой,
и она накатывает на меня волна за волной.

ДЕРЕВО I

перевод Игоря Сиды

Любое дерево притягивает мой взгляд.
Дерево не живёт фрагментарностью.

Пока стоит, оно
воспринимает жизнь как целое.
При солнечном свете – играет с лучами.
В дождь довольствуется каплями.
Его голод не больше его очертаний.
На ветру оно живёт порывами, как ветер.
Когда луна, в свете луны танцует.
А нет луны – наслаждается компанией тьмы.
Дерево не ищет ничего, кроме собственных корней.
Оно никогда не хочет, чтобы в небо торчали
его корни, вырванные из земли.
Не ищет почвы кроме той, что обнимают корни.
Оно не позволяет своим мечтам
покидать периметр ветвей и листьев.
За пределы досягаемости не отпускает свои желания
никогда.
Измученный бешеным темпом жизни,
уставший телом, умом и душой,
я отдыхаю лёжа на земле,
наблюдая за деревом
на фоне восходящей луны.
Беззаботное и безмятежное,
дерево прочно стоит.

ДРЕВО

перевод Юрия Вайсмана

Цветы по ветвям скользят,
цветением своим полны,
они посещают гостинные,
заходят в храмы
и затем исчезают,
отрицая фиксацию форм.
Реки спешат в никуда,

четкие цели дороги
теряют войдя в лабиринт.
Непрестанно я стою,
держа всё ту же землю.
Многие пары вошли в мою тень,
воспарив в нирвану воображения;
усталые портье
оставили корзины
рядом со мной
и уснули в мечтах
и заветных желаниях своих;
дети, скачущие сквозь ветки,
выросли и ушли,
забрав сувениры,
напоминающие о детстве.
Вихри диких ветров
перешептывались недолго,
в листьях моих гнездясь,
и унеслись к горизонту,
догоняя небо;
усталые путники,
обессиленные дорогой,
находили приют и отдых в моей тени
и уходили прочь.
Сколько раз, изнуря жарой,
солнце хотело выгнать меня отсюда;
дождь хлестал меня водой,
угрожая смыть напрочь;
ураган почти унес меня,
пытаясь растопить в воздухе,
сделать частью себя.
Лучи несущие радугу

не могли оставаться со мной,
музыка Наумати
и монотонный гул раковины
уносились в небо,
становясь все тише и тише.
Путешественник
что живет в четырех днях пути отсюда,
оставляя свой дом,
думает о привале в моей тени
прежде чем продолжить путь.
Птицы — предвещают весну,
решив вывести птенцов
в моих ветвях,
дороги разбегаются
чтобы встретиться здесь,
если вдруг потеряются;
пыль и иссохшие листья
укрываются в моей листве,
спасаясь от урагана.
Почва, размытая в грязь дождем,
обретает сущность,
приникая к моим корням.
Молния танцевала,
подмигивая и искушая,
гром угрожал играючи,
тучи притворялись что льют воду,
пытаясь меня разбудить.
Никогда мне не хотелось
покинуть это место, уйти.

ЧЕЙ ЭТО ГОРОД?*

перевод Юрия Вайсмана

* Вар.: (Ни)чей город.

И видел я как город возникал
Переселенцев древних деревень,
И бесноватый морок заблуждений...
Среди толпы на пыльных площадях,
Застыв на перекрестии дорог
Среди строений страждущих расти,
Я выходил на поиски себя,
Угрозам и опасности не внемля.
Когда внезапно проявилась тень —
Бесформенное нечто, и меня,
К полудню потерявшего тропу,
Бредущего по памяти вперёд
Дрожащими руками обхватив,
Спросила тихо: — Чей же это город?
Мой взгляд плывет по радуге, туда,
Где с гор сбегая, чистые ручьи
Полуночным окутаны туманом.
Я вижу стаи перелетных птиц,
Слетевшихся из дальних стран сюда
Для песен восхваляющих любовь,
Для танцев отражающих смятение.
Я чувствую волнение ветров,
Которые, прохладой одарив,
Сюда вернуться чтоб раздуть огонь
и оттеснить меня.
Поток воды дарующей нам жизнь
Ворвался в этот город и унес
с собой его цветущие сады.
И некто в человеческом обличии

Заходит в этот город, чтоб продать,
Предать и в этом действе раствориться.
И жаждал я, чтоб поглотил меня
без устали рычащий ураган,
Взвесь ругани, обид и унижений.
И уронил на землю, без одежд
И без вины, и голосом дрожащим
твердящего, что город будет жить
И дух его прозрачен как вода
И призрачен как ветер.
И в нем живут танцующие под
Бессмысленные лозунги толпы,
Не видя человеческую суть
Под яркой штукатуркой камуфляжа.
И те, кто сладко засыпает на
Несбыточности собственных идей,
И чудаки, живущие мечтой,
Что с ней же умирают на рассвете,
Сомнамбулы не помнящие снов —
Сей город их.
Сей город тех, кто превращает птиц
Взлетающих с цветущих орхидей,
Поющих славу жизни — в воронье,
Им поклоняясь в стенах монастырских.
Тех, кто своих оставили богов
В родительских домах и, возвратясь,
Замену ищут на телеэкране.
Тех, кто младенца тело бросив в бак
Щенка любовно кормят молоком —
Сей город их.
Как человек — чей разум истощен
Недугом осознания уродства,

Но продолжает мыслить вопреки —
Я представляю город и себя
Как целое в потоке созерцания.
И этот город, усмехаясь, пьет
Напиток из несбывшихся надежд
С тревогами моими вперемешку.
Вот он растет, увлекшийся игрой
В несбыточные помыслы мои,
И спит под покрывалом из моих
Полночных грез, любовных описаний,
Но он проснется чтобы завершить
Мое бунтарство.
Я пыль и запах города собрал,
Домой принес и отстирал до блеска
Лицом своим, одеждою своей,
Я отчеканил хрип его и шум
В мелодию, я вплел в свои стихи
Его тоску, страдание и хаос.
И добровольно приняв на себя
Его и добродетель и порок,
Я объявляю — этот город мой..!

Людмила
Чеботарёва
(Люче)

Ноф-ха-Галиль, Израиль

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР СОНЕТЫ

Перевод с раннего новоанглийского Людмилы Чеботарёвой (Люче)

Сонет 12

Считаю я минуты в тишине,
Сменяет юный день старуха-ночь,
Фиалка отцветает на окне,
И чёрный цвет с кудрей уходит прочь,
И высохла на дереве листва,
Спасавшая от зноя пастушка,
И пожелтела, съёжилась трава,
И превратился юный в старика.
Я думаю о красоте твоей,
Которая со временем пройдёт.
В саду умолкнет звонкий соловей.
Умолкнем мы — придёт и наш черёд.

Ничто от смерти нас не сможет уберечь:
Так будь сильна, и смерти не перечь!

Сонет 66

Взываю к смерти. Встречи не хочу
С достоинством на паперти у храма,
С убожеством, обряженным в парчу,
С невинностью в объятиях у срама.
С дешёвой позолотою наград
И с девственностью, попранной нещадно,
С увечьем, возглавляющим парад,
С величием, обруганным площадно.
И с музою, лишённой языка,
С умом — в силках у блажи твердолобой,
И с истиной в тенётах ярлыка,
И с добротой в прислужницах у злобы.

Взываю к смерти, но любви моей
Как без тебя прожить в сиротстве дней?

Сонет 87

Прощай! Ты создана не для меня,
И знаешь хорошо о том сама.
Моя любовь к тебе сильнее огня,
Моя любовь к тебе — моя тюрьма!
Не выйти из неё мне никогда,
Коль ты сама не дашь свободу мне,
Но я — твой раб, покорный навсегда,
Готов всю жизнь прожить в такой тюрьме.
А ты то позовёшь, то оттолкнёшь.
Когда ты рядом, очень больно мне,
Но во сто крат больней, когда уйдёшь,
Чтоб вновь прийти в ночном коротком сне.

Я каждый день тот сон к себе зову:
Во сне — король, и нищий — наяву.

Сонет 90

Днесь ненавидь, когда погибли втуне
Дела, на коих мир поставил крест,
Пока моей озлобленной Фортуне
Потерям счёт вести не надоест.
И если сердце избежит невзгоды,
Пусть скорби не увяжутся вдогон.
Не приведи за бурей непогоду,
Мне нанося отсроченный урон.
Решишь уйти — не будь последней чашей
За малыми кручинами вослед.
Пусть на моих костях Фортуна спляшет
Уже при первом наступленьи бед.

С потерю тебя — такая малость
Всё то, что горем ранее казалось.

Сонет 130

В её очах не видят солнца люди,
Уста её — коралла не красней.
И если белый снег, то смуглы груди
И чёрен волос у любви моей.
Я видел розы алые Дамаска —
Не на её щеках цвели они.
И если аромат вдыхал прекрасный,
Давно прошли те сладостные дни.
Люблю я речи, хоть и не сравнимы
Те речи с трелью звонкой соловья.
И вряд ли скажут мне, что на богиню
Похожа ненаглядная моя.

И всё же, перед небом присягаю:
Сравненья лгут — я твёрдо это знаю!

**Адиба
Мамадолимова**
Мельбурн

Бакалавр искусств в области лингвистики. Увлечена поэзией, потому что она позволяет мне самовыразиться в полной мере. Мои любимые русские поэты — Пушкин и Есенин. Семь с половиной лет назад я начала регулярно заниматься йогой и медитацией, что открыло мне новые грани опыта, которые часто становятся источником вдохновения для творчества.

The truth never sleeps

They told me to look somewhere over the rainbow
to find the place where moon shines brighter
Where birds chirp more in tune
Where the grass always glistens...
I went to look for it over the rainbow
but all I found was
pieces of myself scattered all over the place...
Then I tried to glue them back onto myself
To feel my wholeness
but no matter how hard I tried
the pieces wouldn't stay in one place – they would just scatter away...
One day I was walking in a lush green forest
A tree caught my eye – this was like no other
this tree was mine!
Its arms so majestically spread out –
open and waiting for me!
I ran toward it and to my even bigger delight
saw a tiny bluebird's young nest

and almost cried – this was also quite mine!
I slowly moved closer, barely breathing
reached my hand out to grab it but ah!
The little birdie jolted awake
spread out its wings and flew right away
I was broken inside.
To another – it looked, it just fled –
to me it looked – it just died.
So quick –
before I could save it
before it was picked.
After that day I would walk by many trees
and many nests
and many birds
but none would call to my own
like that one
whom I ever since that day always name
the one that flew away
and my life was never the same.
That day in the woods, I saw it an old man with a beard
he asked me, “What do you seek?”
Is it gold?
A cure to never get old?
A want to find more?
Burning desire to soar?
Carbon copies of what you are sold?
Or is it something entirely else?
Something that cannot just lie on the shelf?
I thought for a moment
and then with damp eyes
I bring the courage to say
that bluebird – she was mine

but now she belongs to the sky
It brings me oceans of pain.
The old man looked me in the eyes and smiled,
Was she ever truly yours
or did you draw that in your mind's eye
before you saw her soaring into the sky
where she was always before
she took a moment's break?
I shook my head, hands started trembling, "No, this cannot be!
This is the tree!"
The moment I saw it I knew, the past flashing before my eyes
We were together so many times!"
And just this once you were moved apart.
Don't you think there was a moment in the star
where it chose your fate
and the answer to "why?" lies in the way
you answer this riddle I gave
"What is it that you crave?"
I paused again
this time, I think a little longer
I say, perhaps it isn't so brave
but I seek me to be fully complete
Without any gap, without any fail
One whole, once again
A universe, in body contained
That is closer, he says
but it is also the same as saying I seek for
the sky painted blue
and the grass – hundreds of shades of green
the water that is never dry
the bread that will always go stale
unless eaten on time –

tell me, how do I find, these treasures I want to be mine?

“What do I do?” I ask the old man

How do I stop seeing the broken pieces
in a mirror that was always whole
and how do I stop trying to fill the hole
that wasn't actually there?

- That brings me back to my question

I will ask once again, my friend

What is it that you seek?

- Is it the light? Is it the knowledge?

- Don't ask me. Only you know the way.

- I don't know any of these things fully. All I fully, completely
know is darkness. Tell me,

is it absolute madness

to seek absolute nothing?

– Is it mad to seek the only thing that you know?

The only truth in your life?

- So, you're telling me all of these things are just lies

– the brown earth, blue sky and all in between?

- Tell me what do you hear between our lines?

What is it that makes sound exist in the first place?

- The silence?

- Precisely, the silence,

in the lap of which sound is held

Now, don't listen to me, just dissolve under the spell
of the silent lullaby

that won't send you to sleep

but instead, jolt you awake

so you could fly into the sky

you create in your dream...

I tried to hold Orion's constellation in my hands

but it kept slipping out and I was frustrated

That's when I realised
that it is for the best
For if I could hold it in my hand
even for one moment
I would never, ever let it go
And the world would lose magnanimous Orion
to a girl who with all her might
held the stars from the night sky.

Истина не смыкает глаз (перевод Герман Власов)

Мне сказали: Будешь искать там, где начинается радуга –
найдешь земли, где луна светит ярче,
а птицы поют согласно;
где трава всегда блестит...
И вот я пошла искать начало радуги,
но нашла лишь
частички себя самой, рассыпанные повсюду...
Тогда я попробовала приклеить их на себя,
чтобы стать цельной,
но, как я ни старалась, –
головоломка никак не желала собираться –
рассыпалась и рассыпалась...

Как-то раз, гуляя по дивному зеленому лесу,
Я заметила дерево – ни на что непохожее,
оно было моим деревом!
Ветви его были величественно раскинуты;
они были раскрыты, они ждали меня!
Я побежала к нему и, к еще большему изумлению, увидела
гнездышко маленькой синей птички.
Я чуть не закричала – оно тоже было моим!
Я подкралась к нему и, затаив дыхание,

протянула руку, чтобы схватить его, но – увы! –
птичка встрепенулась,
расправила крылышки и – упорхнула.
У меня внутри всё оборвалось.
Другой решил бы, что она просто улетела,
но я-то знала, что она умерла.
Умерла так быстро –
что я не успела её спасти,
не успела её отобрать.

С того дня, сколько бы я ни видела деревьев,
гнезд
или птиц, –
ни ни одна из них
не была мне роднее, чем та,
какую я с тех пор я всегда называла
той, что улетела.
С того дня жизнь моя переменялась.

Но вот однажды я встретила в лесу старика с бородой,
он спросил меня: “Что ты ищешь?”
Ты ищешь золото?
Лекарство, чтобы не стареть?
Или ищешь чего-то другого?
Жгучего желания полета?
Ищешь оригиналов, а не то что всем продают?
Или – это вещь совсем иного рода?
То, что не поставить на книжную полку?
На минуту я задумалась,
потом глаза мои увлажнились,
я набралась смелости и сказала:
Та синяя птица – она была моей,

а теперь небо – ее стихия.

В этом причина моих бесконечных страданий.

Старик взглянул мне в глаза и улыбнулся:

«Разве она и вправду была твоей?

Может, ты нарисовала ее в воображении раньше, чем увидела,
как она упорхнула в небо?»

В небо, всегда бывшее ее стихией,
откуда она отлучилась всего на минуту?»

Я затрясла головой, руки мои задрожали: “Нет, этого не может
быть!

Это то самое дерево!”

Как только я его увидела, я поняла – прошлое промелькнуло
перед моими глазами –

мы столько раз были вместе!

И только в этот раз мы с ним разошлись.

«Не думаешь ли ты, что в какой-то миг

звезды определяют твою судьбу,

а ответ на вопрос «почему?»

зависит от твоего ответа на мою загадку?

Итак: чего ты хочешь больше всего?”

Я снова умолкла,

на этот раз я размышляла чуть дольше.

Я сказала: «Наверно, в этом нет особой смелости,

но больше всего я хочу завершенности,

хочу быть без единого сбоя или пробела.

Снова стать единым целым,

вселенной, заключенной в теле.

«Теперь теплее. – ответил он, – Но это все равно, что говорить:

"Я ищу небо, крашенное голубой краской;

траву, с сотнями оттенков зеленой;

воду, которая не высыхает;

хлеб, который черствеет,
если не съели вовремя".

«Но как мне разыскать эти сокровища, чтобы ими обладать?
Что нужно делать? – спросила я у старика. –

Ведь иначе я вижу одни осколки
зеркала, которое раньше было целым.

Как мне перестать заполнять пустоты,
которых и вовсе не было?»

«Мы вернулись к моему вопросу, друг мой,
и я повторю его:

- Что ты ищешь?

- Возможно, свет? Или знание?

- Не спрашивай меня. Одна ты знаешь путь.

- Ни того, ни другого я не знаю до конца. Тьма – вот, что
доподлинно мне известно. Но разве одни безумцы ищут это
абсолютное ничто?

- Разве не безумие – искать то, единственное, что ты знаешь?
Единственную правду твоей жизни?

- Стало быть, с твоих слов, всё это одни выдумки – бурая земля,
голубое небо и все остальное?

- Ответь мне, что ты слышишь в промежутках между репликами?
Что порождает звук?

- Тишина?

- Именно! Тишина,

лона которой и держится звук.

А теперь не слушай мой голос – но растворишься в магии
тихой колыбельной:

она тебя не усыпит –

наоборот, ты встрепенешься,

чтобы упорхнуть в небо,

какое ты создаешь в своих снах....

Я старалась удержать руками созвездие Ориона,

но созвездие то и дело выскальзывало и меня это злило.

Но тут я поняла:

может, оно и к лучшему?

Ведь, если я удержу его в руках,

хотя бы на миг –

я никогда и ни за что его не выпущу.

И мир потерял бы великодушного Ориона

из-за девушки, которая изо всех сил

удерживала звезды на ночном небе.

Two things

Do I know you or do I just know the lies you tell about the truth
that you don't know?

Last time, I tried to rinse the chalice of my sins with water from
your well

This time, I'm wiser – I'll rinse it with my own water through you.

Can I really dissolve myself in you before I know two things:

- How did I land here? Where will I go after?

Does the sun shine because it wants to or because it is?

What's better – trying to become what you are

Or just falling into it?

How can I lose myself in you when I don't really have myself?

How can I give it all away when it was never mine to begin with?

I realise I live in a world where

the drop reflects the ocean

and the ocean the drop.

And every time we meet, I lose a part of me

And every time, I feel more full from newfound emptiness I feel.

Две вещи (перевод Герман Власов)

Знаю ли я тебя или я знаю о той лжи, какую ты болтаешь
о правде, которой не знаешь?

В тот раз я взялась ополоснуть чашу своих грехов водой
из твоего колодца.

В этот раз я поступлю мудрее – ополосну ее своею водой с твоей помощью.

Смогу ли я до конца в тебе раствориться, раньше чем узнаю две вещи:

- Как я здесь приземлилась? И куда полечу потом?

Солнце светит оттого, что так ему хочется, или потому, что оно есть?

Что лучше – пробовать стать тем, кто ты есть или сразу попасть в цель?

Разве я могу потеряться в тебе, если, по сути, сама собой не владею?

Разве можно раздать всё то, что никогда не было моим?

Я знаю, что живу в мире,
где в капле отражается океан,
а в океане – капля.

С каждой нашей встречей я теряю кусочек себя.

И с каждым разом – наполняюсь все больше, ибо чувствую вновь обретенную пустоту.

My moon

When I look into your eyes, I see
The truth that hurts, the truth that burns
my blistered skin and still,
I'm drawn to it, to go within.
It is the thing that takes me far
Beyond the gravity, the ground
Beyond the people of the land
Beyond the hand that feeds the man.
My every cell vibrates with depth of the unknown call
Without a doubt, it swallows whole.
The moon is full.
What of? you'll ask
I'll answer, love, of course

It flows in all its veins and lifts away the toughest stains
Lies in every beat of heart
Beyond comparison of moon and stars
Where all is one and all is swell
The moon is full today – it fell under a spell.

Моя луна (перевод Герман Власов)

Когда вижу твои глаза, то вижу
правду, какая ранит, правду, какая жжет
мою кожу всю в волдырях, и все же, –
меня тянет к луне, тянет войти в неё.
Луна уносит меня далеко-далеко –
поверх притяжения,
поверх людей на земле,
поверх тех рук, что насыщают человека.
Каждая клетка тела звенит бездной неведомого зова.
Не моргнув глазом, луна заглатывает целиком.
Луна полная.
Полная чем? – спросишь ты.
И я отвечу: Конечно, любовью.
Любовь течет по всем ее венам и смывает самые
стойкие пятна.
Прячется в каждом ударе сердца.
Поверх любых сравнений с луною и звездами,
где все едино и все прекрасно.
Сегодня в полнолуние – луну околдовали.

Анастасия Сойфер

Мельбурн

Стихи Доротеи Макеллар Перевод с английского Анастасии Сойфер

Доротея Макеллар (1885-1968) — австралийская поэтесса, автор стихотворения "Моя страна" (My Country), которое — с первой его публикации в 1908 году и до сих пор — остаётся самым известным, любимым, цитируемым поэтическим произведением Австралии. В то время, когда стихотворение было написано, большинство жителей Австралии, особенно образованных и состоятельных, даже в 3-м и 4-м поколении всё ещё считали своей родиной Англию (Шотландию, Ирландию); Австралия была для них лишь "колонией". Но постепенно, становясь австралийцами, английские переселенцы учились любить землю, природу Австралии такой, как она есть; они начинали ощущать глубокую личную связь с ней. "Моя страна" дала им слова, яркие образы для выражения этой связи: "Я дочь горбатой, рыжей, обугленной страны..." — Доротея написала это в 19 лет! Стихотворение стало манифестом преданности народа Австралии своей земле, почти неофициальным гимном страны. А чувство патриотизма, обострившееся во время 1-й, а потом 2-й мировой войны, ещё усилило эмоциональное восприятие этих стихов, их значение для австралийцев.*

Память Доротеи Макеллар как автора стихотворения "Моя страна" чтут в Австралии. В её честь назван федеральный избирательный округ в Сиднее, улица в Канберре. 26 января 1983 г., в День Австралии, был открыт мемориал Макеллар в ANZAC Park, Gunnedah, NSW; в центре мемориала — бронзовая конная статуя поэтессы. В 1984 г. был основан ежегодный общенациональный конкурс юных поэтов — австралийских школьников имени Доротеи Макеллар. В феврале 2017 г. рукопись стихотворения "Моя страна" была официально внесена в реестр "Австралийская Память Мира" (Australian Memory of the World, AMW)

*ЮНЕСКО; это было первое литературное произведение, внесённое в реестр Австралии.***

В то же время, остальное творчество Доротеи Макеллар практически забыто, хотя она оставила немало стихов, достойных памяти. Я с удивлением узнала, что "Моя страна" — единственное её стихотворение, переведённое на русский язык. Я перевела более 20 стихов Макеллар, стараясь сохранить её мысли и образы, ритм и размер её строк; передать её рифмовку — парные рифмы, или 2 рифмованные строки в четверостишии, через строку. Всё это — насколько было возможно. Некоторые из этих переводов мы предлагаем вашему вниманию.

Анастасия Сойфер

** Перевод Аркадия Штейнберга*

*** Программа ЮНЕСКО «Память мира» (Memory of the World) — это международная инициатива ООН, учрежденная в 1992 г. и направленная на защиту, сохранение и популяризацию документального наследия, имеющего непреходящую ценность как для определённой страны, так и для всего человечества.*

Первооткрыватель

Была б Адамом я – Эдем
 Меня б не удержал:
 Я взобралась бы на стену –
 Скок! – спелый плод упал.

Хоть он и райский, этот сад –
 Что проку в нём тому,
 Кто ищет пустошь на земле,
 Чтоб быть там одному?

Итак, не потревожив сон
 Зверей, – из райских кущ,
 Где душно от жасмина, – вон!
 Вперёд, без страха в путь!

Что там, за каменной стеной,
 Не думала б... А там

Открылась бы передо мной
Вся мира красота!

Бескрайний мир, дик и суров,
Где голод, страх и боль,
Где каждый день добро и зло
Ведут смертельный бой,

Где правит риск. Покой в борьбе
Лишь снится... Но, клянусь,
Пусть даже не везёт тебе –
И в этом жизни вкус!

От ширящейся до небес
Коричневой земли
Меня б ни рай, ни Бог, ни бес
Отрезать не смогли!

Была б Адамом я в раю –
Что для меня стена?
Не сладость жизни мне нужна,
Но вся, вся, вся она!

Старинная песенка

Миндаль отцвёл, и на ветру трепещет яблонь цвет.
Всю жизнь любила одного, но – не призналась, нет.

Мой цвет бесплодно облетел – я гордость берегла;
С ней, жалкой и холодной, зря жизнь мимо протекла.

Как лепестки, мечты мои развеяли ветра.
Всю жизнь любила я его – и умер он вчера.

Рассвет

Рассветает. Я иду
В Ганнеда. Пипит* поёт.
Словно крылья какаду,
Серо-розов небосвод.
Тени ночи от деревьев
Отплывают, и кругом
Паутина на траве
Блещет влаги серебром,
Клонит каждый стебелёк.
И – миг чуда недалёк:
Каждый день – с утра времён –
Мир впервые сотворён!
Вот пронзает солнца диск
Горизонт из хрусталя –
Зачарованный, глядишь –
Вся алмазная земля!

Радость – рядом, радость – здесь!
Брезжил день. Я просто шла –
И невиданных чудес
Я свидетелем была.

**Австралийский пипит (по-русски "цеврица") – небольшая птица отряда воробьиных с прямым удлинённым клювом, оперением напоминающая жаворонка. Водится на открытых местностях на большей части территории Австралии, Новой Зеландии и Новой Гвинеи.*

Жгут лес

Жгут лес в Рампаделл. Вот взметнулись вверх,
Ввысь рыжие языки
И жадно лижут стволы. Ест дым
Глаза. И – давно сухи –

Пылают брёвна, раскалены.
Подбросим ещё огня
Туда, где деревьев живые сердца
Трепещут, белы, красны.
Огонь вгрызается глубоко
В их плоть, и белёсый дым
Сочится из дупел, щелей коры,
Становится голубым...

Рогатый месяц зашёл, и ночь
Спустилась на Рампаделл, –
Зловещ в багровом зареве он,
Как будто город сгорел...

Не огненный столп – сорок футов над
Собратьями, исполин-
Старик, ливень искр золотых над ним,
Могуч и неопалим.

Виват королю огня! Виват,
Пока он правит, горя,
Но рухнет со стоном, и белой золой
Увидит его заря...

Король в плаще из падучих звёзд
Бесследно уйдёт – и там,
Где двор молчаливый его стоял,
Пшеница кивнёт ветрам.

Из городского окна
Из моего высокого окна
Вниз глядя – улица видна.
Созвездия огней сияют вдалеке,
И пурпур неба гасит тьма у ног моих.
Как отличить звезду от фонаря в руке?

Угрюмых зданий строй... Но вдруг зажглась
Напротив люстра, и у самых глаз
Во мраке светится окно. И мне дано
Пройти сквозь дом чужой. Я не пугаю их –
Так шаг мой тих...

И бьётся проводов полночный пульс,
Вибрирует, гудит, и пусть
Цепь уличных огней по ним питает ток –
В безмолвье звук зловещ, как барабанов дробь,
Как отдалённый топот тысяч ног...

Напоминание

Грустна была, расставаясь,
И кто не грустить бы мог?
Но сердце своё тогда я
Тебе отдала в залог,

В знак, что мне нет покоя
И праздника нет – без того,
Чтоб мысль о тебе, целуя,
Коснулась рта моего –

До капли вина... А ночью,
В мечте – склонишься ко мне,
Как будто вижу воочью, –
И явишься в дивном сне...

Забудь ты хотя бы слово
Из сказанных нами слов –
Там, в сердце вскипает зовом
Живая алая кровь –

На чреслах твоих брелоком
Оно! А в моей груди,

Где сердца нет – одиноко,
Саднит, пустота гудит.

Печаль

Печаль моя, о печаль моя,
Как робко ты в дом вошла,
И у очага калачиком
Свернулась, там где зола.

Тебя на груди баюкала
Я, нянчила, как дитя,
Тебе сочиняла песенки,
Играя с тобой, шутя...

Гордилась, соседям хвастала –
Любуйтесь крошкой моей!
Растила, беды не ведая,
Ночей не считая, дней...

Как зрела ты – не заметила,
Как делалась злей, сильней,
Как стала свирепым хищником
В прыжке над жертвой своей...

Не скрыться от твоей ярости,
Ничто не притупит боль.
И смерти так не боялась я,
Как наедине с тобой

Быть! Монстр, моё отчаянье,
Тебя мне не превозмочь,
Но сжался же, спрячь свои когти
Хотя бы на эту ночь!

Морской туман

Рыбачьи лодки в лёгкий движутся туман,
Тихи как снег, как лунный свет. Бледна кайма
Слиянья моря с небом. Серебрясь,
Над ней их стая, птиц осенних, поднялась.
И проплывают плавно, медленно, вдали
Терясь, как большие корабли.
Я со скалы гляжу, с прибрежного холма.
Всё смолкло, замерло кругом – и я сама...
И лист не прошуршит над головой.
Весь мир живой застыл, как неживой.
Нет, кто умел – бежал! Туман побег покрыл...
Неужто лишь моя душа без крыл?!

Скачка

Садись на коня в первом свете дня.
Мир молод был.
Он любил меня.

Скачи – поутру так прохладна пыль.
Я горда была, он – наивен был.

Скачи сквозь рассветных теней вуаль.
Я отвергла его – и ушёл он вдаль...

Скачи – дарит полдень первым огнём!
Мир состарился мой, и одна я в нём.

Скачи же, скачи – так горяч твой конь!
Не узнал, не простил, не вернулся он.

Скачи далеко по долам и горам!
Я вырвала сердце и скрыла шрам.

Невестой бы, с милым, на белом коне!..
Но не вернётся мой друг ко мне.

Скачи – всё вперёд – пока солнце в грудь!
Но долгод он – одинокий путь...

Спешу – вечереет, ночь впереди...
Другие? Мне нужен был он один.

Досказан сказ, и домой пора.
Я была молода, а теперь – стара.

Ласточки

Кто ласточкам благою весть принёс,
Что строят дом – в полях, от города далёко?
Сказал: "Вот радость! Можно столько гнёзд
Свить по весне под стрехою широкой!

Едва весна – без счёта налетят,
Рассвет – щебечут, сумерки сгустятся –
На крышу облаком опустятся, галдят,
Пока уснут... Но как могли они дознаться?

Бродяга-ветер ли к ним в город залетел,
Дым дальний очага принёс? Степная птица,
Покинув пустошь, в путь могла ль пуститься,
Им весточку неся? Но в высоте,

Кто б ни был вестник – словно стая стрел
Несутся ласточки над степью, прямо к цели,
Чтоб соты хрупких гнёзд дом под крылом пригрел –
Покуда крыша есть и стены целы.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

*Виталий
Кальниди*

Челябинск

Уральская поэтическая школа как феномен ускоренного развития локальных литератур

Сразу хочу сказать, что Уральская поэтическая школа (УПШ) прежде всего – это идея, а уж потом почти 200 современных поэтов трёх-четырёх поколений, сотни, даже тысячи книг, монографий, антологий, энциклопедия, сеть фестивалей, премиальный пул и прочее и прочее. Незнание УПШ, история которой насчитывает более четверти века, можно рассматривать как факт вопиющего невежества. Между тем, «тотальная неосведомленность» является структурным явлением российского культурного пространства. Это касается напрямую и региональных субкультур, которые являются отнюдь не пазлами общего культурного ландшафта страны, а его «чёрными дырами». Сегодня у рассказа об «УПШ» две цели: этнографическая и идеологическая. Какая из них возьмёт верх – зависит от приоритетов конкретного читателя.

Термин «УПШ» – был мною введён в оборот в начале 90-х годов. В Энциклопедии УПШ дается такое определение: «Уральское поэтическое движение, которое мы произвольно назвали «Уральская поэтическая школа» – первая у нас в стране широкомасштабная самоорганизованная творческая корпорация, что с конца 70-х годов прошлого века и по 2020 гг. пыталась инициировать и инициировала новые поэтические смыслы.

Последнее время об УПШ все чаще говорят как о проекте ускоренного развития региональных литератур.

«Ускоренное развитие литературы – это ускоренное развитие а) личности поэта... и б) среды, где эта личность намерена действовать. Литера-

тура в первую очередь – это движение идей и людей, а потом уже тексты.

Невозможность жить в идеальном государстве не отменяет возможность создать модель культуры идеального государства. Проект УПШ – это и есть сценарий создания фрагмента культуры идеального государства, как мы его понимаем.

Явлением УПШ миру можно считать издание в 1992 г. дюжины поэтических книг серии «Классики пермской поэзии» и спровоцированный этим веерный фестиваль в четырех уральских городах. Акция длилась 11 месяцев. Может, кто помнит, что люди в тот год запасались крупами, чтобы пережить зиму, а на дюжине неподцензурных книгах в выходных данных стояло: «Продажи не подлежат, распространяется бесплатно».

Алексей Паршиков писал об этой акции: «Впервые детей региональной культуры наконец приняли в поэты такими, как есть, без идеологии, вкусовой предвзятости и хамства...». Именно эта издательская акция продемонстрировала неограниченные возможности личной инициативы, и именно благодаря ей самиздат на Урале стал выходить на официальный уровень, без спроса на этот шаг у самого официального уровня.

Почти сразу же после «Классиков пермской поэзии» мы запустили «Несовременные записки», – первый независимый толстый литературный журнал на Урале, через два года его сменил журнал «Уральская новь», вокруг всего это роем закружились изданные сборники стихов. Думаю, что к 1995 г. проблема первой публикацией для уральских поэтов была решена. Пришло понимание, что культура – не результативна, а процессуальна, она сродни фотону, который может существовать в вакууме, двигаясь не иначе как только со скоростью света, так и культура – это скорость движения, а не вес результата.

Но главным «врагом» проектирования и создания модели культуры идеального государства является вовсе не сегодняшнее, реальное государство, а сегодняшняя реальная культура, культура как традиция. Это, в том числе, и те характеристики культуры, которые уже стали привычками для многих наших сограждан: лицемерие, неточность говорения, фальсификации смыслов, инфантилизм и боязнь действий. Идея внутри человека – это культура. Человек внутри идеи – это политика. Вторые всегда третируют первых. Но первые не должны поддаваться на провокации. Ведь у создателей культуры цель проектная, а не боевая.

Поиск смысла жизни, как идея, мог возникнуть только внутри нарастающей бессмысленности происходящего. И это очевидно. Структурные

же институции УПШ, напротив, возникали от избытка смысла, от избытка энергии, от избытка понимания участниками процесса сути самого этого процесса. Журналы, квартиры-«салоны»-«хазы», фестивали, издательства, студии, объединения, клубы, книги, премии.. возникли, были созданы, учреждены, организованны частными людьми по своему хотению, не взирая на навязчивый патернализм советского и «пошлинахренизм» российского государства. Но важно то, что УПШ существовала/существует не благодаря успешной деятельности этих институций, а, напротив, всё эти институции реализовалось благодаря тому, что индивидуальная энергия первого поколения УПШ была перенаправлена в жизненную (а не только в творческую) практику, а следующие два поколения уральских поэтов эту практику оценили, поддержали и, частично перекодировав ее «под себя», продолжили. Именно наличие в первой волне новой уральской поэзии критической массы людей, преодолевших в себе концепт творческого эгоцентризма, осознавших, что творчество – это идеи, среда и воплощение этих идей в среде, а не только самовыражение, позволило УПШ осознать себя как данность и тут же эту данность начать воспроизводить в реальности из тех подручных средств, которые реальность не хотела, но теоретически могла предоставить и в конечном итоге предоставила, не выдержав настойчивости, напора и длительности этой настойчивости, перед которыми в такой комбинации она капитулирует всегда и везде. Итак, тот огромный материал, в наличие которого уже нет никакой возможности сомневаться, хотелось бы принарядить во фрак, взятой напрокат логики. Это будет означать, что мы искусственно разведем (в трех значениях этого слова) поток информации по отдельным зонам последовательности: место-время-форма. Самой жизни это не будет соответствовать, но представлению о ней – вполне.

Ленточным фундаментом инфраструктурного здания УПШ стали (сами того не подозревая) литературные кухни/квартиры. Вторыми в иерархии выступили объединения и сообщества. На третьем месте по логике времени встали первые издательские программы и популяризирующие их локальные фестивали со всякими премиальными цацками. После чего формы активности должны были стать многофункциональными, и они стали таковыми с появлением культурных фонды. В положенное время изжив себя (по причине понижению уровня энтузиазма отцов-основателей) они своей фактической капитуляцией вновь открыли дорогу серии индивидуальных проектов, которые сделали процесс предсказуемо хао-

тичным. Ибо непредсказуем только порядок, а хаос примитивен, не разнообразен, а потому дву-трех-вариантен.

По-настоящему структурообразующей была деятельность до 2000 г. Все, что происходило после, имело основой не смысл и идею, а развитие и множественность, что не являлось какой-то ущербностью, а было естественным ритмом роста, вне зависимости кем участники этого процесса себя представляли в своих нобелевских мечтах

УПШ – проект Провинции. Любой провинциальный проект, если развивается последовательно, в конечном итоге выдвигает идею культурного сепаратизма. И это плодотворно. Не плодотворны проблемы, которые вынужден решать провинциальный поэт (п/п). Вот некоторые из них:

Проблема «Центра»

Стремление п/п попытаться реализовать свои творческие амбиции в Москве (Нью-Йорке, Париже,) связаны только с желанием карьерного роста. Неплохо бы при этом отдавать себе отчет, что Творчество делает человека больше его самого. На этом фоне пытаться оказаться внутри очень большого предмета (например, в Москве) и думать, что ты от элементарного перемещения сам становишься больше, – наивность, поскольку очевидные законы сомаштабности утверждают обратное.

Проблема «Деньги»

Данная проблема разрешима, если рассматривать ее технологически, а не истерично кликушески. Изначально надо понять, что поэтическое творчество – это очень частное дело частного человека, имеющее цель обрести «свободу развития». Не свободу, а именно «свободу развития», то есть ощутить самое восхитительное рабство на свете. За свободу в цивилизованном обществе денег не платят. В нём платят как раз за передачу части своей личной свободы. Поэтому надо заранее вывести свое творчество из-под этого пресса. Другими словами: нужно обеспечить его финансовую независимость. Тут два пути. Первый: получение востребованной профессии (можно назвать ее «кредитной»), понимая, что на это потребуются и время, и силы. Второй: кардинальное снижение личных потребностей и возможность довольствоваться неквалифицированным трудом для заработка. В обоих случаях придется пройти через потери.

Проблема «Алкоголь. Наркотики»

Утверждение, что алкоголь/наркотики расширяют творческое созна-

ние, – очевидная глупость. Отстаивают эту чушь либо дебилы, либо латентные и явные наркодилеры. Творчество – это приглашение к жизни, к жизни иной, то есть той, которой еще не было. Алкоголь/наркотики укорачивают любую жизнь, причем по известному всем примитивному (даже без вариаций) сценарию. Убивающий жизнь не может ее продолжать. Отсюда вывод: алкоголь/наркотики и творчество несовместимы по векторам развития. Те известные культовые персонажи, чьими именами прикрываются «творческие синяки и синявки», на самом деле заставляют задуматься, что в идеале могли сделать эти люди, если бы у них хватило элементарного достоинства, чтобы не бросить свой дар в мерзость алкогольного/наркотического угара.

Проблема «Суицид»

Мысль о суициде – это банальное продолжение мысли о собственной исключительности. Суицидальные наклонности для любого сознания – норма. Тот, кого эти мысли не посещают, скорее всего, уже мертв. Но совершенный суицид – это самое подлое деяние по отношению к себе, к тем, кто нас любит, ко всей неорганике Вселенной, которая неимоверными усилиями и жертвами вдохнула в молекулярные цепочки, непонятую нами даже в первом приближении, идею жизни. Героизация суицида в художественной среде – следствие патологического недопонимания целей и возможностей творчества.

в Кодексе провинциального поэта есть такие положения:

- провинциальный поэт должен быть всегда трезв;
- провинциальный поэт должен быть экономически свободен; лучше если «кредитная» профессия не синхронизировалась бы с литературой, потому что филолог-поэт – это всё равно, что сталевар-балерина;
- провинциальный поэт должен принять свою судьбу и не пытаться подменить ее карьерной автобиографией, поскольку биография – это то, что меняем мы, а судьба – то, что меняет нас;
- издав свои первые две книги, провинциальный поэт должен приложить все усилия, чтобы издать как минимум две книги своих товарищей, у которых на это не хватает сил и возможностей;
- провинциальный поэт никогда не должен вступать ни в какой сговор с властями;
- провинциальный поэт не должен совершать самоубийство;
- провинциальный поэт должен содействовать тому, чтобы церковь

была отделена от поэзии;

– провинциальный поэт должен всем, и никто ничего не должен ему;

Количественные итоги проекта УПШ очевидны и позволяют говорить о том, что это самый масштабный проект в русской литературе за все время ее существования. Более уральских 170 поэтов, чье творчество отражено в Энциклопедии и четырех антологиях современной уральской поэзии, и примерно еще столько же молодых авторов. Сотни, если не тысячи поэтических книг (только лично мною было изданы 80 книг уральских поэтов). В 1982 году в Перми спектакль «В тени Кадриорга» открыл полноценную историю российского поэтического видеоарта. Творчеству уральских поэтов были посвящены спецномера многих журналов и альманахов, среди них – «Золотой век», «Урал», миланский журнал «Поэзия», «Октябрь», «Знамя», «Паровоз» и т.д. Совместные издание-билингва «Воздух чист» французских и уральских поэтов, было ярко представлено на Парижской поэтическом салоне в 2018 г. Премияльный пул уральских поэтов не менее впечатляющ. Но это, как говорится, фурнитура. Гораздо важнее глобальные проекты, один из которых – ГУЛ (Галерея уральской литературы), вовлек в чтение уральской поэзии несколько десятков тысяч россиян, благодаря поэтическим автопробегам, маршрут которых прошёл через пятнадцать регионов России, захватив и Белоруссию. Каждую неделю выходила новая авторская книжка стихов уральского поэта. Всего в «ГУЛ»е были опубликованы 30 сборников за 30 недель. Создана постоянная действующая система акций, в том числе фестивали, презентации книг, вечера, слэмы, батлы и прочее, наконец, проведена всероссийская конференция с международным участием по УПШ – первая в истории российского литературоведения конференция, посвящённая живой поэтической школе. И, возможно, одни из главных уже состоявшихся результатов проекта, – это поэтическое братство и образ поэта, зафиксированный в Кодексе провинциального поэта и демонстрируемый в реальности лучшими представителями УПШ. По сути, в УПШ создана профессиограмма поэта, переводящая его из маргиналов в лидеры культурного строительства.

Перечислим и рассмотрим составляющие части УПШ как проекта ускоренного развития и создания региональной литературы. Это:

- 1) идеология
- 2) лидерство
- 3) выстроенные коммуникации, инфраструктура, система меропр-

ятий и акций,

4) документирование процесса: книги, периодические издания, интернет-ресурсы, антологии, энциклопедия, словари.

5) Самое главное: поэты-культуртрегеры.

Расшифруем этот список

Идеология такова: Поэзия дана нам не для создания гениальных стихотворений, а для того, чтобы мы, записывая стихи, могли измениться. Чтобы мы почувствовали язык ангелов. А в крайнем случае, чтобы взяли и просто создали этот язык. Чтобы научились говорить на нем друг с другом. Чтобы научившись этому, стали бы жить по ангельским законам. Только такая сверхзадача оправдывает, поддерживает и наполняет будущим русскую поэзию.

Лидерство. Принципиально, что поэтические кластеры могут образовываться только вокруг крупного поэта, без таланта энтузиазм и труд дают в итоге не поэзию, а захудалое ЛИТО. Поэты-культуртрегеры Урала – это, помимо вашего не очень покорного слуги, Андрей Санников, Юрий Казарин, Евгений Касимов, Евгений Туренко, Марина Волкова, Александр Петрушик... Свобода, с которой все они работали с текстами, пожалуй, самое ценное, что было предъявлено в начале 80-х уральским поэтам. В итоге мы получили совершенно разных по стилю авторов, которые смогли позволить себе большую степень свободы и именно поэтому стать уникальными.

Инфраструктура: Особенность уральской поэтической ситуации заключалась в том, что структурная ставка была сделана на регион в целом, а не на эгоистическое соревнование мегаполисов. При всей лестности надления меня ролью лидера, что в общем-то в части некоторых стратегических инициатив и выглядит справедливо, надо подчеркнуть вынужденную коллективность уральского культуртрегерского движения. Помощь, которую мне оказывали, к примеру, мой друг Евгений Касимов, филологи Владимир Абашеев и Анна Сидякина, с лихвой перекрывает всё сделанное лично мною. Важно знать, что внутри УПД эффективно действовали локальные поэтические школы (именно школы): это нижнетагильская школа Евгения Туренко, сгенерированная по принципу семьи, екатеринбургский «Клуб капитана Лебядкина» по руководством Андрея Санникова, сгенерированная по принципу секты, нельзя не упомянуть и социо-культурные инициативы Руслана Комадея, Елена Ионова, Сергея Ивкина и очень многие другие.

Документирование процесса. Так получилось, что скелетной презентацией УПШ стала многотомная «Антология современной уральской поэзии», издаваемая с определенной периодичностью: раз в 7 лет, полагая, что именно за это время происходит смена поэтических поколений. На сегодня изданы четыре антологии уральской поэзии: 1996, 2003, 2011, 2018 гг.

О культуртрегерстве. Культуртрегер – это человек, которые противостоят реальности. Он запускает и обслуживает культурный процесс. Деятельность культуртрегера – не героична, а рутинна и в длительной перспективе не эффективна, но на коротком шаге она решает проблему уныния в культурной среде. А уныние, к слову, один из смертных грехов.

Вот правила эффективного культуртрегера:

- очень хотеть что-то сделать в культуре;
- не пытаться на этом заработать;
- потратить часть жизни, не времени, а жизни;
- культуртрегерская деятельность может называться таковой, если она длится не менее 5 лет без заметных пауз.

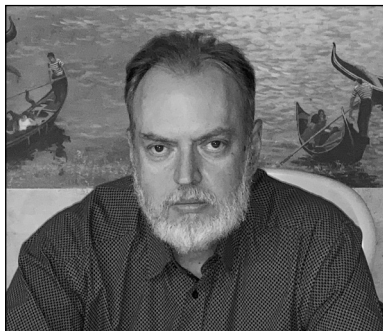
Особенности уральского культуртрегерского движения:

- культуртрегер на Урале – это, как правило, авторитетный поэт;
- и главная особенность уральских культуртрегерских инициатив – их поколенческая преемственность, что позволило сделать УПД на время необратимым процессом.

Дмитрий Александрович Пригов, с которым мы несколько раз и в Москве, и в Челябинске подробно обсуждали проблему эффективности презентации региональных субкультур, еще 2003 г. после выхода 2-го тома «Антологии современной уральской поэзии» утверждал, что долгие годы доминировать будут три поэтических региона, это Москва, Питер и Урал. Он так же предположил, что географические школы будут заменены «школами», основанными на доступности Интернет-сближений. Последний прогноз пока не оправдался. Напротив, все больше региональных поэтических инициатив имеют место быть. Хотя – и это очень важно – нынешний культурный момент требует иных стратегий, нежели те, о которых мы говорили выше. Но это тема уже другого разговора.

Ссылка на сайт современной уральской поэзии <https://www.marginaly.ru/>

Ссылка на книгу МАРГИНАЛЫ (уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы) <https://uralmarginal.ru/Contents.htm>

Дмитрий Аникин

Москва

Поэт, публицист, прозаик. Родился в 1972 году в Москве. Живу в Москве. По образованию – математик. Предприниматель.

Публикации в печатных изданиях на настоящий момент времени: циклы стихов и статьи в журналах и альманахах «Новый мир», «Нева», «Наш Современник», «Prosodia», «Слово/Word», «Плавающий мост», «Перископ-Волга», «Кольцо-А», «Дегуста», «Север», «Дальний восток», «Нижний Новгород», «7 искусств», «Сетевая словесность», «Изящная словесность», «Клазура», «Русский колокол», «Точка зрения», «9 муз» и др.

Лауреат конкурсов «Золотое перо Руси-2024», «Русский Гофман-2025» «Серебряный голубь России-2025».

Лауреат конкурса журнала «Отчий край».

Шорт-лист конкурсов «MyPrize 2024», «Мыслящий тростник-2024»

Автор книг «Повести в стихах», «Сказки с другой стороны», «Нечетные сказки», «Новый курс русской истории».

ОЦУП. НЕИЗВЕСТНАЯ АББРЕВИАТУРА

Оцупа русская литература хорошо, даже слишком хорошо помнит:

*Не только в древности неслышные слова
Природа тёмная певцам вещала славным:
И ныне с Оцупом беседует, как с равным,
На доме Зингера пустая голова.*

Так написал Ходасевич, и я до сих пор не могу пройти по Невскому, не вспомнив это четверостишие. А вот стихов Оцупа, даже тех, которые спародировал Ходасевич, я наизусть не знаю.

*Неправда! Я читаю в Пролеткульте,
И в Студии, и в Петрокомпромиссе,
И в Оцупе, и в Реввоенсовете!*

И этот стих не дает разгадки понятия «Оцуп»; если это был человек, то Чуковский мог «читать» только в его душе, если – учреждение, то, очевидно, там была культурно-просветительная ячейка, где Чуковский читал лекции.

А это уже из блоковской «Сцены из исторической картины "Всемирная Литература"».

Что же такое ОЦУП? Может быть, «Общество цивилизованного употребления пищи»? Якобы расшифровка связана с тем, что Оцуп был непревзойдённым мастером в деле добывания продуктовых пайков, а в голодном Петрограде не было умения важней.

Оцуп много переводил для «Всемирной литературы», так что его появление в блоковских сценах неслучайно.

Оцуп родился в Царском селе. Прекрасный выбор для поэта. В качестве репетитора он попал в дом Хмара-Борщевских, родственников Анненского. Старший брат Оцупа в детстве дружил с Гумилёвым. Трудно было не заметить тут руку Провидения.

В России, среди буйного и щедрого великолепия стихотворства, Оцуп не был особенно заметен; в эмиграции, с её нарочитой скупостью на слова, тоже хватало поэтов первой величины. Но творчество Оцупа было чем-то малозаметным, без чего русская поэзия оказалась бы неполна.

Считается, что это Оцуп придумал термин «Серебряный век». Что ж, очень может быть: ему если не со стороны, то с периферии виднее.

*Я даже место нахожу свое –
Поэта – зрителя и мещанина,
Спасаящего свой живот от смерти...*

С этого места Оцуп смотрел на революцию. Но уж такова русская революция, что нет в ней безопасного места.

Оцуп был чуть ли не единственным поэтом, который буквально и правильно понял пушкинские слова: «я просто русский мещанин».

После расстрела старшего брата, а потом и Гумилёва, Оцуп решил покинуть Россию. Заграница оказалась к нему не добрее Родины: пришлось пройти через концлагеря, повоювать в партизанских отрядах.

Европу Оцуп не любил, но и в Россию не вернулся.

*Мчатся тучи... Пролетают годы,
Пролетают и свистят в ушах.
Снова то за ветром непогоды...
Буря мглою... Снова мы впотьмах.*

*И не домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж?.. В жалобе стихий,
Как в метели, пушкинское тонет...
Буря... Кони стали... Гоголь... Вий...*

Кажется, это причитание из тех, что должны звучать над покойником, над очень дорогим русским покойником.

Или вся наша литература стала заклинанием, усталой скороговоркой, докучной сказкой?

Или это загадка, отгадка которой – «неподвижность», поскольку всё вокруг находится в беспрестанном, тошнотворном кружении, но это ничего не значит, это – иллюзия: мы не едем!

И дальше:

*Буря мглою... Варвары под Римом.
Под ударом Лондон и Париж.
Расставаясь с невозстановимым,
Ты уже на Западе горишь.*

Мы никуда не двигались, и вот: «Слезайте, приехали!» Страшно. У Пушкина хотя бы скорость была, хотя бы какая-то вероятность спастись от бесов.

*Маленькое пламя задувая,
Буря мглою... Только над звездой
Там, за вихрем, вечная, живая –
Божья Мать и рядом ангел мой.*

Но Оцуп не был бы Оцупом, если бы сквозь метель, сквозь пургу не смог бы увидеть Божью Мать, и рядом – ангела.

Никак нельзя отвязаться от мысли, что это... Нет, не бесовский лик – бесы, как известно, могут являться в виде святых или даже Христа, но не в виде Богоматери. Это, может быть, просто промельк снега, просто желание поэта видеть там, где ничего нет. Где только «буря мглою...»

Вообще Серебряный век несколько стеснялся Пушкина. Может быть, всё назначение этой странной эпохи в том и состояло, чтобы выйти из пушкинской тени, из пушкинской сферы влияния. «Из русских поэтов наш модернизм тайно и явно предпочитал Пушкину Лермонтова, Тютчева, Баратынского», – писал Оцуп. Понадобились революция, война, террор, изгнание, чтобы русская поэзия снова поняла и приняла Пушкина.

В списке тех, «кем нельзя пользоваться как источником», Ахматова упомянула Оцупа. Не было ничего более постоянного, легче объяснимого и менее взаимного, чем ненависть Ахматовой к «младшим», к «так называемым», к «дополнительным» акмеистам. Георгий Иванов, Адамович и примкнувший к ним Оцуп если и упоминались Ахматовой, так только затем, чтобы их уколоть, принизить. Акмеизм был её собственной вотчиной.

Между тем, никто из этих троих не сказал об Ахматовой плохого слова, Оцуп так прямо называл Анну Горенко гениальной.

*Чье-то тело, недавно живое,
Завернули в потертый ковёр.
И один замечтался, а двое
Кипятком обмывают топор.*

Кроме замечательных стихов об Оцупе Ходасевич отметил ещё и какой-то странной, совершенно невозможной сплетней: якобы Оцуп и Георгий Иванов убили перед отъездом в эмиграцию какого-то богача. Двое убивали, а третий, Адамович, помогал прятать труп. Деньги поделили, на них и обустроились во Франции.

В Париже Оцуп начал издавать журнал «Числа». Гиппиус упрекала журнал в аполитичности. Оцуп с обвинениями не спорил и продолжал всё так же, без политики, считая требования Гиппиус большевизмом наизнанку.

*Нам, уцелевшим от пожара
В самой неслыханной стране,
Какое нам дело. Вдыхай, гитара,
Почитаем стихи, зайдём ко мне.*

*Но если ты поверишь Энею,
Ожесточенному в морях,
Я все еще любить умею
И я вздыхаю на пирах.*

Оцуп прочитал эти стихи на литературном вечере, прочитал после Маяковского, декламировавшего «Солнце» – стихотворение, где призывал: «Светить и никаких гвоздей!» У Маяковского было больше силы, у Оцупа – правды. Что лучше для поэзии?

В воспоминаниях о первых годах Оцупа в Париже то и дело мелькают слова «щёголь», «лощёный». Потом он поиздержался и стал выглядеть, как и подобает поэту в изгнании, надоевшая аллитерация перестала звучать.

Ровные, без срывов, классические стихи Оцупа:

*Не говорите о поэзии,
Как говорят о пустяках –
Она приходит как возмездие,
Она – отчаянье и страх.*

*Сойдя с ума от одиночества,
Застонешь, муза тут как тут:
Поэзия – сестра пророчества,
Она при жизни вечный суд.*

В обстановке всеобщего распада могут спасти только твёрдые правила. Оцуп был неизменно серьёзен в своем отношении к поэзии. Может, в этом и была его беда. Поэзия требует не только серьёзного, но и совершенно несерьёзного отношения к себе.

*Хорошо писать на облаках,
Хорошо, что это бесполезно,*

*Хорошо, что лучшее в стихах
Безответно. В черной и железной
Связи поездов и городов
И могильных памятников все мы
Глохнем для небесных голосов,
И любви чистейшие поэмы,
В общем, пишутся ни для кого
(Не для автора ли самого?).*

Ахматова любила повторять, что главное – это величие замысла. И она же утверждала, что для новой поэмы нужна новая строфа.

«Дневник в стихах» – длиннейшая, в двенадцать тысяч строк поэма, для которой Оцуп создал собственную строфу, состоящую из десяти пятистопных хореев.

Замысел поэмы был вполне дантовский и даже гоголевский – объяснить и даже изменить весь мир.

«Дантовская терцина и онегинская строфа – пример формы, обусловленной напором ищущих плоти идей, и оттого эта форма насквозь духовная», – писал Оцуп. У него же строфа не чувствуется, строки сливаются, бесконечная вереница беспрестанно повторяющихся хореев кого угодно сведёт с ума.

Аскеты постоянно повторяли 99 имён Бога, надеясь в этой скороговорке сбиться, запнуться, оговориться последним, сотым, неизвестным, тайным... Может, какой-то опыт в этом роде и предполагался Оцупом для читателей «Дневника».

Даже странно, что хорей, самый бойкий и развесёлый размер в русской просодии, может звучать так заунывно. Как самый что ни на есть некрасовский анапест.

Эпиграфом к «Дневнику» были взяты строки Пушкина: «И внемлет арфе Серафима//В священном ужасе поэт». Оцуп сознательно пытается не заметить пушкинской иронии, и готов признать в арфе Серафима источник религиозной поэзии. Но с Пушкиным так нельзя: его вольнодумство, его гений – если их в дверь, так они в окно. Для Пушкина «стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! – это, право, большая удача».

Георгий Иванов оказался куда более пушкинским поэтом, когда написал: «И внемлет арфе Серафима//в священном трепете петух».

Оцуп, который так возмущался, что у современников нет сил для восприятия писателей прошлого целиком, не только эстетически, но и духовно, сам оказался не готов для пушкинской целокупности. У Оцупа Пушкин серьёзен до одурения и несколько туповат.

Для того, чтобы вести поэтический диалог с Пушкиным, надо быть с ним «на дружеской ноге», то есть стать чуть-чуть Хлестаковым, как-то неприлично завратясь.

*Ты не Беатриче, ты другая –
И, не только вечностью жива,
Говоришь со мною не из рая,
И свои лишь у тебя слова.
Ты не триумфально-безупречна:
В жилах – кровь, и для полубогинь
Слишком ты (без меры) человечна,
Но, далекая и от рабынь
С их мечтами об одном полезном, –
Вся ты и в реальном, и в надзвездном.*

Оцуп и с Данте соотносил себя слишком всерьёз: «Данте – великий учитель и в смысле формы. Он осмелился презирать фальшивую скромность поэтов, прячущих себя за своих героев. Его Беатриче – самый смелый синтез философии, богословия и реальной здешней человеческой любви, восторженной до экстаза и трезвой, как алгебра». Но Оцуп был слишком хорошо воспитан, слишком человек своего времени, чтобы позволить себе дантовскую средневековую разнузданность, нетерпимость, порывистость. Беатриче встречает Данте в Земном раю чисто женскими мелочными упрёками, чуть-чуть не опускаясь до площадной брани.

Есть Пушкин, есть Данте, а есть те, кто не горячи и не холодны, они тоже могут быть настоящими поэтами, лишь бы только не величие замысла, который под силу только Пушкину или Данте.

Кроме «Дневника», Оцуп написал роман «Беатриче в Аду».

Оцупа не удовлетворяла современная ему поэзия «Парижской ноты» с её пафосом самоограничения, ему хотелось поэзии движущей, созидательной. Нужно было чем-то оправдать «величие замысла».

Оцуп объявил новое течение в литературе – персонализм. Казалось

бы, к чему? «Для многих теория поэзии ни к чему, надо просто писать стихи. Это – недомыслие или лень», – так Оцуп пытался объяснить недоверчивым читателям необходимость своих теорий. Предшественниками, провозвестниками нового течения были назначены Пушкин и Данте.

Вот несколько цитат из статьи Оцуа, объясняющих сущность нового учения:

«Персонализм – не эстетизм, а интегральность»;

«В противоположность экзистенциализму, упивающемуся ужасом бессмыслицы мироздания, персонализм насквозь религиозен, он верит в Бога»;

«Персонализм – реакция на атеизм, на стадность. Это не эгоизм писателя, это защита его личного достоинства».

Добавлю к этому перечню собственное определение, которое бы точно не понравилось Оцупу: «Персонализм – это попытка построить религиозную поэзию в мире, где нет Бога».

Новое течение оказалось не нужно никому, кроме самого Оцуа.

В поздних стихах Оцуа есть какая-то последняя безнадежность. Кажется, она не входила в изначальный замысел автора, просто оказалась настолько неотвязной, что ни строки без неё.

Чем больше Оцуп думает о Боге, о Надежде, тем глуше, мрачнее становится тон стихов...

И как тут, чтоб разогнать чёрные мысли, не вспомнить снова:

*Не только в древности неслышные слова
Природа тёмная певцам вещала славным:
И ныне с Оцупом беседует, как с равным,
На доме Зингера пустая голова.*

*Анастасия
Сойфер*

Мельбурн

О Доротее Макеллар

Стихи, принесшие ей бессмертие, она написала в 19 лет. Её именем названы улицы, музеи, литературные конкурсы, ей поставлены памятники. Но для большинства она так и осталась автором этого одного стихотворения. Так бывает в истории поэзии. Одно бессмертное стихотворение – разве этого мало?

Я ничего не знала о Доротее Макеллар, когда впервые прочла это стихотворение – "Моя страна" (в прекрасном переводе А.Штейнберга.). Стихи произвели сильное впечатление. Естественно, возникло желание узнать об авторе больше. С удивлением убедилась, что "Моя страна" – единственное стихотворение Макеллар, переведённое на русский (правда, существует несколько вариантов, от разных переводчиков). Начала читать её стихи по-английски. Материалы о ней, которые удавалось найти, были поверхностны и однообразны. Задала вопрос о Макеллар нескольким "коренным" австралийцам – имя её либо вообще ничего им не говорило, либо, после нескольких секунд размышления, следовало: "А! Моя страна..." Никаких других её стихов припомнить не мог никто. Наконец в моих руках оказались две книги (речь о них пойдёт ниже), из которых многое удалось узнать о жизни Доротей, в какой-то степени заглянуть в её внутренний мир. Личность и судьба этой женщины неожиданно стали небезразличны... И теперь по-другому зазвучали для меня её стихи. И мне захотелось перевести некоторые из них для русскоязычных любителей поэзии в Австралии, которые горячо и искренне полюбили эту страну.

"Моя страна" Доротей Макеллар вот уже 110 лет – с первой его публи-

кации в 1908 году – остаётся самым известным, любимым, цитируемым поэтическим произведением Австралии. В то время, когда оно было написано, многие жители Австралии, особенно наиболее образованные и состоятельные, даже в 3-м и 4-м поколении всё ещё считали своей родиной Англию (Шотландию, Ирландию), преклонялись перед всем английским. Но постепенно, становясь австралийцами, всё больше английских переселенцев учились любить свою землю, природу такой, как она есть; они начинали ощущать глубокую личную связь с ней. "Моя страна" дала им слова, яркие образы для выражения этой связи. Стихотворение стало манифестом преданности народа Австралии своей землё, почти что неофициальным гимном страны. А чувство патриотизма, обострившееся во время 1-й, а потом и 2-й мировой войны, ещё более усилило эмоциональное восприятие этих стихов, их значение для австралийцев.

Доротея Макеллар родилась 1-го июля 1885 года в особняке Дунара, Point Piper в Сиднее. Она была 3-м ребёнком и единственной дочерью в семье известного врача и общественного деятеля, впоследствии депутата Парламента сэра Чарлза Киннэрда Макеллара. Родители Доротеи, потомки выходцев из Шотландии, принадлежали к верхушке австралийского общества своего времени и владели значительным состоянием и земельными угодьями. Доротея и её три брата были австралийцами уже в 3-м поколении.

Семья была дружной и любящей. Доротея получила домашнее образование; брала уроки живописи, фехтования, иностранных языков; позднее посещала лекции в университете Сиднея. С раннего детства она много и увлечённо читала. Рано проявились её наблюдательность и богатое воображение. Она много путешествовала с родителями, и к 20-и годам свободно овладела французским, испанским, немецким и итальянским языками. В последующие годы она часто сопровождала отца в деловых поездках и служила ему переводчиком. Благодаря путешествиям она посетила крупнейшие музеи и картинные галереи, лучшие театры Англии, Америки и Европы. Юность её проходила между Сиднеем, где она общалась с представителями интеллектуальной и административной элиты, деревенскими именьями семьи, и Лондоном, где она часто гостила.

Доротее было 15 лет, когда в 1900-м году в Южной Африке, на Бурской войне (Boer war)* погиб её обожаемый старший брат. Доротея приехала с родителями в Лондон, ожидая его скорого возвращения. Но

буквально через несколько дней по приезде до них дошла весть о его гибели. Для Доротеи это был первый удар, первое столкновение с безжалостной реальностью в её до сих пор ничем ещё не омрачённой юности. Тогда она написала своё первое в жизни стихотворение. И было оно – о смерти, называлось "Когда она придёт" (When it comes).

**Австралийские подразделения, как и войска других колоний Британской Империи, участвовали в Бурской войне 1899-1902 годов.*

К концу 1900 года семья вернулась в Австралию и, хотя Доротея снова вела прежний, комфортабельный и "защищённый" образ жизни, после смерти брата всё было по-иному. Доротея всё чаще погружается в вымышленный мир, созданный её собственным воображением. Началось это ещё в детстве, теперь усилилось. Её фантазия рождает целый ряд образов – в своих дневниках она называет их "игровые люди". Через них она могла переживать эмоции и приключения недоступные ей в реальности; их судьбами могла управлять. Перипетии и превратности их жизней разворачивались месяц за месяцем, год за годом, запечатлеваясь в её "игровых тетрадах". Доротея старалась вовлечь в этот воображаемый мир своих друзей, заставить разыгрывать с ней её фантазии в лицах. В 1904 году в Лондоне она познакомится с Рут Бедфорд*, которая с 1910 года станет другом всей жизни и постоянным партнёром и соавтором Доротеи в "играх воображения".

**Ruth Marjorie Bedford (1882 – 1963). Поэт, прозаик, детский писатель, драматург, журналист, знаток и защитник природы, Рут Бедфорд принадлежала к тому же обеспеченному кругу, что и Макеллар, но всю жизнь стремилась к профессиональной литературной карьере.*

Из всех "alter ego", "вторых Я" Доротеи (а к 1910 году их было уже 54, и каждый имел характер, историю и даже дату рождения), самым любимым и постоянным её фантомным спутником был "Кид" (Kid Prevost). Он оставался с ней более 20 лет. Именно его имя она взяла, когда пожелала печататься под псевдонимом. Это ему предстояло стать героем её романа "Судьба преступника". Кид был для неё олицетворением решительности и отчаянной, безрассудной храбрости. Возможно,

в этом образе, бессознательно, жили отзвуки памяти о любимом брате, безвременно героически погибшем. Но, скорее всего, это одна из "ипостазей" души самой Доротеи: в жизни окружённая комфортом и замкнутая в рамки "приличий", контролировавших каждый шаг женщины её времени и круга и резко ограничивавших её возможности самореализации, она так рвалась к свободе! В целом ряде её юношеских стихов звучит протест против этих рамок, жажда деятельности, риска; мечты о том, что бы она смогла совершить, родись она мужчиной!

В 1904 году семья совершила очередное путешествие; посетили Японию, Северную Америку, Европу, затем – Лондон. Там 19-летней Доротеей и был написан первый вариант прославленного стихотворения "Моя страна" (первоначальное название "Ядро моего сердца"). Доротея тосковала по родной Австралии; её обижало и сердило, когда англичане пренебрежительно отзывались о её родине как о "колонии". Первоначально стихотворение было написано как обращение к её английским кузенам, "в чьих жилах течёт" любовь к более мягкой, упорядоченной и обжитой природе Англии. Ей она противопоставляла свою любовь к дикой, грозной и прекрасной австралийской природе. Стихи были навеяны детскими впечатлениями жизни "на земле" в Австралии, в усадьбе Торрибёрн (Torryburn) в Хантер Вэлли (Hunter Valley) в Новом Южном Уэльсе. Сохранилось воспоминание о том, как юная Доротея танцевала там босиком под дождём, когда он полил наконец после долгой засухи, а потом восхищалась пеленой зелёной травы, мгновенно покрывшей округу.

Вернувшись в Австралию, Доротея вновь и вновь меняла и переписывала это стихотворение, в то время как другие её стихи, начиная с 1907 года, уже печатались в Австралии, Англии и Америке. (...Жила она в это время в Сиднее, в квартире (апартаментах) над приёмной и кабинетом отца, где он принимал пациентов, в Баклэнд Чемберз (Buckland Chambers) на Ливерпул стрит (Liverpool Street), напротив мемориала Анзак. Мы проезжаем мимо этого здания, направляясь на автобусе в центр города...) Только в 1908 году она послала рукопись "Моей страны" в лондонский Spectator, где оно было тут же напечатано. Позже стихотворение вошло в 1-ю книгу стихов Доротеи Макеллар "Закрытая дверь и другие стихи" (Мельбурн, 1911).

10-е и первая половина 20-х годов были очень плодотворны для Макеллар. В 1913 вышел роман "Судьба преступника". Вместе с Рут Бедфорд

были написаны два других романа, "Маленький голубой дьявол" (1912) и "Сообщество двоих" (1914). Многие "игровые люди" перешли на страницы этих романов. Между 1911 и 1926 годами были изданы 4 сборника стихов.

С фотографий Доротеи в молодости смотрит идеальная молодая леди своего времени: она красива, изящна, чувствительна, модно и элегантно одета. Доротея полна была энергии, весёлости, интереса к жизни, обладала тонким чувством юмора и острым языком. Она великолепно плавала, гребла, любила верховую езду и прекрасно разбиралась в лошадях и собаках.

Семье Макеллар принадлежали несколько имений в районе Ганнеда (Gunnedah), на северо-западе штата Новый Южный Уэльс, в том числе Куррумбэде (Kurumbede) и Рампаделлс (The Rampadells), в сумме более 6000 акров земли. Сэр Чарлз, отец Доротеи, приобрёл их в 1907 году и передал своим двум оставшимся в живых сыновьям. Доротея часто и подолгу гостила у братьев. Она сроднилась с природой этих мест – ею навеяны целый ряд её стихов. Два стихотворения особенно ярко отражают её особую связь с местностью вокруг Ганнеда – это "Рассвет" ("At the dawning of the day, On the road to Gunnedah...") и "Жгут лес" ("They're burning off at the Rampadells..."), которые включены в эту подборку. Горюжанка, вращавшаяся в высшем свете Сиднея, она чувствовала себя как дома и в австралийской деревенской обстановке. Ей, как и братьям, с детства было знакомо всё, что связано с ведением фермерского хозяйства, овцеводством, коневодством. Недаром поэзия Макеллар считается поэзией не города, а "буша". Здесь, в деревне, она активно упражнялась в верховой езде и, кстати, гордилась своим умением ездить в дамском седле, по любой местности.

Есть очевидные, неоспоримые, основанные на документах факты биографий. Но – вспомним стихи Е. Евтушенко: "...Что знаем мы про близких, про друзей, что знаем о единственной своей? И про отца родного своего мы, зная всё, не знаем ничего". Так и в биографиях известных людей, как бы ни были они изучены, всегда остаются "белые пятна". Даже в жизни Пушкина – после почти уже двухсотлетних усилий и достижений пушкиноведения! – всё ещё остаются загадки, ведутся споры (как, например, кто всё же была она, его легендарная "потаённая любовь?"); живы надежды, что найдутся ещё чудом документы, которые прольют свет на оставшееся неразгаданным... Что касается Макеллар, ни одной мало-мальски полной

её биографии до 1989 года вообще не существовало. Конечно же, осталось много вопросов в отношении её жизни, особенно – личной.

В 1989 и 1990 годах одна за другой вышли две книги: "Моё сердце. Моя страна" – биография Доротей Макеллар написанная Адриенн Хаули (Adrienne Howley)*, и "Я люблю сожжённую солнцем страну" – дневники Макеллар 1910-1918 годов, опубликованные под редакцией и с предисловием Джиоти Брансдон (Jyoti Brunsdon). Интересна история обеих книг.

**Адриенн Хаули была впоследствии награждена Орденом Австралии (Order of Australia Medal) за заслуги в области паллиативной медицины. Эта удивительная женщина работала в Рабаул в Новой Гвинее; в Южной Африке. В течение 5 лет на маленькой деревянной яхте, в качестве компаньонки, прислуги, повара она совершала кругосветное плавание. Уже в зрелом возрасте Адриенн получила университетское образование. Увлечись буддизмом, она изучала буддийскую философию Махайяна в Непале, Индии и Европе; написала бестселлер "Обнажённый Будда" (The Naked Buddha) и ряд других книг о буддизме. В 1982 году она была посвящена в буддийские монахи Его Святейшеством Далай Ламой, а в 1993 году приняла обет посвящения в наивысший монашеский сан от главы буддистов Вьетнама. В возрасте 95 лет, почти лишившись зрения, Адриенн Хаули продолжает писать и вести активный образ жизни.*

Адриенн Хаули (тогда фамилия её была Матзеник), будучи медсестрой, ухаживала за Доротеей в последние 12 лет её жизни. Между ними возникли тёплые, доверительные отношения и, с разрешения Доротей, Адриенн записывала её рассказы о молодости, о сердечных драмах, семейных связях, местах и образе жизни семьи, о путешествиях, о потере близких. Так набрасывалась будущая книга.

Известно, что Доротей Макеллар так никогда и не вышла замуж. Согласно биографии, написанной Хаули, между 1908 и 1914 годами она дважды была обручена. Первую помолвку она расторгла по собственному желанию. Вторая, с английским поэтом и банкиром Патриком Чалмерсом (Patrick Reginald Chalmers), с которым она встретила в 1913 году в Лондоне, расстроилась из-за потери связи с любимым человеком в хаосе разразившейся 1-й мировой войны. Доротей была уверена, что встретила, наконец, человека с которым хотела бы соединить свою жизнь, не сомневалась ни в своих, ни в его чувствах. Но, когда Патрик официально попросил её руки накануне её отъезда в Австралию, она не дала ему

окончательного ответа. Сказала, что и ему, и ей нужен ещё срок, чтобы проверить свои чувства. Вернувшись в Австралию перед самым началом войны, Доротея отправила Патрику письмо. Она писала, что станет его женой; её семья будет рада их союзу; что она при первой же возможности вернётся в Англию; говорила о своей любви... Очень долго она ждала ответа, переходя от надежды к отчаянию. Но, как оказалось, письмо никогда не достигло адресата. В 1917-м году Доротея узнала о помолвке Патрика с другой... Это было тяжким ударом. Доротея записала в дневнике лишь одну фразу: "Это я во всём виновата... о Боже!" Она давно винила себя за то, что не дала тогда Патрику прямого ответа... Тем не менее, ей нужно было с ним объясниться, понять, как мог он так скоро жениться на другой, ведь он любил её! В 1919 году Доротея с братом отправляются в Англию, куда они в течение многих несяцев, с большим трудом добираются. В 1920 году объяснение состоялось, но облегчения не принесло. "Ты быстро утешился," – с горечью бросила она Патрику, – "я же утешения не искала". Но – почему не пытался он связаться с ней, даже не получив письма? Почему, мучаясь ожиданием, не писала она ему снова? ...Через 100 лет, кардинально изменивших мир, вправе ли мы судить о поступках людей, чья юность проходила ещё в викторианскую эпоху? Можем ли понять их психологию, их "гордость и предрассудки"?

Если всё это так и было – поскольку существует мнение, что история эта вымышленная, так как в дневниках, о которых речь пойдёт ниже, она почти не отражена.

К изданию дневников привело намерение создать оперу о жизни Доротеи Макеллар. Написать музыку собирался композитор Алан Холли (Alan Holley), тогдашний музыкальный руководитель известного Сиднейского Оркестра Баха (Sydney Bach Orchestra). Работу над либретто он поручил ведущей флейтистке оркестра Джоти Брандсон. Только что вышла биография Макеллар написанная Хаули, и любовные разочарования поэтессы, её расторгнутые помолвки, казалось, обещали богатый "оперный" материал. В сиднейской библиотеке Митчелл (Mitchell Library) Брандсон получила доступ к ящикам с дневниками и другими бумагами Макеллар. Но не нашла достаточных свидетельств о расторгнутых помолвках, о разбитом сердце... В своём предисловии к дневникам Брандсон выдвигает версию, что вся история с Патриком Чалмерсом была выдумана Макеллар в старости. На самом деле они были просто добрыми друзьями. Ведь так многое в жизни Доротеи происходило лишь

в воображении...

В дневниках, в "закодированных" записях, расшифрованных Брансдон, можно проследить другое любовное увлечение: отношения с женатым архитектором Робертом Смитом Додсом (Robert Smith Dods), который, несомненно, был страстно влюблён в Доротейу.

Недостатка в поклонниках у неё не было. Не миновали и её сильные увлечения. Но либо человек был "не тот", либо – он не был свободен, а на роль "другой женщины" она согласиться не могла. Уже в зрелом возрасте, в 1941 году посетила её последняя любовь – к человеку гораздо моложе... Так или иначе, в некоторых стихах Доротейи, как и в переводах из мало известных испанских и немецких поэтов, звучат ноты несложившейся женской судьбы, тоски и одиночества. Есть там и мотив единственной, всю жизнь длившейся, но не осуществлённой любви – кто же он был, её герой? И существовал ли он в реальности, или жил только в воображении поэта, как мечта, как недостижимый идеал?

Дневники интересны далеко не только этим. Словами самой Макеллар они освещают большой период её жизни, включая и пребывание в Европе в 1912-13 годах, годы 1-й мировой войны, и послевоенный период. Джиоти Брансдон пишет в предисловии, что, с первого знакомства с дневниками (а в её распоряжении оказались не только впоследствии опубликованные дневники 1910-18 годов, но и записи за многие другие годы), её поразили контраст между двумя сторонами жизни Доротейи:

всевозможными привилегиями и величайшими ограничениями. Это был мир, где женщина 28 лет всё ещё не имела права выходить из дома без сопровождения! Дневники воссоздают реальную, детальную картину жизни молодой женщины австралийского высшего общества второго десятилетия 20-го века, которая силится соответствовать условностям и подчиняться правилам "благовоспитанного" общества, в то же время тайно его презирая и пытаясь, насколько возможно, сопротивляться его гнетущим канонам и требованиям. Доротейя осторожна даже в дневниках – она "кодирует" многие записи по её же самой изобретённой системе...

Читая дневники, нельзя не обратить внимания на необыкновенную наблюдательность Доротейи и её способность кратко и ярко описывать события и впечатления. И особенно – на безотказное чувство юмора, которое так часто помогало ей по-иному взглянуть на сложную или неприятную жизненную ситуацию.

Конечно же, много места в дневниках уделено "побегам" от часто да-

вающей реальности в мир фантазии, населённый вымышленными героями, неизменно вместе с Рут Бедфорд. Многие записи рассказывают, как две молодые женщины вместе разыгрывают придуманные ими сюжеты, иногда уезжая для этого за город, где никто не мог их видеть и слышать. Эти "игры воображения" всегда были для Доротеи глотком свежего воздуха, она предпочитала их любым светским развлечениям – обедам, ужинам, балам, пикникам, увеселительным поездкам.

Доротея активно, на протяжении многих лет, интересовалась политикой и общественными проблемами – началось это ещё в 1902 году, когда женщины Нового Южного Уэльса получили право голосования наравне с мужчинами. Дневники отражают её мысли и переживания связанные с обстановкой в стране и в мире, в особенности – с дискуссией о необходимости мобилизации в период перед 1-й мировой войной.

Передают дневники и типичное для Доротеи состояние внутреннего беспокойства, постоянное ощущение "запертости", кластрофобии – вероятно, причиной было не столько то, что её тяготило пребывание "на одном месте", сколько образ жизни её круга, в котором не было места свободному выражению чувств. Им она могла дать волю только в своих стихах и дневниках. Отсюда, несомненно, и многочисленные, разнообразные ранние "звоночки" нездоровья.

В 1926 году выходит последний сборник стихов Доротеи "Причудливый наряд" (Fancy Dress). После этого, хотя она продолжала – периодически – писать до 1942 года, только считанные её стихи появлялись в печати. Последним было стихотворение "Крылья души" (Psyche's Wings), опубликованное в Sydney Morning Herald в апреле 1929 года. Интерес к её творчеству (за исключением "Моей страны", у которой был свой, особый статус) угасал – новые, модернистские тенденции и новые темы пришли в поэзию; другие проблемы волновали общество. Тем не менее, в конце 1920-х – начале 1930-х годов Доротея была активна и широко известна в сиднейских литературных кругах. В 20-х годах Доротея и Рут Бедфорд основали в Сиднее филиал клуба ZONTA.* Несмотря на то, что, по собственным словам Доротеи, она "ненавидела все правила и собрания", она являлась членом сиднейского Клуба Издателей, Редакторов и Новелистов (Sydney Publishers, Editors and Novelists Club); была почётным казначеем Клуба Писателей "Буша" (the Bush Book Club) Нового Южного Уэльса. В 1931 году, вместе с Этел Тёрнер и Мэри Гилмор она основала Сиднейский ПЕН Центр.** Но в дальнейшем она отходит от

общественной и литературной деятельности. Вторая половина её жизни была очень "приватной", скрытой от посторонних глаз.

**Впервые клуб ZONTA был основан в 1919 году в США. На языке индейцев Сиу "ZONTA" означает "честный, достойный доверия". Сегодня ZONTA – ведущая международная профессиональная организация женщин, миссия которой – поддержка и продвижение женщин, защита их прав, предоставление женщинам всего мира ресурсов, необходимых им для реализации своего творческого потенциала и продвижения на ведущие позиции наравне с мужчинами.*

*** (P.E.N.– Poets, Essayists, Novelists). Сиднейский ПЕН Центр (филиал Международной ПЕН организации) является одним из 3-х ПЕН Центров в Австралии. Это ассоциация австралийских писателей, читателей, издателей и правозащитников, созданная с целью способствовать продвижению литературы, свободы творчества, национальной культуры и взаимопонимания между народами. С момента своего создания в 1931 году Сиднейский ПЕН Центр активно проводил кампании и мероприятия для достижения этих целей.*

В 1924 году Доротея заказала строительство летнего коттеджа Таррангауа (Tarrangaua) на скалистом холме на берегу Lovett Bay. Попасть в это уединённое место можно только по воде. На самом деле, это фундаментальный бледно-жёлтый особняк, окружённый просторной верандой с колоннадой, откуда открывается вид на Pittwater. В 1925 году, когда особняк был готов, Доротее, или "мисс Макеллар", как почти все её называли, было 40 лет. Она была ещё красива, богата, знаменита; к несчастью, уже страдала алкогольной зависимостью, которая, усиливаясь, продлилась до старости. Если всмотреться, взгляд её на фотографиях этих лет полон грусти. Таррангауа был её собственное "детище", убежище, где она могла отдохнуть от всех забот, иногда принимать гостей, которые были ей интересны, иногда – "прятаться" от людей. В течение последующих 18 лет Доротея проводила в Таррангауа много времени, нередко в компании Рут Бедфорд. Океан, красота Lovett Bay, плавание, рыбная ловля возвращали силы, лечили душу. Однако в 1953 году Таррангауа был продан. В настоящее время дом принадлежит писательнице Сьюзан Дункан (Susan Duncan) и её мужу.

На плечи Доротеи легла ответственность за её престарелых родителей. Она была глубоко преданной дочерью, и заботам о них жертвовала

и творчеством, и душевным спокойствием. Она тяжело пережила умственное угасание отца в конце жизни и его смерть в 1926 году. Окружала нежнейшей заботой и вниманием мать до самой её кончины в 1933-м. После смерти матери был приобретён небольшой особняк Синтра в Darling Point – последний дом Доротеи Макеллар.

Но в 1928-29 годах Доротея с матерью успевают ещё совершить последнее заокеанское путешествие: леди Макеллар хотелось в последний раз повидать родных и друзей в Англии. Доротея побывала в Шотландии, Ирландии, Дании, Голландии, Норвегии, встретила со многими давними друзьями, в том числе и с четой Палмерсов. По словам Доротеи, во время этого путешествия был момент, когда она была как никогда близка к самоубийству: будущее рисовалось бессмысленным и одиноким... Вместе с матерью они побывали на Карибских островах. По возвращении в Лондон их настигло известие о внезапной трагической смерти в Париже, во время свадебного путешествия, молодой жены любимого брата Доротеи Эрика, который в течение всей жизни был её ближайшим другом и поверенным. Эрик никогда не оправился от этого удара; от глубочайшей депрессии не спасал и развившийся тяжёлый алкоголизм. Он больше не может управлять сельскими имениями; проводит ряд лет в лечебнице. Доротея заботится о нём, насколько это возможно, до конца; в её доме Синтра он проводит последние 10 лет; часть дома была превращена в подобие больничной палаты во время его болезни. Эрик умирает в 1950 году. Младший брат Малколм скончался ещё в 1943-м. Доротея остаётся одна.

Я слушала в записях, как Макеллар читала "Мою страну" в разные годы: важно, низким, сильным голосом, с нарочитым шотландским акцентом, – в 40-е; голосом усталым, "осевшим", и гораздо проще – в 50-е...

Какой же она была, Доротея Макеллар? Какой образ складывается из отрывочных уцелевших воспоминаний, писем, дневников? Она была "другая" – чем-то с первого взгляда выделялась, отличалась от большинства. Немало было людей, которые её "не воспринимали"; думается, в этом присутствовала и зависть. Другие – также неординарные личности – ценили её общество. Так, в 1912 году в Англии она познакомилась и, несмотря на разницу в возрасте, подружилась с Джозефом Конрадом*, который считал её интересной собеседницей и был польщён тем, что умная молодая женщина "другого поколения" восхищается его книгами.

Несомненно, очень сильна была в ней гордость, что нередко оборачивалось против неё самой. Но была добра – никогда не отказывала в помощи друзьям и всем, кто обращался к ней с "разумными" просьбами. Любила детей и находила с ними общий язык; была внимательна к своим крестникам. Без труда находила общий язык и с "простыми" людьми – рабочими на ферме, домашней прислугой, младшим медицинским персоналом во время своих многочисленных госпитализаций; была с ними терпелива, приветлива, щедра. Была верным другом и умела пронести дружеские отношения через всю жизнь. Была у неё "страсть" гулять одной по ночам, где бы она ни находилась – и в родном Сиднее, и в деревне, и в заграничных поездках, порой в местах весьма небезопасных. Во время этих одиноких прогулок лучше всего думалось; разыгрывалось воображение. До старости она сохранила ясную, цепкую память и могла, в своих рассказах, живо восстановить события многолетней давности.

**Joseph Conrad (1857–1924), английский писатель польского происхождения (родился в г. Бердичеве Российской империи). Хотя Конрад в совершенстве овладел английским лишь к 20-и годам, он считается одним из ведущих английских прозаиков, мастером стиля. Обогастил английскую литературу новой тематикой противостояния человека равнодушной природе (чаще всего – океану); глубочайшим проникновением в психологию личности. Автор 20 романов, в том числе "Лорд Джим", "Ностромо", "Секретный агент", и множества рассказов. По произведениям Конрада поставлены десятки кинофильмов, в том числе всемирно известный "Апокалипсис сейчас" (Apocalypse now) – экранизация романа "В сердце тьмы" (The heart of Darkness), режиссёр Фрэнсис Форд Коппола (Francis Ford Coppola).*

Сила характера и врождённое жизнелюбие много лет помогали Дороте, каковы бы ни были её личные обстоятельства, находить утешение. Она продолжала интересоваться событиями в мире и в стране и, если тема её волновала, писала о ней в газеты. Изредка проводила поэтические чтения; посещала и порой открывала художественные выставки; по-прежнему любила театр, музыку; поддерживала "физическую форму". Однако с течением лет одиночество, тоска и растущая зависимость от алкоголя и опиатов (в те годы их рутинно прописывали пациентам "от нервов") делали своё разрушительное дело. Но и в худшие времена – вот что она писала:

*Я не закрою глаз, чтоб солнца свет померк,
из страха перед днём – пусть бред несёт, кошмар
крадущийся... И то, всего страшней – во мне,
невидимое вам...*

*Я не закрою глаз и света боль стерплю.
Входите, тени: Страх, Заброшенность...
Огонь небесный пусть палит!
Пока не выжжет глаз – я не закрою их.*

В зрелые годы "жизнь ума и сердца", столь напряжённая в молодости, всё меньше отражается в стихах Макеллар. Много стихов написано о путешествиях, дорожных впечатлениях. Главным источником вдохновения остаётся природа Австралии – океан, горы, степи, небо, птицы, удивительные краски и контрасты этой земли оживают в её стихах. Есть и стихи, навеянные "природой" города, а именно Сиднея (одно из них, "Из городского окна", включено в эту подборку).

Доротей Макеллар, несомненно, обладала великолепным чувством природы. Историк австралийской литературы и журналист Генри Макензи Грин назвал её "лириком света и цвета", влюблённым в австралийский пейзаж. Однако в её стихах, особенно более поздних, отсутствует – или ощущается очень слабо – та магическая связь, переключка состояния природы с чувством, состоянием, заветными мыслями поэта, которых ждёшь от высокой лирики. А без этого любование красотами природы, как бы мастерски они ни были описаны, оставляет читателя равнодушным. Не найдёшь в её стихах и философской глубины, метафоричности, многозначности образа. Сама Доротей Макеллар реалистически оценивала свой поэтический дар: "Я никогда не стала настоящим поэтом. Я написала – из сердца, воображения, опыта – некоторое количество стихов".

Беверли Кингстон, австралийский историк, ведущий специалист по истории женщин Австралии и их вкладу в развитие страны, писала о Доротее Макеллар: "Несмотря на оригинальность, талант и, несомненно, привилегированное положение, она оставалась типичным образцом австралийской женщины своего поколения, и в её судьбе ясно ви-

ден контраст между воодушевлением, идеализмом и энергией юности, и атрофией таланта и жизненных сил в зрелом возрасте – им не было применения".

Доротей Макеллар пережила всех, кого она любила. Она была очень одинока в конце жизни, но никогда не жаловалась, не отягощала души людей своими горестями – они были замкнуты в её сердце. В старости она много болела и провела 10 лет в доме престарелых в Рэндвике. Незадолго до смерти, под присмотром медсестёр, она сумела вернуться в Синтра, свой последний, любимый дом. Она была слаба и не покидала постели без посторонней помощи. Но 2-го ноября 1967 года, одна, встала и добралась до открытого окна, где её нашли после падения. Это был перелом шейки бедра. "Я хотела посмотреть на птиц и насекомых," – объяснила она потом. За две недели до смерти, в канун Нового года, Доротей Макеллар была награждена Орденом Британской Империи за вклад в австралийскую поэзию. "Позновато," – прокомментировала Доротей. Она скончалась 14-го января 1968-го года в госпитале, в возрасте 82-х лет. Отпевание проходило в англиканской церкви Святого Марка в Дарлинг Поинт (St. Mark's Anglican church, Darling Point). Во время службы было прочитано стихотворение "Цвета" (Colours), которое Доротей считала своим лучшим. После кремации прах её был похоронен рядом с членами её семьи, на кладбище Waverley в восточном Сиднее, над океаном.

Репутация Доротеи Макеллар как одного из ведущих австралийских поэтов, внесших неоценимый вклад в национальную литературу зиждется почти исключительно на стихотворении "Моя страна". Остальное её творчество практически забыто. Сегодня "Мою страну" уже не сможет продекламировать наизусть каждый австралийский школьник, как, говорят, это было в 40-х – 60-х годах. Но память Доротеи Макеллар как создателя этих стихов по-прежнему чтут в Австралии.

В честь Доротеи Макеллар назван федеральный избирательный округ, занимающий большую половину северного побережья Сиднея (Northern Beaches). Её именем названа улица в пригороде Канберры Cook.

26 января 1983 года, в День Австралии, был открыт мемориал Доротеи Макеллар в Анзак Парке, Ганнеда (ANZAC Park, Gunnedah). В центре мемориала – бронзовая статуя Доротеи в седле работы Дэнниса Эдамса (Dennis Adams).

В 1984 году житель Ганнеда Микки Маас* основал поэтический конкурс имени Доротеи Макеллар, который превратился в ежегодный общенациональный конкурс юных поэтов – австралийских школьников.

**Mient Je (Mikkie) Maas, основатель Общества Памяти Доротеи Макеллар (Dorothea Mackellar Memorial Society) и мемориала в Ганнеда. Награждён Орденом Австралии (Order of Australia Medal, OAM).*

В 2008 году, к столетию со дня первой публикации стихотворения "Моя страна", известный австралийский фотограф Питер Лак (Peter Lusk) выпустил книгу "Моя страна" Доротеи Макеллар: столетняя годовщина 1908-2008". Питер Лак соединил последние пять легендарных строф стихотворения, строка за строкой, с фотографиями этой "бескрайней коричневой земли", сделанными им на протяжении 30 лет. Вот что пишет он в предисловии к книге: "Кажется парадоксальным, что это, самое знаменитое австралийское стихотворение, говорящее отнюдь не о городе, было написано юной изнеженной светской горожанкой, дочерью богатого врача и политика, который владел домами в самых престижных районах Сиднея и целым рядом деревенских имений. По моему ощущению, "Моя страна" скорее могла бы быть написана Банджо Патерсоном (Banjo Paterson), неутомимым всадником "буша" и военным корреспондентом, или Генри Лоусоном (Henry Lawson), закалённым, измотанным войной журналистом, алкоголиком... Но именно аристократка Макеллар с таким совершенством сумела передать амбивалентность австралийской экосистемы и непостоянство её климата".

Доротея Макеллар стала первым австралийским писателем, получившим признание ЮНЕСКО. В феврале 2017 года рукопись стихотворения "Моя страна" была официально внесена в реестр "Австралийская Память Мира" (Australian Memory of the World, AMW). Такие реестры существуют для разных стран. Цель этой программы ЮНЕСКО – сохранение документального наследия, имеющего непреходящую ценность как для страны, так и для всего человечества, и его популяризация. "Моя страна" стала первым произведением литературы, внесённым в реестр Австралии. Единственная известная рукопись этого стихотворения – в тетради Макеллар озаглавленной "Стихи 1907-1908".

24-го ноября 2017 года члены Сообщества Женщин-Писателей Но-

вого Южного Уэльса торжественно открыли на кладбище Waverley, у места захоронения Доротеи Макеллар, мраморную плиту в её честь, на которой выгравированы восемь строк бессмертной 2-й строфы стихотворения "Моя страна". Теперь они навсегда перед глазами сотен туристов и нескончаемых групп школьников, которые посещают это место.

Слава и почитание одного произведения на фоне практически полного, в наше время, отсутствия интереса к остальному творчеству Макеллар – это ещё один контраст, парадокс в её непростой судьбе. А ведь ею написано немало стихов, которые достойны памяти! В её лучших стихах, особенно "молодых", есть одухотворённость, лиризм, глубина чувства, благородство помыслов, свой неординарный взгляд на мир, гармоническое слияние с природой – и, конечно же, умение всё это передать: она прекрасно владела языком и формой. Я надеюсь, что небольшая подборка переведённых мною стихов Макеллар, предлагаемая здесь русскоязычным читателям, будет интересна для них и "приоткроет дверь" в мир этого знаменитого, забытого австралийского поэта.

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

Марина Старчевская

Израиль

Марина Старчевская – поэт, писатель.

Родилась в Украине, в г. Днепрпетровске (ныне Днепр). С 1989 года живёт и работает в Израиле. Член правления Союза русскоязычных писателей Израиля. Председатель Ришонского отделения Союза писателей. Лауреат премии «Золотое Перо Руси» (Россия, 2016) и премии им. Ф. Кривина (Израиль, 2017). Автор аудиокниги и 8 поэтических сборников для детей и взрослых, изданных в России и Израиле. Участник и победитель конкурсов литературных сайтов и фестивалей. Публиковалась в газетах и журналах России, США, Израиля, Финляндии, Украины, Белоруссии, Германии.

Двойник

Толстокож и большерот
Дремлет в речке бегемот.
А к нему по дну идёт
Бегемот наоборот.

До чего же он нелеп —
Настоящий ТОМЕГЕБ!
Словно бочка на столбах,
Ключья травки на губах,
Морда, точно чемодан,
Зубы — каменный капкан.

Томегеб замедлил ход
Бегемот ему ревёт:

— Здесь вокруг мои луга
И река, и берега.

Неприступен и сердит,
Томегеб в ответ рычит.
Бегемот копытом бьёт,
Томегеб не отстаёт.
Вздорят сутки напролёт
Томегеб и бегемот.

Глупо спорить о еде
С отражением в воде.

Мечтатели

Под листвой у гаража
Жили были три ежа.

Вместо утренней ходьбы
Плыли в луже по грибы.

По туманной пелене
На бревне, как на челне.

А носки и башмаки
Уложили в узелки.

Плыли ёжики втроём:
Лужа крупный водоём —
У кисельных берегов
Много ягод и грибов!
— Лопай всё, что видит глаз —
Остальное про запас!

— Три ежа — одно бревно —
Фыркнул филин:
— Не смешно.

Разочарование

— Я волк, обладатель зубов и когтей,
сквозь ветки и листья смотрю на детей:
Девчонка с корзинкой, мальчишка с мячом
в лесу не заметят меня нипочём!

На волчьей тропе, обо всём позабыв,
они, не таясь собирают грибы,
играют в пятнашки, бегут по ручью,
не зная, что я за берёзой стою.

Смотрю и завидую — я огорчён!
Я тоже хочу поиграться с мячом!

Но мама сказала:
— Мы волки, пойми!
А серые волки не ладят с людьми.

Не горчить

Поливаем огород —
Огурчонок морщит рот:
— Лучше лейте на бахчу,
я полива не хочу!
День прошёл, а может — два...
Сникли стебли и листья.

Огурчонок огорчился:—
Видно я погорячился. —
И давай всю вопить:
— Погибаю, дайте пить!
Я ж не знал, что мне во благо
Лето, солнышко и влага.

Всем на свете нужно пить,
А не то начнёшь горчить.

Незнание языков

Признался как-то рыжий кот —
Задира и гуляка:

— В душе моей давно живёт
Домашняя собака...
Как славно зимним вечерком,
В нейлоновой фуфайке,
Пройтись с хозяином пешком
От дома до лужайки.
Поговорить о ветчине,
О рыбе посудачить...

Но не умеет пёс во мне
Мяукать по-собачьи.

Пятый Элемент

Папин номер часто занят: «абонент не абонент»,
Мир висит на нашей маме, мама — Пятый Элемент.

Отвезёт на танцы Машку, а меня — играть в хоккей.
Перекурит (не взятяжку) — в общем, всё, как у людей.

Мультиварку обесточит, чтобы я включить не смог,
На кредит возьмёт отсрочку, к окулисту — номерок,

Сбросит папе эсэмэску, чтобы боссу не дерзил,
Постирает занавески, сходит в ближний магазин,

Купит бабушке таблеток, шерсть для вязки свитеров
И прихватит спрей на лето от кусачих комаров.

Нашинкует таз капусты, приготовит пирожки,
Подметёт — и скажет грустно:
— Жаль, что только две руки!

Почему, вздыхая тяжело, папа с мамой не хотят,
Чтобы в доме, кроме Машки, появился младший брат?

Трое — много или мало?! Если взрослые не врут,
Чтобы мама успевала — маме нужно десять рук!

Соседка (мини-сказка)

Волшебник простыл, у волшебника жар,
Коклюш и ангина с ветрянкой:
Он стонет, глотая целебный отвар,
И громко зовёт обезьянку.

Он бредит, кота отправляя в полёт,
И кот разгоняясь от шкафа,
Летит, как торпеда, и громко орёт,
Слегка завывая от страха.

За ним отправляются два эскимо,
Расчёска, солонка, будильник,

Окно открывается, словно само,
Бедняге даёт подзатыльник.

Волшебник потеет, волшебник скрипит,
Как старый корабль под парами,
Он кашляет, булькает, хрипло сипит,
Чихая цветными шарами.

Болезнью измучен, почти истощён,
На кухню бредёт за таблеткой,
Но чай наливает в кастрюлю с борщом,
А борщ заедает конфеткой.

Заслышав мяуканье, визги и брань,
Своих не жалея силёнок,
Соседская фея, возьми и нагрянь:
Раз, два — и волшебник спелёнут.

Она умирят домашний скандал,
Кота отвлекает сардиной,
И чтобы никто и ничем не хворал,
Всех потчует чаем с малиной...

Не каждый на лестничной клетке
Имеет такую соседку!

Юлия
Старцева
Санкт-Петербург

КОТ МУРР, ЕГО ХОЗЯИН И ЕГО УЧЕНИКИ

250 лет со дня рождения Э.Т.А. Гофмана

Нет такого писателя или поэта, чьё вдохновение не разделял бы домашний любимец, потомок египетской богини Бастет. Возможно, лучшие страницы написаны проворной маленькой лапкой. Кажется, первым признался в соавторстве со своим котом сказочник из Кёнигсберга. Бодлер и прочие достойные люди-котоманы были его продолжателями. О, чудесный капельмейстер и волшебный сочинитель!

«И у него были совершенно особенные отношения с саламандрами», щурясь на огонь камина, мурлычет Синильга – юная белая кошечка с

дымчатым хвостом и тёмными ушками; в маскарадной полумаске сияют голубые глазищи, ярче апрельского небосвода.

– Да, его дом сгорел однажды со всеми рукописями и музыкальными инструментами. А знаешь ли ты, о мамзель Кусявочка, что вслед за великой книгой о коте Мурре, вслед за Готье, Верленом, Элиотом и прочими *достойными людьми*, наши русские футуристы Асеев и

Бобров, спустя столетие, сочинили поэму о плавании кота Буберы за кошачьим талисманом? Отважный мореплаватель открыто признал себя последователем гениального кота Мурра. В плавании он нашёл невесту-принцессу, беленькую и голубоглазую Ниаму из Сиам, страны, где кошек почитают божествами.

*«Отменивши строгий пост,
Не мышей я серых стану –
Райских птиц ловить за хвост
И обмакивать в сметану;
И на стройность этих игр
В пестро-пламенном наряде
Поглядет прибудет тигр,
Мой могущественный дядя.
Мяу, мяу, мяу, мяу
Я хочу на остров Яву...»*

«Беленькую и голубоглазую? Ах, это же про меня!» – малютка Синильга охорашивается. – «Мы, невские маскарадные, отчасти родня сиамцам...»

– Вот-вот, так поэтом и сказано: *«её глаза — весенний небосклон — превкусные поют в котором птички!»*

Kater Murr умер молодым котом, но памятник в литературе заслужил великолепный, на зависть двуногим и «в назидание подающей надежды кошачьей молодежи». Довелось видеть роскошное коллекционное издание «Житейских воззрений кота Мурра». Переплёт немецкой кожи высшего качества, на крышках серебро, глаза кота, кометы, звёзды – золото, цирконы, гранаты, турмалины, рубины, лунный камень. Форзац муарового

шёлка. Замок из серебра в виде кошачьей мордочки. А ещё в Бамберге стоит памятник дивным соавторам, сказочнику приносят цветы, а его компаньону – лакомства.

«Всё-таки Гофману следовало угощать кота Мурра чем-либо съедобнее селёдочной головки», замечает кошку Синильга. «*О аппетит, имя тебе – кот!*» Кстати, не дашь ли ты мне чего-нибудь вкусенького?»

– Не забывай, ведь он был так беден: «*Продал старый сюртук, чтобы поесть*», – писал Гофман в дневнике.

Гофман, вслед за Гёте, говорил об избирательном средстве душ романтиков, истинных музыкантов, в мире филистеров, благонамеренных пошляков-обывателей. Так мой суженый от века друг нашёл меня однажды. Он не томился по своей Юлии, он встретил её и был счастлив целых пять лет. Увы!.. его душа теперь в мире гармонии сфер, а я всё ещё здесь, на печальной земле.

С избыточной новогодней – рождественской и святочной – декоративностью осыпаны снегом деревья. Можно придумать, что под зимние праздники всё то же, ничего не переменилось в мире. «Где ты была, Ю-юша, весь день, в Городе?» – наверное, письмо от любимого человека уже ждёт в моей почте. Мой белый кот голубоглазый... Но нет от него вестей, – в садах за огненной рекой не пишут писем, – а ходит по дому белая голубоглазая котечка, которой прежде не было, вот верная примета перемены жизни.

Людмила
Чеботарёва
(Люче)

Ноф-ха-Галиль, Израиль

ШКОЛЬНЫЕ ПРИКОЛЬНЫЕ

ДЕД-ВСЕЗНАЙКА

Я люблю беседы с дедом,
Знает он про всё вокруг:
Кто упал с велосипеда,
Кто мой самый лучший друг,

Где большая новостройка,
Где я спрятал Люськин бант.
Знает даже то, что тройку
Получил я за диктант.

Что не приложил старанья,
Что не застелил кровать.
— Дед, а можно эти знанья
Маме не передавать?

ИНТЕРНЕТ

Отключили Интернет —
Связи с миром больше нет.
Где смогу теперь узнать,
Не идёт ли дождь опять?

Чем нам вылечить кота?
Сколько весит пустота?
Как умножить пять на ноль?
Можно ль сделать сладкой соль?

Сколько дней лететь к Луне?
Что привиделось во сне?
Как друзьям послать привет,
Если Интернета нет?

Не пойти ли мне во двор?
Там Серёга и Егор.
Может, мы войдём в контакт
Не в компьютере, а так?

ПЕРЕМЕНКА

Вот и время перемены.
Берегитесь, в школе стенки!

Мы бежим во весь опор,
Мы спешим играть во двор.
Если опоздать сейчас,
3-й «Б» обгонит нас.

Но с налёту, с повороту
Мы вдруг врезались в кого-то.
Этот «кто-то» — наш директор,
Николай Петрович Спектор.

Посмотрел директор строго,
Преградил он нам дорогу...

У меня и Лёшки с Генкой
Стало меньше переменкой.

ГЛОБУС

На глобусе — реки, моря, океаны,
Но нет в них воды... Разве это не странно,
Что там ни китов, ни акул, ни селёдки,
А в реках не плавают быстрые лодки?

На глобусе этом пустыни повсюду,
Но в этих пустынях не видно верблюдов.
Ведь разве возможно — подумайте сами! —
Чтоб в глобус залезли верблюды с горбами?

На глобусе — сёла, посёлки, деревни,
Поля и леса, но леса — без деревьев.
В них нет ни медведя, ни зайца, ни волка.
Я думаю: мало от глобуса толка!

Зачем же учитель Ксан Ксаныч Агафьев
Меня заставляет учить географию?

ИЛЮШКА-НЕУКЛЮЖКА

Почему я неуклюжка?
То из рук роняю клюшку,
То подставлю вдруг подножку
Сам себе не понарошку.
То в футболе отчего-то
Гол забью в свои ворота.
То с разбегу врежусь в стенку,
Ушибу себе коленку.
То споткнусь на ровном месте,
Не сверну со всеми вместе.
Все налево, я — направо,
Все умело, я — коряво.

Я начну тренироваться,

Буду спортом заниматься
Постоянно и упорно.
Может, стану членом сборной
По настольному футболу,
Чтобы мной гордилась школа?
Чтоб сказали: «Наш Илюшка —
Замечательный уклюжка!»

ПРИТВОРА

Вот умора — так умора!
Наша Варенька — притвора!
Очень здорово она
Притворилась, что больна.

Варя не встаёт с постели...
Стонет... Дышит еле-еле...
Ей не трудно сделать вид,
Что чихает и хрипит.

— Я останусь завтра дома,
Чтоб не заразить знакомых.
Заболеют все друзья —
В школу мне никак нельзя!

— Хорошо, не будет школы,
Но больным нужны уколы
И таблетки — сорок штук,
Чтобы вылечить недуг.

— Как уколы?! Как таблетки?!
Не дают таблетки Светке,
А она уже три дня
Учит, как болеть, меня.

— Не выдумывай болезни!
Будет лучше и полезней,
Потрудившись вечерок,
Просто выучить урок.

ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

У старосты Морозовой
В косичке бантик розовый,
И не опишешь прозою
Зелёные глаза.
Недаром Васька Старостин
В любви признался старосте.
С ней жить готов до старости —
Он старосте сказал.

У старосты Морозовой
Зарделись щёки розами,
Но староста с угрозами:
— Теперь тебе влетит!
И от расстройства Старостин
За косу дёрнул старосту.
И впрямь, с какой бы радости
Влюблённый делать вид?!

Класс пишет сочинение
Про «чудное мгновение».
У Васьки есть сомнения
В правдивости стихов.
Иван Петрович Бабелев
Вкатил две двойки в табеле:
Они-то и ослабили
Всю Васькину любовь!

Содержание

ПОЭЗИЯ

3

Юрий Михайлик
Сергей Пагын
Валентин Нервин
Лина Старостина
Александр Кабанов
Наталья Карпичева
Виталий Кальпиди
Евгений Туренко
Наталья Стародубцева
Алексей Остудин
Виталий Молчанов
Андрей Сизых
Юрий Абазов
Белла Верникова
Виктория Левина
Сергей Плышевский
Людмила Чеботарёва (Люче)
Юрий Вайсман
Инга Даугавиете
Галина Лазарева
Яков Цемель
Геннадий Казакевич
Евгений Могилевский
Анастасия Сойфер
Елена Коган
Григорий Оклэндский
Фаина Зильп
Валентина Человская
Евгений Иванов
Людмила Вайнриб
Виктория Мовчан
Элина Комха
Валерий Сикорский

ПРОЗА

202

Татьяна Хохрина
Вячеслав Харченко
Вадим Месяц
Юлия Старцева
Сергей Москвитин
Юрий Абазов
Инна Часевич
Ефим Гаммер
Людмила Чеботарёва (Люче)
Мила Матвеева
Мария Волынская
Валентина Человская
Александр Грозубинский

ПЕРЕВОДЫ

322

Суман Похрел
Людмила Чеботарёва (Люче)
Адиба Мамадолимова
Анастасия Сойфер

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

355

Виталий Кальпиди
Дмитрий Аникин
Анастасия Сойфер

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

388

Марина Старчевская
Юлия Старцева
Людмила Чеботарёва (Люче)

Список авторов

Юрий Абазов.....	92, 259
Дмитрий Аникин.....	364
Людмила Вайнриб.....	180
Юрий Вайсман.....	121
Белла Верникова.....	98
Мария Волынская.....	306
Ефим Гаммер.....	270
Александр Грозубинский.....	320
Инга Даугавиете.....	123
Фаина Зильп.....	167
Евгений Иванов.....	175
Александр Кабанов.....	29
Геннадий Казакевич.....	141
Виталий Кальпиди.....	47, 356
Наталья Карпичева.....	40
Елена Коган.....	155
Элина Комха.....	193
Галина Лазарева.....	126
Виктория Левина.....	105
Адиба Мамадолимова.....	335
Мила Матвеева.....	289
Вадим Месяц.....	223
Юрий Михайлик.....	4
Виктория Мовчан.....	188
Евгений Могилевский.....	146
Виталий Молчанов.....	75
Сергей Москвитин.....	237
Валентин Нервин.....	14
Григорий Оклендский.....	159
Алексей Остудин.....	65
Сергей Пагын.....	9
Сергей Плышевский.....	110
Суман Похрел.....	323
Андрей Сизых.....	84

Валерий Сикорский.....	197
Анастасия Сойфер.....	151, 346, 372
Наталья Стародубцева.....	59
Лина Старостина.....	20
Юлия Старцева.....	233, 395
Марина Старчевская.....	389
Евгений Туренко.....	53
Вячеслав Харченко.....	212
Татьяна Хохрина.....	203
Яков Цемель.....	133
Инна Часевич.....	266
Людмила Чеботарёва (Люче).....	116, 285, 332, 398
Валентина Человская.....	172, 318

Редакционный Совет:

Залман Шмейлин

Александр Грозубинский
Юрий Вайсман (главный редактор)
Инга Даугавиете
Анастасия Сойфер

